

Исламизм и его роль в современном исламском обществе

Grinin, Leonid; Korotayev, Andrey

Veröffentlichungsversion / Published Version
Monographie / monograph

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Grinin, L., & Korotayev, A. (2019). *Исламизм и его роль в современном исламском обществе*. Volgograd: Uchitel Publishing House. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-69996-1>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Basic Digital Peer Publishing-Lizenz zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Basic Digital Peer Publishing Licence. For more Information see:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Л. Е. Гринин, А. В. Кортаев

**ИСЛАМИЗМ
И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ
ИСЛАМСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**Москва
2019**

Гринин Л. Е., Коротаев А. В.

Исламизм и его роль в современном исламском обществе. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. – 144 с.

ISBN 978-5-7057-5441-0

Многоликий, меняющийся и противоречивый исламизм – предмет исследования настоящей монографии. У исламизма много уровней и проявлений: от вполне респектабельных политических партий и диспутов ученых до представлений отдельного малограмотного или вовсе неграмотного мусульманина, от государственного уровня до групп террористов-фанатиков, от умеренных политических движений до ударных отрядов радикальных исламистов. Понять современные исламские (и тем более арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды, образа действий и образа жизни невозможно. Один из основных выводов монографии состоит в том, что фактически исламизм по большей части не является радикальным. Было бы ошибочно представлять его как некий нарост на теле исламских обществ. На самом деле он во многом отражает суть современных исламских обществ, их образ мысли и жизни. И все же большинство населения не являются сторонниками радикальных исламистов, иначе весь Ближний Восток давно превратился бы в аналог печально известного «Исламского государства». Напротив, исламизм во многом помогает налаживать жизнь на разных уровнях общества, создает особый исламский путь к модернизации. Мы надеемся, что это исследование позволит читателю получить достаточно полное представление о таком важном явлении современного мира, развитие которого затрагивает интересы миллиардов людей всех стран, религий и убеждений.

ББК 86.38

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

Московская редакция издательства «Учитель»
ул. Басовская, д. 16, стр. 1.
Формат 60×90/16. Печ. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Альянс «Югполиграфиздат».
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6. Тел./факс: (8442) 26-60-10.

Содержание

Введение	5
----------------	---

Часть I. НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНЕЗИСА СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИЗМА: К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, ИНДИИ И КИТАЯ

Глава 1. Государственность, исторические традиции и цивилиза- ционные особенности Ближнего Востока, Индии и Китая	10
--	-----------

1.1. Слабость государственности на Ближнем Востоке и укрепле- ние исламизма. Цивилизационные аспекты	11
1.2. Место в Мир-Системе и формирующемся мировом порядке	16

Глава 2. О роли отдельных факторов в усилении исламизма. Некоторые сравнения в отношении роли религии на Ближнем Востоке, в Индии и Китае	23
--	-----------

2.1. Нефтяное богатство и исламизм	23
2.2. Модернизация и религия	26
2.3. Геополитические аспекты	30
2.4. Миграции	33
3.5. Международное влияние и исламизм	34

Часть II. ИСЛАМИЗМ И ЕГО РОЛЬ В ИСЛАМСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ФУНКЦИИ И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА

Глава 3. Определение исламизма, некоторые взгляды на это явление. Появление исламистских идей и организаций	37
--	-----------

3.1. Понятие исламизма	37
3.2. Появление исламистских идей и организаций	49

Глава 4. Исламизм как идеология. Противопоставление Западу. Исламизм и западные ценности	53
---	-----------

4.1. Исламизм как идеология	53
4.2. Исламизм и противостояние Западу	54
4.3. Исламизм и ценности	57

Глава 5. Общие характеристики и функции исламизма	64
--	-----------

5.1. Массовость, понятность, полезность исламизма	64
5.2. Социально-политические функции исламизма	68
5.3. Социальная база исламизма	73

**Часть III. ИСЛАМИЗМ И ЕГО РОЛЬ В ИСЛАМСКОМ
ОБЩЕСТВЕ: ИСЛАМИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ.
ЭВОЛЮЦИЯ ИСЛАМИЗМА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Глава 6. Вехи развития исламизма и причины его укрепления	77
6.1. Исламизм в 1920–1960-е гг.	77
6.2. Победы исламизма в 1970-е гг.	80
6.3. Подъем радикального ислама и терроризма в 1980–2000-е гг.	82
6.4. Арабская весна	86
6.5. Причины подъема и укрепления исламизма	88
Глава 7. Противостояние со светскими режимами. Исламизм как оппозиционное течение и как государственная идеология	96
7.1. Исламизм в оппозиции. Борьба между исламизмом и свет- скими режимами	96
7.2. Исламизм в роли государственной идеологии	100
Глава 8. Многоликость исламизма	107
8.1. О типологиях исламистских направлений	107
8.2. Радикализм и терроризм	109
8.3. Эволюция исламизма. Постисламизм	114
Заключение. Современные тенденции	121
Библиография	123

Введение

Исламский мир широким поясом охватывает почти всю Афроевразию от Атлантического до Тихого океана, глубоко проникая на юг в субсахарскую Африку, на север до верховьев Волги и захватывая крупнейшее островное государство Индонезию. Он располагается в бассейнах трех океанов. Нельзя представить себе современный мир без ислама, тем более что число мусульман быстро растет. Прогнозируется, что количество мусульман с 1,7 млрд в настоящий момент (это больше одной пятой мирового населения) увеличится к 2050 г. до 2,76 млрд человек, что составит почти 30 % будущего населения планеты (Десилвер, Мэсильв 2017). Но, думается, и экономическая роль государств исламского мира также возрастет. Отсюда важность изучения исламизма во всех аспектах остается исключительно важной.

Многоликий, многоуровневый, меняющийся и противоречивый исламизм – предмет исследования настоящей монографии. Понять современные исламские (и тем более арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды, образа действий и образа жизни невозможно. Без этого масса явлений останется необъясненной, не интегрированной в общее течение жизни, противоречивой. Но понять исламизм не так-то просто, ведь это один из самых сложных социальных феноменов настоящего времени (Kerel 2000: 25). Кроме того, по ряду причин, о которых речь еще впереди, для многих обозревателей Ближнего Востока в XX в. и первой декаде XXI столетия исламизм оставался «явлением, скрывающимся за поверхностью» (Osman 2016: xiii), а потому он оказался недостаточно понятым. Между тем исламизм многолик, текуч, имеет множество уровней и проявлений: от вполне респектабельных политических партий и диспутов ученых до представлений отдельного малограмотного или вовсе неграмотного мусульманина, от государственного уровня до групп террористов-фанатиков, от умеренных политических движений до ударных отрядов экстремистов. Таким образом, «политический ислам отнюдь не монолитное явление, а сложное многоаспектное понятие, включающее исламские политические взгляды, которые могут коренным образом отличаться в разных странах» (Achilov, Sen 2017: 609; см. также: Ланда, Саватеев 2015; Ayooob 2009; Denoeux 2002; Schwedler 2011). Кроме того, само понятие ислама нестабильно в

условиях социальных и политических изменений (Achilov, Sen 2017: 621), оно меняется в связи с различными событиями.

Как отмечают специалисты, проблематика феномена даже *радикального* ислама чрезвычайно разнообразна. До сих пор нет и устоявшейся терминологии для его обозначения: говорят об исламизме, политическом исламе, исламском фундаментализме, исламском терроризме, джихадизме, ваххабизме, салафизме и т. д. (Кисриев и др. 2015). Между тем существует исламизм умеренный, демократический и иной, столь же разнообразный и противоречивый, не застывший, а живой как жизнь, реагирующий на различные изменения, колеблющийся от крайнего радикализма до вполне либеральных заявлений и политических действий (Kurzman 1998; Denoëux 2002; Ayooob 2009; Schwedler 2011; March 2015; Volpi, Stein 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017).

Настоящая монография, конечно, не претендует на всесторонний анализ исламизма – подобное просто невозможно осуществить в рамках одного исследования. Главное, что мы хотели бы донести до читателя, – это следующее. Радикальный и террористический исламизм – печальная и жестокая реальность. И средства массовой информации, и исследователи уделяют ему львиную долю своего внимания, конечно, не просто так, а потому, что он представляет грозную и часто невидимую опасность, жертвой которой может стать каждый (включая и умеренных исламистов). Однако из-за этой угрозы, которую к тому же по естественным причинам весьма преувеличивают, из внимания выпадает тот важнейший факт, что на самом деле радикальные исламисты составляют очень небольшую часть, что основной исламизм – не радикальный (хотя в этой массе есть и некое «болото», способное в определенные периоды склоняться к радикализму). Мало того, исламизм многим представляется как некий нарост на теле исламских обществ. На самом деле он во многом отражает суть современных исламских обществ, их образ мысли и жизни. И все же большинство населения не являются сторонниками радикалов, иначе весь Ближний Восток давно превратился бы в аналог печально известного «Исламского государства» (ИГ, ИГИЛ)¹. Напротив, исламизм во многом помогает налаживать жизнь на разных уровнях общества, создает особый – исламский – путь к модернизации.

¹ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

Ислам является для очень многих жителей мусульманских стран (а возможно, и для большинства из них) очень важной частью их мировоззрения и повседневной жизни. Вот почему исламисты нередко выигрывают выборы. Неудивительно, что *в мусульманском мире почти не осталось стран, где бы исламизм не превратился во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики. То, что в конце прошлого столетия представлялось частными эпизодами, оказалось одним из главных трендов мировой политики* (см., например: Малащенко 2015).

Исламизм многогранен, охватывает множество сфер жизни, в этом смысле он тотален (и даже тоталитарен в плане жесткости некоторых предписаний), а также многолик. Вот почему исламизм нельзя искоренить на современном этапе, его можно только перерасти (Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2017; Holdo 2017)². А для этого требуется длительное время. Можно согласиться с тем, что исламизм, вне зависимости от того, как его определять и какие движения, партии и группы с ним аффилированы, останется политическим актором на национальном, региональном и глобальном уровнях на протяжении еще не одного поколения (Малащенко 2015: 122).

Необходимо ясно понимать, что уменьшить опасность радикального, террористического исламизма одной только силовой борьбой с ним невозможно. Можно надеяться, что он пойдет на убыль в случае, если удастся разделить его с умеренным исламизмом и сделать последний более респектабельным, открытым, вовлеченным в нормальную политическую жизнь.

Монография состоит из трех частей.

Часть I называется «Некоторые предпосылки генезиса современного исламизма: к сопоставительному анализу Ближнего Востока, Индии и Китая». Выбирая такой аспект, мы исходили из того, что, поскольку исламизм распространен практически во всех странах Ближнего и Среднего Востока (БСВ), хотя играет в них различную роль, имеет смысл сформулировать идеи, которые лучше объяснят его распространенность и влияние. В некоторых слу-

² Как нельзя было отменить влияние протестантских доктрин в большинстве общин колонистов в Северной Америке в XVII–XVIII вв., которые жили согласно нормам христианского фундаментализма. А затем процесс снижения влияния этих норм пошел вполне спонтанно, самопроизвольно.

чаях для того, чтобы оттенить особенности Ближнего и Среднего Востока, мы сравниваем его с Индией и Китаем.

Эта часть состоит из двух глав и посвящена систематическому рассмотрению предпосылок становления современного исламизма на Ближнем и Среднем Востоке через сравнительный анализ некоторых тенденций развития данного макрорегиона, Китая и Индии. В *Главе 1* мы рассматриваем, как и почему исторические и цивилизационные традиции и особенности обеспечивают условия для распространения и сохранения позиций исламистов. В частности, мы отмечаем, что в большинстве стран Ближнего Востока устойчивые этногосударственные образования не сложились. В результате в сознании населения нет прочной связи именно с данной политической структурой и ее границами. Цивилизационные особенности связаны с арабским завоеванием и распространением общего языка и общей религии. Это привело к тому, что сформировалась крупная надгосударственная гомогенность, которая стала важнейшей основой как для панарабского национализма, так и для интернационализации исламизма. В *Главе 2* мы рассматриваем влияние таких факторов, как нефтяное богатство, модернизация и геополитические аспекты, на развитие исламизма, в частности, показывая, что обретение нефтяного богатства усилило стремление модернизироваться по особому (исламскому, а не западному) пути, что способствовало так называемому Исламскому возрождению и росту влияния исламистов. Говоря об особенностях религии в истории и жизни исламских обществ Ближнего и Среднего Востока, мы отмечаем, что функции религии здесь исключительно важны и разнообразны. Это способствует политизации религии и, соответственно, укрепляет позиции исламистов.

В *Частях II и III* анализируются основные характеристики и функции исламизма, его социальная база и различия между радикальным и умеренным исламизмом.

Этот анализ представляется исключительно актуальным, поскольку радикальный исламизм является в настоящее время мощной дестабилизирующей силой как на глобальном, так и на региональном уровне. Именно это пугает мир. Вместе с тем необходимо различать исламизм радикальный и умеренный, поскольку во многих исламских обществах последний выступает в качестве скорее стабилизирующей силы. При этом, повторим, большинство мусульман поддерживает именно умеренный исламизм.

Часть II «Исламизм и его роль в исламском обществе: общие характеристики, функции и социальная база» состоит из трех глав. В *Главе 3* даются определение исламизма и краткие сведения об истории современного исламизма. В *Главе 4* рассматриваются проблемы и особенности исламизма как идеологии, дается анализ противостояния этой идеологии западным идеологиям и ценностям, а также элементы сходства между ними. В *Главе 5* представлен обстоятельный анализ характеристик и функций исламизма, анализируется его социальная база. Читатель увидит, что исламизм – отнюдь не поверхностное явление, он затрагивает коренные аспекты жизни мусульман, это массовое течение, социальная база которого широка и разветвлена.

Часть III «Исламизм и его роль в исламском обществе: исламизм в политической системе. Эволюция исламизма и современные тенденции» посвящена анализу роли исламизма в политической системе. В ней также затронута тема эволюции исламизма и некоторых его современных тенденций. Эта часть также состоит из трех глав. В *Главе 6* рассматривается вековая история современного исламизма, причины Исламского возрождения и триумфального распространения. *Глава 7* важна потому, что показывает, как может меняться исламизм в зависимости от того, находится он в оппозиции или у власти. Мы также старались доказать свою мысль, что исламизм более предназначен быть именно в оппозиции, чем во власти. В *Главе 8* рассматриваются различные направления исламизма (прежде всего умеренное и радикальное), исследуются пути его эволюции.

Заключение посвящено анализу самых современных тенденций в исламизме. Мы надеемся, что это исследование позволит читателю получить достаточно полное представление о таком важном явлении современного мира, как исламизм, развитие которого затрагивает интересы миллиардов людей всех стран, религий и убеждений.

Часть I

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНЕЗИСА СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИЗМА: К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, ИНДИИ И КИТАЯ

Данная часть посвящена систематическому рассмотрению предпосылок становления современного исламизма на Ближнем и Среднем Востоке через сравнительный анализ некоторых тенденций развития данного макрорегиона, Индии и Китая.

Определение исламизма будет дано во второй части монографии, там же и в части третьей мы подробно остановимся на его характеристиках. В первой части мы рассмотрим историко-региональный и мир-системный контекст возникновения современного исламизма.

Глава 1. Государственность, исторические традиции и цивилизационные особенности Ближнего Востока, Индии и Китая

Ближний и Средний Восток (БСВ), равно как и Китай с Индией, представляет собой очень сложную и неоднородную в разных смыслах систему, самостоятельный мир (по выражению Ф. Броделя), в меньшем объеме отражающий исключительно сложную палитру взаимоотношений своих субъектов и единиц. На первый взгляд, это особенно касается именно Ближнего и Среднего Востока, где сосуществуют множество государств и обществ с очень разной культурой и различными конфессиями, находящихся между собой порой в крайне напряженных и откровенно враждебных отношениях¹. Однако в некоторых аспектах, например, в плане языка,

¹ Подробнее о разных странах и регионах Ближнего Востока см.: Гринин и др. 2016.

этничности и религии, Ближний и Средний Восток, пожалуй, выглядит куда более гомогенным, чем, скажем, Индия, которая является одним из самых многонациональных государств мира². Данная гомогенность стала важнейшей основой для интернационализации исламизма, для того, чтобы это течение и идеология легко пересекали границы государств, делая их прозрачными.

1.1. Слабость государственности на Ближнем Востоке и укрепление исламизма. Цивилизационные аспекты

Слабость государственности. Успехам исламизма способствует и традиционная слабость государственности в странах БСВ. Слабыми традициями государственности на Ближнем и Среднем Востоке (за исключением Египта, Турции и в определенной мере Ирана) объясняют и неустойчивость многих режимов, и недостаточный уровень модернизации. В то же время в Индии вследствие успешного государственного строительства, состоявшегося не в последнюю очередь благодаря длительному внутреннему миру при колониальной администрации и заложенных ею административных традициях (Кей 2011), удалось успешнее и с меньшими затратами решить многие проблемы. Таким образом, в настоящий момент уровень развития государственности в Китае и Индии в целом существенно выше, чем в большинстве ближневосточных стран, хотя вновь подчеркнем, что среди последних разброс в этом плане колоссальный. Таким образом, разница в уровне государственности во многом определяет и пути к глобализации, и успехи стран БСВ и других регионов, а также большей частью объясняет их внутренние и внешние проблемы (об особенностях политических систем и политической культуры стран Востока см.: Воскресенский 2007; см. также: Гринин, Коротаев 2007; Гринин 2010).

Одна из главных идей исламизма состоит в противопоставлении правильного, высокодуховного, высокоморального исламского общества и меркантильного, бездуховного, аморального Запада. Следует сказать, что для нелюбви к Западу у населения БСВ есть

² Ее населяют несколько сотен этнических групп различного расового происхождения, говорящих на языках, относящихся к нескольким лингвистическим семьям (современная индийская статистика выделяет 1562 языка). Кроме того, население, насчитывающее более 1 млрд 200 млн человек, исповедующих различные религии, раздроблено на десятки тысяч каст и подкаст (Горохов 2011).

прочные исторические основания (хотя мы, в отличие от С. Хантингтона, не считаем, что эти исторические корни размежевывают цивилизации непреодолимо).

Тем не менее, разумеется, несмотря на происходящую модернизацию (а в некоторых аспектах – благодаря ей), культурно-религиозное (идеологическое) наследие и традиции, насчитывающие от 1,5 до 2,5 тыс. лет, не могут не оказывать огромное влияние на все текущие процессы и явления, тем более в странах, где большая часть населения по-прежнему малообразованна, а религия является важнейшей скрепой для формирующихся наций (как в Саудовской Аравии, странах Залива и Магриба, а также в Индии). В этом плане представляется обоснованной мысль, что верность восточного общества своей традиции вновь объединяет его в стремлении сохранить самостоятельность в условиях глобализации (Яковлев 2015: 6).

Сравнение в цивилизационном аспекте. Если сравнивать Китай, Индию и Ближний Восток (БВ) в аспекте цивилизационном, то из трех цивилизаций ближневосточная сохраняет цивилизационные черты в наибольшей степени (возможно, это также говорит и о том, что она в культурно-модернизационном плане пока является наиболее отстающей).

Ближний Восток из-за раннего созревания там цивилизации, урбанизации и формирования бюрократии, относительно слабой этничности, высокой корпоративности служителей культов, влияния кочевников и ряда других исторических особенностей создал много крупных государственных образований, но тем не менее, за исключением территорий собственно Персии и Египта (и в какой-то мере еврейских и армянских государств), прочные этногосударственные образования там не сложились. Не сложились также прочные развитые государства, которые, временно утратив централизацию, стремились бы к своему воссозданию, как это наблюдалось в Китае (см. подробнее: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин 2010). Напротив, после распада империй они уже не воссоздавались, а вместо них формировались иные с другой по этничности и культуре элитой, либо эти территории и вовсе становились частью иноэтничных империй.

Эта непрочность внутреннего единства территорий, входящих в государственные образования, имела место и после формирования исламских халифатов и эмиратов, бесконечно меняющих свои границы. Она не исчезла ни в результате турецкого владычества, ни во

время колониального и квазиколониального господства Франции и Англии и сохранилась, по сути, до наших дней на многих территориях Ближнего и Среднего Востока. Сегодня там, не считая Израиля, реально существуют три государства, границы которых поддерживаются национальным самосознанием и единством населения: Турция, Иран и Египет³. Что касается остальных, то в некоторых странах этот процесс внутреннего укрепления идет достаточно успешно, но в других целостность границ поддерживается главным образом в результате того, что мировое сообщество не склонно менять эти границы, хотя те или иные влияния могут изменить ситуацию. И сегодня она довольно шаткая в Ливии, Йемене, Афганистане, Ираке, Сирии и др.

Таким образом, некоторые исторические традиции продолжают обуславливать мировосприятие и влияние рассматриваемых регионов на мир. Обобщая вышесказанное, очень условно можно было бы сказать, что *Ближний и Средний Восток вовлекает мир в собственные проблемы, одновременно генерируя свое резкое неприятие другого образа жизни, продолжая борьбу за сохранение и победу ислама. Индия сосуществует с миром, адаптируя современные влияния и трансформируя их в рамках своей мир-системы. Китай стремится создать собственную китаецентричную мир-систему, пока экономическую, концентрируя экономическую мощь за счет государственной политики и, по сути, государственной экспансии в другие регионы.*

Ближний и Средний Восток в отличие от Индии и Китая всегда имел тесные связи с Европой (Западом). При этом взаимоотношения носили комплексный характер, контакты в конечном счете служили для взаимного обогащения технологий и культур. Однако баланс сил менялся. Близость к Европе явилась причиной, по которой именно в ближневосточных странах (прежде всего в Турции и Египте) модернизация, особенно военная, началась раньше, чем в других восточных обществах. Однако в настоящее время это преимущество БСВ по сравнению с Индией и Китаем в основном потерял, хотя по некоторым показателям Индия все еще от него отстает (например, по грамотности населения, см. Рис. 1.1). Тем не менее отметим, что БСВ лидирует по такому важному показателю, как урбанизация (см. Рис. 1.2).

³ При этом у Турции имеются проблемы с курдскими окраинами, которые стремятся к отделению.

Рис. 1.1. Динамика грамотности в Китае, Индии и странах БСВ, % взрослого населения

Источник данных: World Bank 2019.

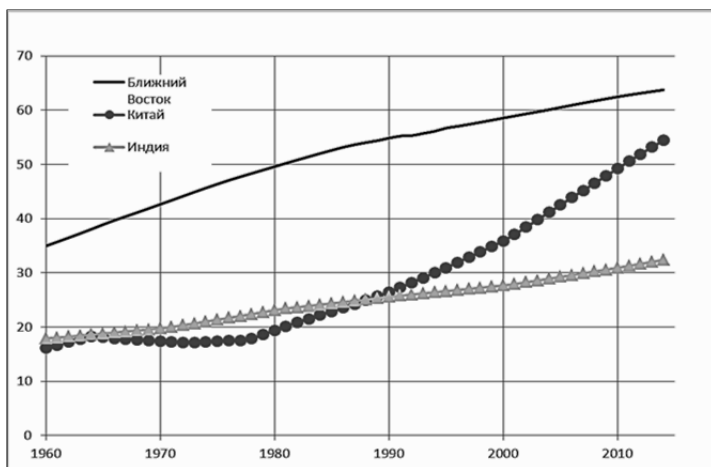

Рис. 1.2. Динамика доли городского населения в Китае, Индии и странах БСВ, %

Источник данных: World Bank 2019.

Между тем, как справедливо отмечается, исламизм – это идеология урбанизирующегося общества (см., например: Кепель 2004).

Надо сказать, что Ближний Восток уже в Средние века и раннее Новое время имел очень высокий для той эпохи уровень урбанизации, являясь едва ли не лидером Мир-Системы в этом отношении (см., например: Гринин, Коротаев 2009а; Grinin, Korotayev 2015).

Сравнение с Китаем в плане особенностей политических режимов. Если сравнивать БСВ с Индией и Китаем в плане особенностей политических режимов, то мы видим, что относительно устойчивая демократическая система качественно отличает Индию от ближневосточных обществ (анализ особенностей индийской демократии см.: Алаев 2007). А твердый авторитарный режим Китая отличается своей прочностью от ряда ближневосточных неконсолидированных демократий. В этом одна из главных проблем, а возможно, и ловушек ближневосточных обществ, в которых значительная часть населения как будто уже готова к демократии, в отличие от общества в целом (см., например: Гринин и др. 2016).

Несмотря на различия в режимах рассматриваемых регионов, все они имеют определенные важные черты сходства в том, что называется политической культурой (см. о ней: Воскресенский 2007; Стрежнева 2007; Мельвиль 2002; Коктыш 2002). В их числе – высокая роль бюрократии в обществе, по сути, ее всевластие, связанная с этим коррупция, большое влияние бюрократической верхушки на бизнес, в частности, попытки установить личный контроль (через членов семьи, клана или подконтрольных людей) над наиболее важными и/или выгодными сферами бизнеса, nepotизм, стремление встать над законом и т. п. (см., например: Ефимова 2007; Сапронова 2007; Алаев 2007: 499 и другие главы коллективных монографий под редакцией А. Д. Воскресенского [2007; 2011]). Конечно, в монархических странах арабского мира ситуация несколько иная, поскольку члены королевских семей и кланов имеют более легитимные права на контроль над бизнесом и обществом. По сути, монархические кланы составляют верхнюю страту в обществе⁴ в плане занятия высших постов, но тем не менее

⁴ В Катаре, например, правящее семейство Аль Тани вместе с родственными и союзными племенами насчитывает до 20 тыс. человек, то есть около 10 % всего коренного населения страны (Сапронова 2007: 152).

сходств много (см., например: Сапронова 2007; Донцов, Чурилина 2007).

Таким образом, причин для недовольства правительством и политическими кланами у населения стран БСВ много, что также усиливает положение исламистов, находящихся в оппозиции, и привлекательность их внешне убедительного и понятного для населения лозунга о том, что главная беда – в забвении исламских принципов «зарвавшейся» верхушкой общества.

В то же время позиции исламизма усиливаются тем, что роль государства в регулировании экономики и социальной жизни растет. Будучи слишком слабыми, чтобы противопоставить исламизму националистические идеи, многие государства БСВ достаточно сильны, чтобы население возлагало на них ответственность за поддержание уровня его жизни. Отсюда политическая власть становится легкой мишенью для критики со стороны исламистов.

Почти во всех странах можно увидеть те или иные черты социального государства, хотя основания для проведения социальной политики весьма различны. Нефтедобывающие государства Ближнего Востока используют нефтяные доходы для разнообразной поддержки населения, включая льготы, которые выглядят экзотически, тем самым создавая высокий уровень потребления и иждивенчества у коренных жителей региона, на которых в это время трудятся миллионы мигрантов из более бедных стран. Египет также довольно давно проводит социальную политику по ряду направлений, в частности, существуют дотации на хлеб, рис, сахар, растительное масло (см., например: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в; 2011г).

1.2. Место в Мир-Системе и формирующемся мировом порядке

Ближний Восток, по нашему мнению, изначально был ведущим центром формирующейся Мир-Системы (см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2005а; 2005б; 2007; 2008; Гринин, Коротаев 2009а; Гринин 2012а; Grinin, Korotayev 2012; 2013а; 2013б; 2014а). Формирование китайского и индийского центров Мир-Системы и затем их объединение с ближневосточным сделало данную Мир-Систему афроевразийской, но главным центром ее все равно длительное время оставался Ближний Восток, пока в 1-м тыс. до н. э.

ее центр не начал смещаться, с одной стороны, к Европе, а с другой – к Китаю. С Великими географическими открытиями центр Мир-Системы, теперь уже глобальной, переместился в Европу. Но если Ближний Восток продолжал играть в мир-системных связях достаточно важную роль, то Индия и Китай оставались далекими окраинами европоцентрической Мир-Системы, при этом не особо заинтересованными (в особенности это относится к Китаю) в развитии связей с Европой (Алаев и др. 2010; Кей 2011; Голдстоун 2014). В конце XIX – первой половине XX в. все три общества продолжали оставаться явной периферией Мир-Системы (за исключением, пожалуй, Турции), при этом в Китае и на некоторых территориях Ближнего Востока наблюдался глубокий кризис (хотя в Османской империи в этот период ситуация в целом улучшалась [см., например: Gelvin 2008; Maddison 2010]).

Ближний Восток, Индия и Китай вступали в мировые процессы в результате краха колониальных империй и роста политического значения развивающихся стран. К сожалению, это вступление повсюду было связано с военными конфликтами, в какой-то мере неизбежными, поскольку формирование новых государств всегда вызывает сложности при разделении народов и проведении границ, тем более когда такие разделы осложнены наследием колониализма, Второй мировой войны и послевоенным противостоянием социализма и капитализма.

Образование после Второй мировой войны индийского и возрождение китайского государства означали очень серьезные изменения в Мир-Системе, влияние которых постоянно нарастало и, пожалуй, будет еще увеличиваться в течение ближайших десятилетий. К этим изменениям добавилось появление целого ряда новых государств на Ближнем Востоке. Все это существенно ослабило ядро Мир-Системы, особенно ее бывших лидеров (Англию, Францию и побежденную Германию вкупе с Японией). Мир (мировой порядок) стал двуполярным, сформировавшись по линии «социализм – капитализм». Третий мир хотя и оставался периферией, в то же время стал полем битвы двух блоков. В результате и Индия, и Китай, и государства Ближнего Востока начали активно разыгрывать карту глобального противостояния США и СССР, пытаясь получить наибольшие выгоды и приобрести лучшие шансы для геополитических маневров (Лунев 2010). Китай с конца 1960-х гг. стал

сближаться с США, чтобы противостоять СССР (Киссинджер 1997). Индия во времена Дж. Неру (и после него) играла ведущую роль в Движении неприсоединения, будучи в 1983–1986 гг. даже его формальным лидером (Лунев 2010), одновременно балансируя между СССР и США. Активное балансирование между двумя блоками наблюдалось и на БВ, особенно ярко – в Египте. В связи с арабо-израильским конфликтом Ближний Восток стал сдвигаться с периферии на место полупериферии. То же можно сказать об Индии и Китае. При этом у последних в связи с активным экономическим развитием данный тренд в последние десятилетия XX в. явно усилился, что (особенно успехи Китая) послужило основой для возникновения теории возвращения центра развития на Восток (см., например: Frank 1997; 1998; Arrighi 2007; Франк 2002; Арриги 2009).

Таким образом, если в Индии и Китае, равно как и в ряде других стран, в результате мир-системных изменений стали усиливаться национализм и другие идеологии, так или иначе опирающиеся на национальные традиции, то на БВ (в связи с противостоянием Израилю и рядом других моментов, о которых мы еще скажем) на ведущее место в идеологии стал претендовать исламизм (после относительно непродолжительного периода доминирования на Арабском Востоке идеологии арабского национализма [см., например: Хайруллин, Коротаев 2016; 2017а; 2017б; 2017в]).

Отметим, что все три сообщества с самого начала своей послевоенной активности оказались вовлечены в глубокие конфликты. При этом, несмотря на разную историю и причины возникновения, данные конфликты до сих пор сохраняют свою остроту и актуальность. Рождение независимых Индии и Пакистана сразу же ознаменовалось войной между государствами, которая стала продолжением происходивших до этого в течение двух десятилетий столкновений мусульман и индуистов. Впрочем, это было вызвано не только религиозно-политическим соперничеством, но и значительными различиями в политической культуре двух частей прежде единого общества. «История последующего развития Индии с устойчивыми традициями парламентаризма и Пакистана с частыми переменами власти и склонностью к военно-диктаторским режимам позволяет говорить о различии двух политических культур: преимущественно секулярной индийской и исламизированной па-

кистанской» (Алаев и др. 2010: 422)⁵. Напряженность отношений с Пакистаном была и остается сегодня (несмотря на некоторое ослабление) важнейшей характеристикой внешней политики Индии, являющейся крупнейшим импортером оружия в мире (но, впрочем, стремящейся стать и его экспортером; см., например: Арманьян 2015). Китай также начал новый этап своей истории с конфликтов (особенно горячим из них была война в Корее), среди которых неурегулированность отношений с Тайванем является бомбой замедленного действия. Что же касается Ближнего и Среднего Востока, то с момента образования там государства Израиль он остается одним из самых конфликтных регионов планеты. Мало того, это регион, откуда терроризм распространяется по всему миру. В целом неудивительно, что почти все государства Ближневосточного региона очень большое внимание уделяют развитию армий, вооружения и военной стратегии, хотя каждое – по-разному.

В 1970–1990-е гг. рассматриваемые общества стали получать все больше выгод от глобализации (см.: Гринин, Коротаев 2016а: Гл. 5). Первыми это ощутили нефтедобывающие страны Ближнего Востока, полностью преобразившиеся в некоторых смыслах в результате золотого нефтедолларового дождя. Их роль в мире также резко повысилась. Прежде внешняя торговля в этих странах не была существенной отраслью экономики, по крайней мере, не отражалась на жизни основной части населения⁶. В настоящее же время по доле внешней торговли в ВВП Ближний Восток далеко обгоняет и экспортно ориентированную экономику Китая, и активно наращивающую экспорт Индию (см. Рис. 1.3).

⁵ Приведенная цитата, впрочем, подтверждает сказанное выше о том, что слабость государственности на Ближнем Востоке, во многом связанная с особенностями ислама (см., например: Коротаев 1996; 2003; 2005; 2006; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; Коротаев, Исаев 2014; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Korotayev, Klimenko, Proussakov 1999; 2003; Korotayev 2000; 2003; 2004; Korotayev, Issaev, Shishkina 2013; 2015; Korotayev *et al.* 2016), является важнейшей причиной испытываемых там трудностей.

⁶ Например, объем сделки по первой концессии на добычу нефти в Саудовской Аравии (1933 г.) между компанией «Сокол» и саудовским королем при сроке концессии в 60 лет и на территории 360 кв. миль составлял 625 тыс. долларов (55 тыс. английских фунтов), то есть на современные деньги не более 25–30 млн долларов. Но это были очень большие средства для саудовской династии в то время (Ергин 1999: 227), не говоря уже о бедуинском населении.

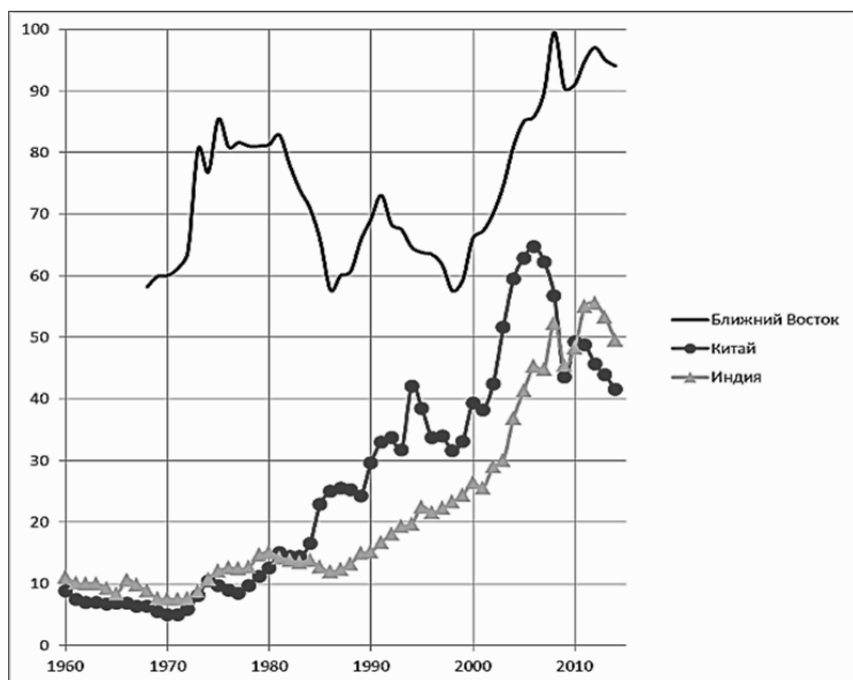

Рис. 1.3. Внешняя торговля, % от ВВП

Источник данных: World Bank 2019.

Однако в целом быстрый рост экспорта и импорта в рассматриваемых странах очень хорошо показывает, насколько активно они интегрируются в глобализационные процессы (кстати сказать, все три региона активно развивают туризм).

Еще один важный показатель развития и интеграции – рост иностранных инвестиций, по которым Китай и Индия существенно опережают Ближний Восток. Впрочем, и по общим инвестициям они также явно его обгоняют (см. Рис. 1.4).

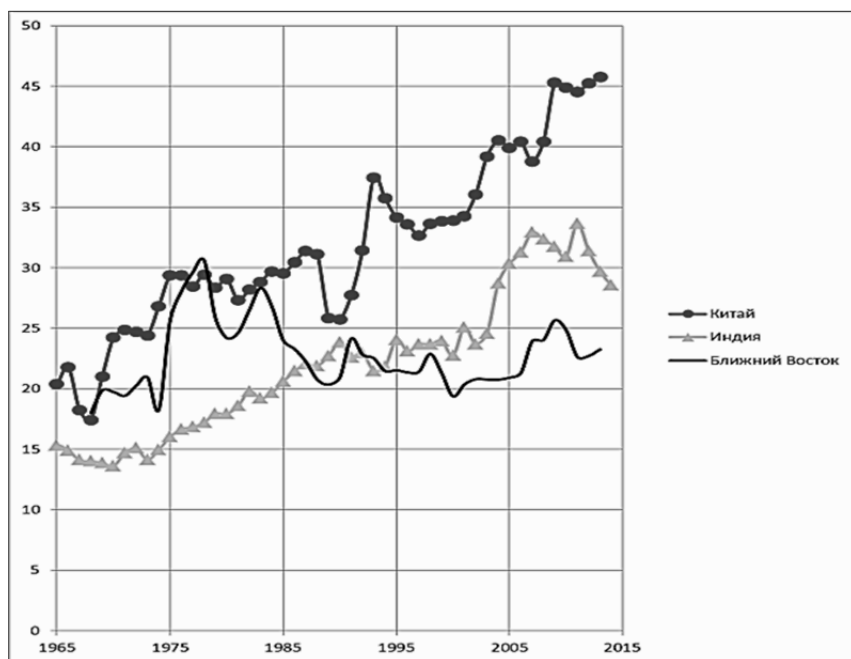

Рис. 1.4. Доля инвестиций в ВВП, %

Источник данных: World Bank 2019.

Несомненно, что дождь нефтедолларов оплодотворил почву, на которой уже и так активно расцветал исламизм. Теперь, обладая мощными официальными и неофициальными финансовыми источниками, это движение могло стать гораздо более сильным и массовым, используя (как это часто и бывает у склонных к радикализму движений) западные деньги против Запада и собственных правительств. Особенно же приток нефтедолларов способствовал усилению официального консервативного исламизма ближневосточных нефтяных монархий, прежде всего Саудовской Аравии.

Таким образом, мир-системная роль Китая, Индии и БВ за последние несколько десятилетий существенно возросла. Однако если Ближний Восток в лучшем случае пока только может претендовать на роль полупериферии, то Китай (а в более отдаленной перспективе и Индия) уже начинает претендовать на роль альтернативного центра (или даже противочентра) в Мир-Системе.

Но эта периферийная и полупериферийная роль БВ в Мир-Системе как раз и является важным источником силы исламизма. Ведь,

с одной стороны, экономической мощи Запада они не могут противопоставить растущую экономическую мощь не только ни одной из стран БВ, но и в целом этого региона, а с другой – мусульмане традиционно не готовы признавать превосходство Запада (и христианства как его религии, поскольку многие из них все еще отождествляют Запад и христианство). Вот почему они могут противополжить мощи Запада лишь правильность, истинность и веру в конечную победу ислама как ведущей религии мира. А основой в таком противопоставлении естественным образом является исламизм. С одной стороны, конечно, многие мусульмане завидуют богатству и успеху западных стран, а с другой – имея нефть, они не чувствуют себя бедными (не говоря уже о мироощущении жителей стран Залива) и обиженными. И именно нефть подпитывает многие тенденции БВ, включая исламизм. Ведь она поставила БВ в особое положение и в мире, и в отношениях с Западом, придав ему огромное значение, соответственно, повысив самооценку жителей этого региона.

Глава 2. О роли отдельных факторов в усилении исламизма. Некоторые сравнения в отношении роли религии на Ближнем Востоке, в Индии и Китае

2.1. Нефтяное богатство и исламизм

Если в XIX в. из всех видов сырья особенно важным для европейской промышленности был хлопок, а несколько позже незаменимым стал натуральный каучук, то затем сырьевым товаром номер один стала нефть. Если углем европейские страны были богаты, то запасы нефти в них оказались ограниченными, причем зависимость от ее поставок только росла. Борьба за нефть в рамках подъема национальных экономик началась уже в 1920–1930-е гг., наиболее известный ее эпизод – национализация Мексикой нефтяных компаний. После Второй мировой войны акты национализации были важными событиями, которые, однако, постоянно перемежались свержением правительств, стремящихся к национализации (наиболее ярким примером является история Ирана 1950-х гг.). При этом росло и значение, и самосознание стран, обладавших нефтью или другим стратегическим сырьем. Вторая мировая война показала, насколько важным является обладание нефтяными ресурсами. Поэтому уже в скором времени после войны Ближний Восток становится стратегически важным регионом.

Саудовская Аравия стала ключевым фокусом для США и рассматривается как ценнейшее приобретение в области иностранных инвестиций. Неудивительно, что уже в 1950 г. президент Г. Трумэн написал письмо королю Саудовской Аравии, в котором заверял, что любая угроза королевству будет немедленно воспринята как требующая внимания и заботы Соединенных Штатов (Ергин 1999: 329). Таким образом, стратегическое партнерство Саудовской Аравии (и позже – стран Залива) и США начало формироваться довольно давно. 1960 год стал важной вехой в развитии нефтедобывающих стран, так как в Багдаде была образована Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Ее основателями стали Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла. ОПЕК стала самой влиятельной наднациональной организацией развивающихся стран после революционного повышения цен на нефть в 1970-х и 1980-х гг., что ознаменовало начало перелома в отношениях между развитыми

и развивающимися государствами. В итоге именно в области поставок нефти впервые в истории развивающиеся страны одержали решительную победу над Западом, и впервые экономические действия стран третьего мира вызвали мировой экономический кризис.

Рост нефтедобычи впоследствии стал для целого ряда стран дорогой к увеличению благосостояния, импорту капитала и даже конвергенции. В целом нефть превратилась в 1970-е гг. в своеобразный символ роста возможностей третьего мира в отношении Запада. Разумеется, нефтяные доходы довольно длительное время тратились не особенно рационально (и во многом такая ситуация сохраняется до сих пор), но в целом они стали важнейшим источником накоплений развивающихся стран и дали возможность проводить в некоторых государствах важные реформы, связанные с подъемом сельского хозяйства, ростом образования, развитием системы здравоохранения и т. п.

Экономическая роль Индии и Китая в мире длительное время была не слишком значительной. Зато роль Ближнего Востока стала весьма значимой уже с 1950-х гг., что привело к вмешательству западных стран в дела ряда ближневосточных государств и несколькими военными переворотами (например, в Иране в 1953 г.). Но особенно возросла роль стран Ближнего Востока с начала 1970-х гг. Пожалуй, этот регион первым среди развивающихся стран стал оказывать серьезное влияние на мировые экономические процессы. Создание ОПЕК и затем резкое повышение цен на нефть в 1973 г. (формально как реакция на наступление Израиля в Октябрьской войне 1973 г.) способствовали довольно затяжному и весьма значительному экономическому кризису в западном мире.

Завершение эры дешевой нефти положило конец тому, что называлось немецким и японским «экономическим чудом», то есть очень высоким темпам экономического роста в этих странах, а также повлекло целый ряд серьезных и разнонаправленных последствий для экономик разных стран. Так, оно не только вызвало довольно чувствительный кризис в западном мире, но и одновременно заставило западную экономику искать технологические формы экономии энергии, что способствовало многим важным инновациям, а также развитию добычи нефти в более сложных условиях.

Напомним также, что рост цен на нефть серьезно повлиял на экономику СССР и ее импортозависимость, а понижение цен во второй половине 1980-х гг. способствовало в итоге усугублению экономических проблем и распаду Советского Союза.

В то же время приток нефтедолларов начал резко менять жизнь в нефтедобывающих странах, в части из которых не представляли, как использовать такой объем валюты. В результате произошла дальнейшая интеграция ближневосточной и мировой экономики. Во-первых, полученные нефтедоллары стали вкладываться в западную (особенно американскую) финансовую систему, что, кстати, позволило США в дальнейшем замораживать счета тех или иных неугодных стран или персон. Во-вторых, активизировались инвестиции в развитие инфраструктуры и других объектов в этих странах, что принесло крупные заказы западным фирмам. В-третьих, усилилась роль государств и государственных компаний в нефтедобывающих странах (в некоторых случаях это сопровождалось национализацией имущества западных корпораций, как в Ираке в 1972 г.). В-четвертых, открылся важный путь к подъему и новых развивающихся стран, в которых стали находить и разрабатывать нефть, – в Южной Америке, Африке, Азии (одновременно усилились поиски нефти на различных территориях). Бесспорно, подъем цен на энергоносители внес существенный вклад в начало Великой конвергенции (Коротаев 2013; 2014; 2015а; 2015б; 2015в; 2016; Коротаев и др. 2014; Гринин, Коротаев 2016а: Гл. 5; Коротаев, Гринин 2017; Korotayev *et al.* 2011а; 2011б; 2012; Korotayev, Zinkina 2014; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015; Grinin, Korotayev 2014а; 2014б; 2015). В-пятых, конечно, необходимо отметить резкий рост импорта оружия в страны Ближнего Востока, усилившийся после войны в Заливе 1991 г.

Государства Персидского залива, а также некоторые другие нефтедобывающие страны в этом и других регионах (такие как Ливия или Бруней) из бедных стали превращаться в богатые, в страны-рантье, а поскольку исламская идеология требовала делиться с бедными и не позволяла игнорировать мнение коренных жителей, то и население некоторых прежде бедуинских стран стало жить на правах рантье. Это был один из немногих пока случаев в новейшей истории, когда ВВП бедных развивающихся стран мог сравниться с ВВП развитых государств. В частности, сегодня пять из шести стран Персидского залива входят в число 30 государств мира с самым высоким ВВП на душу населения (Вишневский, Денисенко 2016). Это не могло не укрепить позиции монархических режимов и диктаторов¹.

¹ Но отметим, что события Арабской весны показали: монархические режимы все-таки являются более легитимными и потому более прочными, чем квазидемократические непоследовательно авторитарные режимы, хотя, бесспорно, изменение

ОПЕК стала одной из важнейших экономических организаций в мире.

Изменение уровня жизни в нефтедобывающих странах Ближнего Востока существенно повлияло на их демографию, но также и вызвало (возможно, впервые в отношении развивающихся стран) довольно большой миграционный поток из соседних бедных мусульманских стран в государства Залива и некоторые другие нефтедобывающие страны.

Хотя исламский фундаментализм и терроризм существовали и до взрывного роста цен на нефть, нет никакого сомнения, что избыток нефтяных средств создал для них весьма питательную почву. Сначала терроризм носил в основном антиизраильский характер (но не забудем о покушении на Г. А. Насера в 1954 г. и убийстве А. Садата в Египте в 1981 г., о курдских террористах), затем его масштабы выросли, захватив Россию, США, потом сами страны Ближнего Востока, а в настоящее время и Европу. Светские правители не в состоянии сдерживать терроризм, но в то же время часто тайно или явно поддерживают соответствующие организации.

Агрессивный исламизм и терроризм, безусловно, будут сдерживать развитие стран Ближнего Востока в течение еще длительного времени, тем более что рождаемость в ряде стран по-прежнему достаточно высокая и доля молодежи в населении («молодежный бугор») также весьма высока, хотя и уменьшается. Можно надеяться, что постепенное снижение рождаемости, рост образованности населения и показателей культурно-гуманитарного развития будут способствовать уменьшению агрессивности в обществе.

2.2. Модернизация и религия

Несомненно, что основная масса населения сохраняет верность привычным идеологическим конструкциям, роль которых, если учесть слабость национализма на БВ (в особенности после упадка влияния идеологии арабского национализма [см., например: Хайруллин, Коротаев 2016; 2017а; 2017б; 2017в]), выполняет религия или политизированная религиозная идеология – исламизм. Стоит уточнить, что даже на Ближнем Востоке роль нерелигиозной идеологии временами может быть заметной. Правда, в начальный период Арабской весны впереди была именно идеология секуляристского меньшинства, но поднялся и исламизм. Существует опреде-

ленный раскол в обществах, связанных с модернизацией, поскольку в них сосуществуют две группы населения: современное модернизированное, к которому относятся вестернизированная интеллигенция и средние городские слои, и традиционное, социальной опорой которого являются консервативно настроенные слои образованных людей, а также полуобразованная масса населения. Поведение последних в основном определяется их традиционной идентификацией (национальной, религиозной), а также стремлением к спокойной жизни (Яковлев 2015: 326–327; Хантингтон 2004; Гринин 2012б; 2013; 2014а; 2014б; 2016а; 2017а; 2017б; 2017в; 2017г; 2017д; 2017е; 2018а; Гринин, Коротаев 2016б; Grinin 2012; 2013; 2018). Эта ситуация раздвоенности, свойственная модернизирующимся обществам (проявившаяся в том числе в результатах выборов периода Арабской весны), хорошо объясняет многие события в странах Ближнего Востока. В существенной мере это относится и к Индии, но все-таки там в связи с достаточно длительными традициями выборов и демократии участие масс в выборах приучает их к следованию за определенными партиями и лидерами, а не только к их идентификации (точнее, идентификация сливается с партийной привязанностью). Это в значительно меньшей степени верно для Китая, где нация более сплочена, а роль государства традиционно очень велика.

Попробуем сформулировать тезис в отношении роли религии и идеологии в рассматриваемых обществах, а затем проиллюстрируем его.

Роль религии на Ближнем Востоке колоссальна, она – ведущая парадигма во всех сферах жизни. Роль религии в Индии меньше, чем на Ближнем Востоке, но и здесь она очень велика, причем не только в частной жизни, но и в политике, становлении идеологии национализма, истории формирования современной Индии. Роль идеологии в Китае велика, но это непостоянная идеология. Она существенно или радикально меняется в результате трансформации государства, оставляя, правда, незначительно меняющийся архетип: идеология империи и императора, всемогущества и правоты государства, основ конфуцианства в отношении к старшим, властям, приказам и к трудовой этике.

И. М. Дьяконов отмечал, что для древних обществ была характерна идеология ритуально-магического типа, не требующая догматической исключительности, а для средневековых обществ – религиозная идеология ритуально-этического типа, не допускающая

отклонений от догмы (Дьяконов 1971: 144). Однако в результате Реформации ситуация в Европе изменилась. Как недвусмысленно сформулировал это Т. Гоббс, «в христианском государстве никто, кроме суверена, не может знать, что есть и что не есть слово Божие» (Гоббс 1965: 464). Недаром в период Реформации XVI в. в Германии родился знаменитый принцип «Чья земля – того и вера», то есть население княжества должно было либо исповедовать ту религию, какой придерживался князь, либо мириться с ограничениями прав.

Однако в арабском мире на протяжении заметной части его истории политическая система включала в себя принцип теократии, то есть халиф считался наместником посланника Бога (или даже просто Бога) на земле, хотя, конечно, реально он вмешивался в религиозные дела нечасто и мог порой получить отпор со стороны духовенства. При этом большую часть Средневековья (особенно в мамлюкском Египте) халифы имели значительно ограниченный объем политической власти либо их политическая власть распространялась на крайне ограниченную территорию (как при поздних Аббасидах). Фактически религия, а вместе с ней в значительной мере и общество получили большую автономию от политической власти, поскольку та обычно не могла вторгаться в целый ряд областей жизни, включая многие отрасли права (см., например: Большаков 1984; Hodgson 2009). Только в некоторых случаях верховная власть претендовала на реальное первенство над религией². Фактически такая религиозно-гражданская автономия сохраняется и сегодня во многих арабских (и некоторых других исламских) странах, особенно в государствах Залива, что существенно затрудняет проведение давно назревших реформ в правовой сфере, в области положения женщин и т. д., а также способствует интернационализации исламского фундаментализма и терроризма. При этом

² Так было, в частности, в турецкой империи (и то не всегда). Османская империя была первым в истории государством, в котором мусульманское духовенство получило официальный статус и образовало иерархическую организацию профессиональных служителей религии с четким обозначением функций и должностей (см.: Иванов, Орешкова 2000: 77; Мейер 1986; Ацамба 1987: 210–211). Также в Турции (и в некоторых провинциях этой империи, например, в Египте), в отличие от арабских халифатов, формируется духовное сословие улемов, которое в основной своей части тем или иным способом (официально или фактически) включается в состав государственного аппарата. Такая ситуация способствовала проведению светских реформ в Турции в XX в., хотя и в этой стране влияние ислама очень велико.

фундаментализм и терроризм являются одними из самых заметных глобальных влияний Ближнего Востока на остальной мир.

Таким образом, в отношении Ближнего и Среднего Востока функции религии исключительно велики и разнообразны, пожалуй, нигде они не были столь широки, как в исламе. Религия заменяла политические скрепы и право и до сих пор в некоторых отношениях продолжает их заменять (особенно это относится к определенным отраслям права во многих ближневосточных странах). Как справедливо отмечал Е. М. Примаков (2006: 16), ни один арабский лидер не мог игнорировать традиционную глубокую религиозность населения, и даже Арабская весна вновь это подтвердила (Гринин и др. 2016).

Религия сильна именно на низовом уровне, поскольку особой церковной организации не существует. В этом отношении ислам, с одной стороны, объединяет Ближний Восток, а с другой – отгораживает его в плане внешнего воздействия. Ислам в отличие от индуизма гораздо сложнее адаптирует внешние влияния³.

Роль религии в Индии сильна традиционно, присутствует там и религиозный фанатизм (тем не менее изменения есть и в этом плане)⁴. Индуизм был одним из важнейших стержней национально-освободительного движения (см., например: Юрлов, Юрлова 2010; Горохов 2011; Станкевич 2011), идеологом которого выступал Махатма Ганди, создавший на базе индуизма этико-политическую фи-

³ Стремление равняться на Запад и одновременно бороться с ним в исламе ощущается, возможно, как ни в какой другой идеологии. Но эта двойственность была заметна довольно давно. Вот что писали по этому поводу французские историки 90 лет назад: «...при всяком умственном движении в мусульманском мире приходится считаться с двумя факторами, приводящими к одному и тому же результату: с бессознательным подражанием Европе, с одной стороны, и с желанием бороться против Европы – с другой, вооружить исламизм, чтобы дать ему возможность бороться равными силами. В конце концов, исламизм стремится стать либеральным, чтобы защищаться от либерализма, и преобразуется из чувства самосохранения; этим объясняется, почему в этом обновлении мусульманских доктрин главными деятелями являются ученые мусульманской церкви, очень привязанные к своей религии и имеющие большую склонность отождествлять с нею свою национальность» (Каэн, Метен 1939: 12–13). Указанная двойственность весьма наглядно проявилась в Иране.

⁴ Согласно изысканиям, проведенным сетью «Всемирное исследование ценностей» в 2005–2008 гг., 44 % индийцев посещают богослужения хотя бы раз в неделю. В Индии уровень религиозности в целом существенно выше, чем в Китае, Европе и даже США, но меньше, чем в мусульманских странах на Ближнем Востоке (Коротаев, Халтурина 2009; Коротаев, Столярова, Халтурина 2012; Фергюсон 2014: 356–357).

лософию. Махатма заслуженно считался святым. Но стремление к тому, чтобы сделать из правителя святого или божество, долго сохранялось среди значительной части простого народа Индии. Социальная сила религии в этой стране велика и потому, что освящает традиционное социальное деление на касты (Клюев 2002).

Китай, как уже было сказано, всегда развивался, имея ту или иную государственную идеологию (религия играла подчиненную роль и потому была неразвита). При этом наблюдаются периодические перемены в отношении к разным религиям и идеологиям, особенно при смене тех или иных династий или режимов. Тем не менее наибольшее влияние на традиции, менталитет и политическую идеологию оказало конфуцианство, которое было тесно связано с политическим устройством Китайской империи (Эйзенштадт 1999: 179).

Таким образом, особая и сохраняющаяся роль религии на БСВ является важнейшей основой для роста исламизма, который может быть рассмотрен не только как политизированный ислам, но и как идеология реформированного (на особый лад) ислама.

2.3. Геополитические аспекты

Ближний Восток, Китай и Индия с послевоенного времени играли немалую роль в глобальной геополитике. Одна из главных осей проходила в рамках соперничества сверхдержав – США и СССР, капитализма и социализма, которое продолжалось на фоне внутрирегиональной борьбы (о внутрирегиональной борьбе на Ближнем и Среднем Востоке см., например: Гринин и др. 2016)⁵. Естественно, нефть также имела важнейшее значение, о чем свидетельствует ряд переворотов в Иране, Ираке и других странах Ближнего Востока. США в рамках своей общей стратегии активно превращали страны этого региона в плацдарм для окружения СССР и создания военных баз, военных блоков. С Саудовской Аравией они еще в годы Второй мировой войны установили довольно тесное стратегическое партнерство (Ергин 1999), которое после нее еще более укрепилось. Однако начиная с революции в Египте 1952 г. и в связи с арабо-израильской конфронтацией (где США и Запад поддержива-

⁵ Для Ближнего Востока важнейшей осью оставался арабо-израильский конфликт, который длительное время был в значительной степени также частью глобального столкновения социализма и капитализма, но позже (после распада СССР и начала поддержки палестинцев Западом) этот аспект в нем исчез. Тем не менее арабо-израильский конфликт сохранял главное значение в Ближневосточном регионе вплоть до Арабской весны, в результате которой он утратил прежнюю значимость.

ли Израиль) страны Ближнего Востока стали лавировать между США и СССР, переходя из одного лагеря в другой (ярким примером является Египет [см., например: Flower 1972; Vatikiotis 1992; Daly 1998; Marsot 2004]). Этому также в немалой степени способствовали нефтяные шоки, устроенные странами ОПЕК в 1970-е гг. В период 1950–1970-х гг. в жизни арабских стран (особенно Египта) огромную роль стала играть идеология панарабизма (Яковлев 2015: 325), своеобразного арабского национализма (объединяющего большинство арабских стран), чему благоприятствовал арабо-израильский конфликт (см., например: Khalidi 1991; Tibi 1997; Dawisha 2016). Огромную роль в развитии и популяризации этой идеологии сыграл президент Египта Г. А. Насер. Позже в связи с поражением арабских националистов в 1967 г. в войне с Израилем, переориентацией Египта при А. Садате на США и рядом других обстоятельств эта идеология ослабела (см., например: Хайруллин, Коротаев 2016; 2017а; 2017б; 2017в). В 1980-е гг. позиции СССР на Ближнем Востоке пошатнулись, а в связи с распадом Советского Союза стали и вовсе слабыми. Это сделало возможным резкое усиление присутствия США в регионе (особенно после первой войны против Ирака в 1990–1991 гг.), однако не принесло странам какой-либо заметной пользы (за исключением, на какое-то время, арабской Палестины), вызвало много кризисов, в том числе в связи с вторжением в Афганистан и Ирак, ростом напряженности в отношениях с Пакистаном и экспансией «Ал-Каиды»⁶.

Однако с 2009 г. США, следуя концепции Б. Обамы на сворачивание присутствия в Ираке и на Ближнем Востоке (в том числе для усиления их присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе), пытались уменьшить свою активность в регионе (и соответственно, свои затраты) (см., например: Phillips 2016). Идея оказалась явно несвоевременной и контрпродуктивной в связи с начавшейся вскоре Арабской весной, в ходе которой США отказались хоть как-то помочь своим союзникам (режимам в Египте и Тунисе), по сути, предав их, так как поддались гипнозу важности распространения демократии во что бы то ни стало. Кроме того, они поддержали идею свержения крепких и стабильных режимов в таких странах, как Ливия и Сирия. Идея исходила от Саудовской Аравии, в которой, по-видимому, считали (и не без некоторых оснований), что чем меньше стабильных режимов останется в регионе, тем сильнее

⁶ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

будут ее собственные геополитические позиции (Phillips 2016). В итоге США абсолютно не справились со своими задачами на Ближнем Востоке, превратив его в зону с конфликтностью в несколько раз большей, чем до Арабской весны (Гринин и др. 2016).

В результате попыток свести концы с концами и решить внутривнутриполитические задачи повышения рейтинга Б. Обамы и Демократической партии Соединенные Штаты повели себя неадекватно и в отношении наиболее стратегических и давних своих союзников – Израиля и Саудовской Аравии, начав (и успешно завершив) переговоры с Ираном по его ядерной программе. Ослабление присутствия США позволило России вновь вернуться на Ближний Восток в качестве важнейшей силы.

В настоящее время Ближний Восток превратился в арену соперничества, включая и военное, помимо местных сил (таких как курды или хуситы в Йемене), Турции, Ирана, Саудовской Аравии, России, Евросоюза, США, Китая, Катар и др. По сути, в этом регионе завязался тугой узел мировых противоречий (и мирового терроризма новой генерации), где все действуют в собственных интересах (часто далеких от интересов стран БВ) и где не видно приемлемого выхода из сформировавшегося тупика.

Ближний Восток окончательно превратился в наиболее конфликтный регион мира (Коротаяев и др. 2016). По-видимому, он будет таким еще довольно длительное время. Но возможно, что именно это и даст ему впоследствии импульс для изменений, а позже – для постепенного размежевания между политической и религией, а также трансформации ислама в более способствующее эффективной модернизации русло.

Бесконечные изменения внешней политики США значительно усугубляют нестабильность на Ближнем Востоке и могут привести к хаотизации в еще большей степени. Так или иначе, в конце 2015 г. соглашения по иранской ядерной программе были подписаны, Иран принял ограничения, а санкции с него начали постепенно снимать. Но этот процесс, видимо, будет непростым (существенно зависящим и от позиции США в определенный момент, и от позиции Ирана, а равно от обстановки на Ближнем Востоке и в мире). Последние события, связанные с продлением иранских санкций Конгрессом США и позицией Д. Трампа по Ирану, подтверждают сказанное.

Таким образом, вся геополитическая история БВ после Второй мировой войны способствовала Исламскому возрождению, подъему исламизма, который одержал серьезные победы на идеологическом фронте. Также постоянный интерес США к противостоя-

нию с Ираном, поддержка террористических групп и моджахедов, вмешательство их во внутренние дела многих стран, поддержка ими как Израиля, так и режимов Залива, их интервенции в ближневосточные страны и многое другое – все эти метания и колебания американской политики по поводу БСВ сделали Соединенные Штаты мишенью для постоянной критики, идеологическим жупелом для верующих, тем самым усилив антизападничество как краеугольный камень радикального исламизма (Гринин и др. 2016).

2.4. Миграции

Миграции как социальный источник радикальной исламистской идеологии играют важную роль на Ближнем Востоке. Так, почти 40 % населения всех шести стран Персидского залива (а в Катаре и Объединенных Арабских Эмиратах соответственно 75 % и 95 %) составляют трудовые мигранты (их более 23 млн). В подавляющем большинстве мигранты, преимущественно из стран Южной Азии, выполняют тяжелую и малооплачиваемую работу невысокой квалификации в строительстве, промышленности и домашних хозяйствах коренных жителей. Труд их охраняется недостаточно, относительно часты несчастные случаи и случаи со смертельным исходом. Мигранты занимают нижние этажи социальной иерархии и подчинены коренному населению. Они не включены в систему социального страхования, полностью зависят от работодателя, у которого, как правило, хранятся их паспорта (см., например: Вишневский, Денисенко 2016).

Другая волна миграции направлена в США и страны Европы, она тоже весьма немалая (если учитывать достаточно длительную турецкую эмиграцию в Германию) и гораздо более «громкая». В 2015 г. она превратилась в общеевропейскую и даже мировую проблему, когда нелегальные мигранты с Ближнего Востока (особенно из Сирии, Ирака и Афганистана) буквально хлынули в Европу. Но и в целом арабская диаспора в европейских странах (особенно во Франции, Испании, Бельгии) оказывает ныне существенное влияние на всю социальную и экономическую жизнь этих государств (тем более заметное вкупе с эмигрантами из других стран Юга). Это также усиливает угрозу терроризма и конфликтность в обществе.

В целом в настоящее время доля мигрантов-мусульман в общей численности международных мигрантов составляет 27 %. Это означает, что около 60 млн мусульман (4 % глобальной мусульманской популяции) в мире живут за пределами стран своего происхождения

(для сравнения, показатели миграционной активности христианского населения мира составляют соответственно 49 % и 106 млн [Горохов 2015: 21]). Таким образом, доля мигрантов-мусульман примерно соответствует доле адептов ислама в населении мира. Больше всего мусульман-эмигрантов происходит из Палестины (5 млн), далее следуют Пакистан, Индия и Бангладеш – примерно по 3 млн человек. По численности мусульманского населения, родившегося за границей, лидируют Саудовская Аравия (5,6 млн), Россия (4 млн), Германия, Франция и Иордания (по 3 млн каждая). В нефтяных арабских монархиях Персидского залива проживают около 11 млн мусульман, появившихся на свет за пределами этого региона. Таким образом, большая часть родившихся за границей мусульман живет сейчас в Европе и на Ближнем Востоке (Pew Research Center 2012).

Исламизм умеренный – скорее социальный феномен внутренней жизни, исламизм радикальный – скорее феномен нарушенной жизни общества, результат интервенций, борьбы с интервентами, а равно миграций и т. п. Недаром наибольший процент терроризма приходится на общества, испытывавшие войны и лишения, оккупацию (как Палестина), противостоящие оккупантам, враждебным странам (как Израиль) или создавшиеся на территориях, так или иначе получивших импульс к этому в результате оккупации (как «Талибан»⁷, «Ал-Каида», ИГИЛ).

2.5. Международное влияние и исламизм

Если не рассматривать конфликты с соседями, то до последних десятилетий XX в. влияние Индии было связано с ее ролью в Движении неприсоединения и попытками лавировать между США и СССР (в какой-то мере здесь угадывалось традиционное восприятие Индией внешних влияний как таких, которые надо адаптировать и синтезировать в русле своего менталитета). А роль Китая была вызвана его нежеланием долго существовать в орбите чужого влияния и началом его противостояния с СССР, в то же время он оставался закрытым для мира (здесь также можно увидеть отголоски традиционного китаецентричного видения внешнего мира). Роль Ближнего Востока оказалась связана с нефтью, антиссионизмом, исламским фундаментализмом и терроризмом. Попытки заигрывания с социализмом были прекращены, а вот идеология борьбы с Западом, антиамериканизм, несмотря на активное влияние США и их

⁷ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

сотрудничество со многими ближневосточными режимами, в целом сохраняется и периодами резко обостряется, поскольку является очень благодатной идеологической подпиткой для фундаментализма и терроризма (особенно после того, как распался СССР). Впрочем, США и сами во многом возвращали этот терроризм.

В результате повышения цен на нефть и возникшего экономического кризиса Соединенные Штаты (после того как ими были отброшены идеи насильственного вмешательства в политику нефтедобывающих стран) стали активизировать сотрудничество с этими государствами. В итоге возникло стратегическое партнерство США и стран Залива, особенно укрепившееся в результате войны 1991 г., когда Ирак попытался захватить Кувейт. Также были созданы договоренности о повсеместной торговле нефтью только за доллары, что укрепило позиции доллара, пошатнувшиеся в результате девальвации начала 1970-х гг. и отказа от золотого стандарта. И в целом США стали активно упрочивать свое положение на Ближнем Востоке, в частности, организовав Кэмп-Дэвидские соглашения между Египтом и Израилем в 1979 г. Позиции Соединенных Штатов еще более укрепились в результате ухода с Ближнего Востока СССР. Однако в последние годы США сами попытались уйти с Ближнего Востока (в результате неудач в Ираке и Афганистане и стремления переориентироваться в сторону АТР). Тем не менее их курс, направленный на свержение политически устойчивых режимов, как и попытки ухода, только усугубили хаос (Гринин и др. 2016).

В настоящее время на Ближнем Востоке происходит усиление соперничества региональных держав (Турции, Ирана, Саудовской Аравии); это может привести к тому, что военно-политический хаос станет долговременным.

Таким образом, быстрый рост нефтедобычи и цен на нефть на Ближнем Востоке оказал весьма существенное влияние на многие государства мира, их экономику и политику. Однако, несмотря на продолжающуюся модернизацию стран БВ, в целом они не смогли перерасти уровень провинциальных стран, продолжая влиять на мир (и потрясать его) в основном по-прежнему скачками цен на нефть, конфликтами и терроризмом, опирающимся на исламский фундаментализм. Только в результате Арабской весны уровень конфликтности, как и нестабильности, в регионе принял небывалые масштабы (см.: Там же; Коротаев и др. 2016). Имеет значение и финансовая составляющая влияния на мир Ближнего

Востока: хотя до сих пор она и не проявлялась достаточно сильно, но, возможно, проявится в будущем (см. ниже).

Итак, Ближний Восток, несмотря на модернизацию, не особенно заметно изменил свое место в мировом экономическом разделении труда, в чем-то энергетический сектор даже усилился. Увеличивается добыча нефти, в том числе в странах, где ее ранее добывали меньше, расширяется газодобыча, созданы предприятия по переработке нефти, а также развиваются технологии по сжижению газа. В числе реальных изменений следует отметить быстрый рост туристического бизнеса, который стал очень важным для Турции, Египта, Туниса, ОАЭ, частично для Израиля и Марокко, но не для всех стран региона. Правда, в последние годы в связи с Арабской весной, ростом терроризма и другими проблемами эта отрасль столкнулась с трудностями. В рамках самого Ближнего Востока существует определенное разделение труда (так, Египет был центром образования и туризма для стран Залива, хотя рост уровня образования наблюдается и в них [Коротаяев, Юрьев 2018]). Государства Залива пытаются диверсифицировать свою экономику, но до этого еще далеко. Наиболее развитая экономика у Израиля, за ним следуют Турция, Иран, Египет, Алжир, Тунис, Марокко. Существенных успехов удалось добиться в сельском хозяйстве многих стран региона (в том числе за счет ирригации и использования более продуктивных сортов растений). Сельское хозяйство в заметной степени удовлетворяет потребности растущего населения, однако в отношении зерна и ряда других продуктов импортозависимость (с учетом туристического сектора) Египта, Туниса и некоторых других стран растет. И эта зависимость в 2010–2011 гг. сыграла важную роль в распространении социальных протестов, поскольку именно в данный период имел место рост цен на продовольствие (так называемая вторая волна агфляции), что вызвало сильное социальное недовольство (Коротаяев, Малков и др. 2012; Коротаяев, Ходунов 2012; Ходунов, Коротаяев 2012; Akaev *et al.* 2012; Гринин 2012а).

Но в целом Ближний Восток, как уже было сказано, остается прежде всего регионом, который занимает важнейшее место в производстве и экспорте энергоносителей. И это несомненно подпитывает исламизм и его радикальное крыло, поскольку более тесная и гармоничная интеграция в мировое разделение труда способствовала бы развитию других идеологий и смягчению радикализма.

Часть II

ИСЛАМИЗМ И ЕГО РОЛЬ В ИСЛАМСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ФУНКЦИИ И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА

Глава 3. Определение исламизма, некоторые взгляды на это явление.

Появление исламистских идей и организаций

3.1. Понятие исламизма

Определение. Исследователи единодушны в том, что нельзя ставить знак равенства между исламом и исламизмом, то есть между религией и созданной на ее базе политической идеологией. Современный исламизм – это производная от ислама, сравнительно молодая политическая идеология, связанная изначально с осознанием лидерства Запада и брошенным им мусульманским обществам вызовом. А в последние десятилетия развитие исламизма тесно связано с Исламским возрождением, или с особого рода модернизацией исламских обществ. Кратко исламизм нередко определяют как «политизированный ислам» или «политический ислам» (см., например: Левин 2014: 4; Игнатенко 2004: 40; Achilov 2016: 252; Achilov, Sen 2017: 608), что удобно, но из-за краткости не совсем верно, так как исламизм – это не только политическая, но и социальная идеология, образ жизни и действия. Но в любом случае, конечно, верно, что исламизм делает ислам не только религиозной, но и политической идеологией.

Рассмотрим несколько определений исламизма. Начнем с формулировки Г. И. Мирского: «Исламизм – это политическое движение, базирующееся на радикальной идеологии, суть которой фундаментализм, убежденность в том, что все беды мусульманского мира происходят от забвения основ “чистого, праведного, истинного ислама предков”, от попыток воспринять чуждые ценности и не подходящее для мусульман светское устройство общества» (Мирский 2016: 13). Обратим внимание: здесь сделан упор на то, что исламизм – радикальная идеология. Во многом это верно, но лишь

применительно к радикальному исламу. Действительно, самые крайние течения исламизма ставят целью преобразовать жизнь всего мира на лад «истинного ислама» (хотя его понимание имеет очень значительные отличия во множестве исламистских направлений). Вот почему до некоторой степени правомерно и такое определение (хотя и оно подходит скорее к радикальному исламу): «Исламизм – это глобальный проект переустройства мира на началах учения пророка Мухаммада, план воплощения идеи провиденциальной избранности мусульман как спасителей человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации» (Левин 2014). Действительно верящих в это, конечно, довольно незначительное меньшинство, но с учетом того, что мусульман насчитывается намного более миллиарда человек, в целом получаются миллионы, среди которых немало готовых отдать жизнь за торжество этой опасной утопии.

Радикальный исламизм во многом опирается на идейное течение, называемое *салафийей* (хотя, конечно, многие салафиты не являются радикалами [см.: Schwedler 2011; March 2015])¹. Приверженцы этого течения признают единственной основой веры Коран и Сунну Пророка и ратуют за возврат к чистому исламу, который был в ранних исламских общинах в первые века его существования. То есть они стоят за возврат к первоосновам, вот почему это течение считается фундаменталистским, и само слово *салафиййа* нередко переводится как «фундаментализм»². По мнению некоторых исследователей, исламизм есть не что иное, как нынешний вариант салафийи (Малашенко 2006: 14), хотя при этом, конечно, важно не забывать о существовании несалафитских исламистов.

Тем не менее вновь повторим: нельзя упускать из виду, что исламизм неоднороден, раздираем противоречиями, что едва ли не главными врагами радикальных исламистов являются не секуляристы, а умеренные исламисты (Osman 2016: 260; см. также: Гринин, Коротаев 2018; 2019; Гринин 2019а; 2019б). Поэтому не всегда

¹ Слово происходит из выражения *ас-салаф ас-салихун* (праведные предки). При этом обязательно нужно иметь в виду, что салафизм – это тоже очень сложное явление, внутри него есть группы, отвергающие Сунну или целиком, или частично.

² Есть мнение, что «возврат к первоосновам» с точки зрения тех, кого мы называем салафитами, – не что иное, как производная идеи, что мазхабы – это зло. То есть речь идет не о том, чтобы буквально вернуться в Средневековье, а о том, чтобы вокруг царил всеобщий *иджтихад*.

имеет смысл делать упор именно на фундаменталистский характер исламизма, поскольку в случае, когда умеренный исламизм стремится вписаться в общество, где многие институты носят светский характер, фундаментализм отходит на задний план. И нельзя не согласиться с С. Хантингтоном (2003: 62), что исламский фундаментализм, который часто воспринимается как политический ислам, является всего лишь одной из составляющих в намного более всестороннем процессе возрождения исламских идей, обычаев и риторики, а также возвращения мусульманского населения к исламу. Основное направление – это Исламское возрождение, а не только лишь экстремизм, всеобъемлющий, а не изолированный процесс.

Важно подчеркнуть, что приведенные выше формулировки являются скорее все-таки определениями радикального исламизма, а не исламизма в целом и не учитывают существования такого исключительно важного явления, как умеренный исламизм (строго говоря, давать такие дефиниции – в принципе то же, что и, скажем, подменять определение марксизма определением ленинизма или сталинизма).

В этом плане более удачными нам представляются следующие формулировки. «Политическое движение, способствующее реорганизации правительства и общества в соответствии с законами ислама» (Ноорег 2015). Или: «Термин “исламизм” обозначает форму социальной и политической деятельности, основанную на идее, что общественная и политическая жизнь должна направляться системой принципов ислама. Другими словами, исламистами являются люди, уверенные в том, что исламу принадлежит важная роль в организации обществ с мусульманским большинством, и старающиеся реализовать эту идею» (Poljarevic 2015).

Также в отношении приведенного определения очень важно иметь в виду, что самими же мусульманами такие вещи, как «законы, предписанные исламом», или «исламские принципы», могут трактоваться по-разному – и здесь возможны не только радикалистские, но и вполне умеренные интерпретации. Кроме того, реальные исламисты очень редко фактически стремятся к переустройству всего мира в соответствии с некими исламскими принципами. Значительно чаще речь идет о перестройке тех или иных стран с мусульманским большинством. К тому же построение исламского государства (если об этом вообще идет речь) зачастую видится лишь в неопределенно далеком будущем.

Приведем и некоторые другие определения исламизма/политического ислама:

- «форма инструментализации ислама индивидами, группами и организациями, преследующими политические цели», форма, которая «обеспечивает политический ответ на современные социальные вызовы через представления о будущем, основанном на приспособленных и обновленных понятиях, заимствованных из исламских традиций» (Denoeux 2002: 61; см. также: Achilov 2016: 253; Achilov, Sen 2017: 608–609);

- «всеобъемлющая вера», которая «имеет важное мнение о том, каким образом должны быть упорядочены политика и общество в современном мусульманском мире и как это реализовывать на практике» (Fuller 2004: xi).

Необходимо отметить у некоторых исследователей склонность называть исламистами только радикалов, а умеренный исламизм обозначать иначе, скажем, как «исламский активизм» (см., например: Царегородцева 2017)³. Имеется и тенденция сомневаться в существовании умеренных исламистов или даже просто отрицать их существование:

Дискуссия о том, существуют ли «умеренные исламисты», сложна, поскольку, чтобы найти ответ, необходимо заглянуть в голову этого самого «умеренного». Если он (или она) участвует в парламентских выборах, можно ли назвать его в этом случае «умеренным исламистом» и говорить о том, что он «приручен»? По моему убеждению, «исламисты», по-настоящему принявшие правила системы, в которой они участвуют, не должны называться исламистами, поскольку они более не желают уничтожить эту систему (Woltering 2002: 1134)⁴.

Приведем и еще более сильную формулировку:

«Умеренный исламист» – это оксюморон. Могут быть умеренные мусульмане, но никак не умеренные исламисты. Между различными исламистскими группировками нет ни

³ И. А. Царегородцева исходит из того, что понятие «исламизм» дискредитировано, поскольку носит в основном негативный оттенок, тогда как понятие «исламский активизм» позволяет избежать чрезмерной субъективизации. Нет нужды говорить о том, что исламский активизм может также включать различные формы – как радикальные, так и умеренные.

⁴ Интересно, что такого подхода придерживаются не только некоторые исламоведы, но и часть либеральных мусульман (см., например: Tibi 2012; 2013).

малейшей разницы в идеологии. У них есть теологические различия, особенности политики и разные стратегии и тактики (некоторые из них действительно более умеренные, чем другие), но в плане идеологии все стремятся подчинить другие религии и мировоззрения и создать Исламский халифат (Bisk 2015: 132–133).

Разумеется, в науке могут быть различные мнения, но, по нашему рассуждению, такой подход непродуктивен в двух планах: научном и практическом. Во-первых, исламизм по самому смыслу слова связан с выдвиганием на первый план значимости ислама и распространением его принципов на разные сферы жизни, но никак не должен обязательно требовать насильственного свержения правящего режима. Во-вторых, есть много случаев перехода умеренных исламистов в радикальные (скажем, часть «Братьев-мусульман» в Египте после июля 2013 г. [см., например: Ketchley 2017]) или некоторые сирийские умеренные исламисты, которые радикализировались после 2011 г. [см.: Abboud 2016]), и наоборот, к примеру, радикальные исламисты в Иране ныне стали достаточно умеренными, чтобы соблюдать правила демократических выборов (Rajae 2007). А такая, казалось бы, без всяких сомнений, радикальная исламистская организация, как «Хезболла», в Ливане участвует в выборах, имеет свое представительство в парламенте и, более того, входит в правительственный блок с христианскими и секулярными партиями⁵ (о других случаях перехода радикальных исламистов на умеренные позиции см., например: Bayat 2013; Schwedler 2011; Hossain 2016; March 2015; Amin 2017). На наш взгляд, целесообразнее иметь общий термин, обозначающий исламистов, и лучший термин, чем «исламисты», здесь, кажется, сложно предложить. Иначе в случае подобных трансформаций нам придется определять принадлежность одной и той же силы к исламизму ситуативно.

Кроме того, несмотря на колоссальные различия в отношении к террору, участию в политической жизни и т. п., исламистов объединяют некие общие идеологические подходы. С другой стороны, не только эти подходы размыты, но и исламисты сильно различаются по тому, какой реализации этих подходов они ожидают, относясь к ним как к некоей атрибутике или более серьезно (Kelsay 2007: 166). Многие умеренные исламисты, в том числе из числа мусуль-

⁵ Этому, впрочем, в заметной степени способствовала консоциальная демократическая система данной страны. Подробнее о парламентской деятельности «Хезболлы» в Ливане см., например: Хайруллин 2018: 145–156.

манской интеллигенции, по сути, разделяют идею, выраженную марокканским социологом Абдаллой Ларуи. Современный исламизм в глазах арабского интеллигента, как он считает, не предполагает возврата в прошлое как таковое, а обращение к традиции – это лишь маска, которую надевает на себя современность в условиях кризиса глобальных идеологий, универсальная идеология преобразования действительности (цит. по: Левин 2014: 18).

Вот почему неправильно и считать умеренных исламистов не исламистами, а кем-то другим, и смешивать радикалов и умеренных (см. анализ попыток редуцировать понятия исламизма и исламистов только до крайне радикальных течений или вовсе отказаться от термина в книге Бассама Тиби «Исламизм и ислам»: Tibi 2012; см. также: *Idem* 2013). Более продуктивным представляется признать наличие наряду с радикальным исламизмом исламизма умеренного⁶ (подробное обоснование этого подхода см. в следующих работах: Kurzman 1998; Denoeux 2002; Ayoob 2009; Schwedler 2011; March 2015; Volpi, Stein 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017).

В заключение проведенного нами анализа разных подходов к определению исламизма приведем следующие слова Д. Ачилова и С. Сена. Они отмечают: эмпирические данные «ставят под сомнение, что отношение мусульман к политическому исламу едино. В основном умеренные взгляды на роль ислама в политике связаны с поддержкой политического плюрализма, верой в индивидуальные гражданские свободы и адаптацию как к шариату, так и к светским законам. Напротив, политически радикальные взгляды формируются через поддержку исключительного главенства шариата, нетерпимость к демократическому плюрализму и убежденность в том, что духовенство влияет на принятие решений правительством. Мы также обнаружили, что поддержка политически умеренного

⁶ Хотя многие из самих умеренных исламистов предпочитают называть свою версию исламизма не «умеренным», а «постисламизмом» (см., например: Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2017). Отметим, что мы сами все-таки склонны рассматривать постисламизм как наиболее продвинутую версию умеренного исламизма, если и отличную от последнего, то только в сторону еще большей умеренности и адаптированности к современным социально-политическим системам (см. § 8.3 в Гл. 8 настоящей монографии). Здесь примечательно, что и такой видный представитель постисламизма, как бангладешец Аханд Ахтар Хоссайн, склонен рассматривать его как понятие, омонимичное понятию «мягкая версия исламизма» (*a softer version of Islamism*) (Hossain 2016: 214).

ислама по сравнению с радикальными взглядами ассоциируется с более высоким уровнем образования, социальным классом, соответствующим социальным капиталом и вовлеченностью в политическую деятельность. В то же время мы говорим о необходимости дальнейших эмпирических исследований, поскольку между политически радикальным и политически умеренным исламизмом, возможно, есть еще один скрытый тип» (Achilov, Sen 2017: 621).

Итак, если суммировать разные подходы к определению исламизма, пытаться учесть разные течения в нем, то можно было бы сказать, что **исламизм** – это социально-политическое направление и идеология, широко распространенные в мусульманских, особенно арабских, странах. Исламизм основывается на идеях превосходства (или просто высокой ценности) ислама и его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) определенным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями⁷, политически объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые в качестве исламских) идеи и принципы во главу угла в политической жизни.

Разнородность исламизма как идеологии и политического движения. Отдельные авторы пришли к заключению, что так называемый исламский фундаментализм – «нечто большее, чем просто религия»; это «революционное движение глобального масштаба», в котором обнаруживается сочетание общественных, религиозных и политических целей. Следовательно, его необходимо рассматривать и анализировать не только и даже не столько в религиозном аспекте, сколько сквозь секулярную призму, как «революционную идеологию» (Dennis 1996: i). Некоторые политологи (так сказать, общего профиля) стремятся к обобщению и даже упрощению понятия «исламизм», а также рассматривают его через призму внешнеполитических проблем западных стран. Например, шведские исследователи Андерс Стриндберг и Матс Варн полагают, что «западная наука об исламизме сплывалась с внешнеполитическими заботами, с интересами безопасности и политики, создав постоянную политическую и академическую обратную связь (мертвую петлю) из общих рассуждений и запугиваний... В результате изучение исламизма было сразу ограничено рамками изучения его как

⁷ Впрочем, как мы увидим ниже, это не всегда исламистам удается.

опасного врага» (Strindberg, Warn 2011: 4), то есть, по сути, прежде всего как радикального исламизма.

Неизменное восприятие исламизма в качестве чего-то враждебного во многом проистекает как из позиции самих радикальных исламистов, рассматривающих Запад именно в таком манихейском плане, так и из исторической традиции противостояния христианства и ислама. В качестве подтверждения мнения Стриндберга и Варна приведем позицию знаменитого американского исламоведа Бернарда Льюиса, который считает исламизм современной экстраполяцией длящейся 14 столетий борьбы двух соперничающих цивилизационных систем – христианства и ислама. «В исламе борьба добра и зла очень быстро обрела политический и даже военный характер» (Lewis 1990). Долгое время живший на Западе ученый и одновременно один из идеологов либерального ислама Бассам Тибби считает, что «все версии современного ислама могут быть поняты только в контексте столкновения с западной культурой... И эта конфронтация содержит как политико-экономический, так и культурно-цивилизационный аспект» (Tibi 1988: 6).

В XXI в. дихотомия взглядов на ислам и исламизм сохраняется. Согласно первому взгляду, политика является частью, нормой исламской традиции. Следовательно, исламизм есть феномен, имманентно присущий мусульманскому миру, не стоит ждать, что он исчезнет, да и победить его невозможно. Согласно второму – исламизм, «ислам политический», есть историческая «накипь», которая рано или поздно испарится, и мусульманская цивилизация в конечном счете не станет принципиально отличаться от секуляризованной христианско-западной.

Оба подхода имеют право на существование, и у каждого есть своя система аргументации. Главными при анализе ситуации в мусульманском мире, при попытке разобраться в сущности исламизма являются: а) фактор исторического времени и б) соотношение сил между мусульманским миром и его соседями. До тех пор, пока в мусульманском сообществе остается много от традиционного (полностью вернуться к традиции, конечно, невозможно), ислам сохранится как один из главных регуляторов отношений между людьми, а также между государством и обществом. Поэтому в исламе как инструменте политической мобилизации будут заинтересованы практически все партии и движения, включая тех, кто борется за демократию. Как долго мусульманское сооб-

щество будет пребывать в транзитном состоянии, предсказать не возьмется никто, особенно после Арабской весны (Малашенко 2015: 120–121).

Итак, исламизм объединяет своих сторонников на основе их отношения к исламу⁸ и его принципам, к укладу жизни и положению в мире. Но поскольку ислам многолик и неоднороден, толкование священных текстов не универсально, а разноречиво и существует множество различий среди мусульман по самым разным признакам, то исламизм не является и по определению не может быть монолитным течением. В исламизме также имеется широкий спектр политических взглядов: от крайне умеренных и настроенных на сотрудничество с Западом и другими неисламскими цивилизациями до самых радикальных (см., например: Ayoub 2009; Denoeux 2002; Schwedler 2011; см. § 3.2 настоящей главы, а также Grinin *et al.* 2018: Ch. 3, § 6). При этом важно иметь в виду, что такое разнообразие связано не только с огромными различиями в рамках полуторамиллиардного мусульманского населения Земли, разнообразием обществ и положения разных слоев внутри отдельных обществ и т. п. Еще в конце 1960-х гг. была опубликована книга Клиффорда Гирца *Наблюдаемый ислам: религиозное развитие в Марокко и Индонезии* (Geertz 1971), в которой автор весьма наглядно показал значительные различия в этих двух мусульманских странах, расположенных в разных концах исламского мира. И, как замечает в этой связи Малкольм Япп (Yapp 2004: 162), «в исламе наметились настолько глубокие идеологические различия, что непонятно, одна ли это религия с разными взглядами или две религии, имеющие общие черты». Большие различия в исламе в разных местах и в разные периоды связаны и с тем, что исламизм – живое течение, которое меняется вместе с реалиями, даже если со стороны это не всегда заметно. Как отмечает М. ал-Джанаби, «разнообразие подходов к проблемам современного исламского феномена, касающихся как терминологии, так и его сущности, корней и предпосылок, является в первую очередь отражением динамики самого этого феномена. С каждым “внезапным” изменением его форм и характерных черт меняются и общие термины, изобретаются разнообразные новые истолкования. Это сви-

⁸ И, естественно, на основе отношения к противостоящим ему традициям – христианству/Западу/секуляризму/атеизму и т. п.

детельствует либо о том, что внутренние признаки данного феномена еще не сформировались, либо о том, что такие различия и расхождения являются следствием старого подхода к новым политическим реалиям или соединения, сочетания частичных методологий» (Джанаби 2015: 55).

Говоря об исламистах-салафитах, в частности, можно упомянуть следующие направления (но это далеко не все). Это прежде всего идеология суннитских приверженцев строгой ортодоксии, например, афганские талибы, которые борются за государство ислама в Афганистане. Они требуют от мусульман неукоснительного выполнения предписаний шариата в интерпретации средневековых религиозно-правовых школ. Сюда же стоит отнести салафитов – поборников идеи возвращения к истокам веры из других стран. В целом салафиты представлены исламистами двух категорий. Это, во-первых, блюстители чистоты Слова Божьего, очищения ислама от позднесредневековых извращений без переосмысления священных текстов в современном духе (мусульманские пуритане-ваххабиты и их приверженцы), ратующие за возрождение исламской общины исключительно на основе Корана и Сунны; во-вторых, это хранители духа Откровения, последователи мусульманских реформаторов Джамал ад-Дина ал-Афгани и Мухаммада Абдо, как модернизаторского, так и охранительного толка: умеренные («Братья-мусульмане», сторонники модернизации шариата) и близкие ваххабитам радикалы (Левин 2014: 77; Саватеев, Кисриев 2015; Саватеев и др. 2017; Osman 2016). Отметим, что модернизаторский салафизм, восходящий к идеям этих мыслителей, выступил в качестве одного из важных источников умеренного исламизма (см. в § 3.2 настоящей главы). Важно снова подчеркнуть, что многие салафиты не являются радикалами (см.: Schwedler 2011; March 2015).

Исламизм: исторические аналогии. Если рассматривать салафитский исламизм с учетом тех ограничений, о которых сказано выше, как современную версию мусульманского фундаментализма, можно говорить о том, что исламские общества, конечно, в очень своеобразной форме, переживают нечто похожее на период Реформации (см., например: Huntington 1996: 111). С другой стороны, оказывают влияние и общемировые тенденции, проявляющиеся в разных местах планеты.

В известной мере аналогии исламизма можно найти в политизации христианства и его направлений в некоторые периоды и в определенных контекстах. Так, противоречия между протестантами и католиками привели в Северной Ирландии к политизации этих религий, что вызвало радикализацию уже довольно зрелого общества. Эта радикальная стадия с полномасштабным террором продлилась более 40 лет (с 1950-х по 1990-е гг., хотя, по сути, началась существенно раньше). В Западной Германии после войны, когда другие идеологии оказались дискредитированы, политизация христианства была естественным направлением, в результате чего родились христианско-демократические партии (ХДС и ХСС). Но можно согласиться с Т. Османом (Osman 2016: xvii), что ошибочно слишком увлекаться такими аналогиями, поскольку исламизм возрос на существенно иной почве, чем опирающиеся на религиозные идеи политические течения в Европе. В большей мере сходство (по уровню мировоззрения) можно найти с политизацией индуизма, которая активно происходит в Индии и т. д. (см.: Гринин, Коротаев 2016a)⁹. Но там индуизм становится одновременно и синонимом идентификации индусского национализма, а ситуация с национализмом на Ближнем Востоке совершенно иная.

Поэтому наиболее продуктивная историческая аналогия будет все-таки с Реформацией в Европе в XVI–XVII вв., когда религия воспринималась не просто буквально, но вера была тем важнейшим делом, за которое воевали, отдавали жизни, расправлялись с инакомыслящими, вводили в обществах цензуру и самоцензуру. Здесь уместно вспомнить, что вторая половина XV и начало XVI в. в Европе (в частности, в Германии и Италии) были довольно вольнодумными, появился целый ряд писателей, критикующих церковь, власть и порядки вообще. Конечно, их было за что критиковать. Но с распространением лютеранства и тем более кальвинизма свобода слова была существенно сокращена. Аналогично (разумеется, с существенными оговорками) можно сказать, что в период до конца 1970-х гг., а в ряде исламских обществ – и позже, условного «вольнодумства» в плане одежды, поведения и свободы, умалявших му-

⁹ В какой-то мере это также объясняет тот факт, что уже более столетия Индию (как прежнюю Британскую, так и современную, в основном индуистскую) раздирают конфликты между мусульманами и индуистами. Ведь ислам, как и индуизм, – это не просто религия, но и образ жизни (см., например: Полонская 1991; Ключев 2002; Юрлова 2007; Алаев 2008; Белокреницкий 2008).

сультанские каноны, и прочего было существенно больше, чем сейчас (о влиянии Реформации в Европе на формирование современного типа государственности см.: Гринин 2009; 2010; 2015; 2016б; 2017ж; 2018б; Grinin 2011b; 2012; 2018; Grinin *et al.* 2016)¹⁰.

Что касается сходства между Реформацией и подъемом исламизма (Исламским возрождением), то Самюэль Хантингтон (Huntington 1996: 111) в чем-то верно подметил, что оба эти процесса являются реакцией на стагнацию и коррупцию существующих институтов: они призывают вернуться к более чистой и требовательной форме своих религий, проповедуют работу, порядок и дисциплину, привлекают на свою сторону современных и динамичных представителей среднего класса. Центральной идеей как Реформации, так и Исламского возрождения является фундаментальная реформа. Хантингтон также говорит, что есть параллели даже между Жаном Кальвином и аятоллой Хомейни и «той монашеской дисциплиной, которую они хотели утвердить каждый в своем обществе» (*Ibid.*). Он делает вывод, что игнорировать влияние Исламского возрождения на Восточное полушарие в конце XX в. — это все равно что игнорировать влияние протестантской Реформации на европейскую политику в конце XVI столетия.

Завершая этот сравнительный экскурс, скажем, что если быть точными, то Исламское возрождение похоже (в некоторых моментах) сразу и на Реформацию, и на Контрреформацию в католической Европе в XVII в. Напомним, последняя заключалась в том, что католическая церковь сняла запреты на чтение Библии и других книг, их толкование, активизировалась в плане развития образования, а частично и науки (некоторые монастыри стали центрами научных, в том числе исторических, исследований), вынуждена была примириться с целым рядом изменений. Исламизм также в итоге существенно способствует (разумеется, на свой лад) развитию образования и культуры в странах с мусульманским большинством.

¹⁰ Начиная с 1970-х гг. исламские символы, верования, традиции, институты, политика и организации находят все большую поддержку в мусульманском мире. Исламизация, как правило, происходит сначала в культурном плане, затем распространяется на социальную и политическую сферы. Лидеры от интеллигенции и политики, нравятся им это или нет, не могут ни игнорировать, ни избежать принятия ее в той или иной форме (Хантингтон 2003: 165).

3.2. Появление исламистских идей и организаций

Исламизм – сравнительно молодое политическое направление, ему около века, но особенно активно он стал проявлять себя в последние 40 лет, с 1970-х гг. В § 4.5 Главы 3 нашей книги *Islamism, Arab Spring and Democracy* (Grinin *et al.* 2018) мы подробно рассматриваем, какие именно события оказали на это особо серьезное влияние.

Современный исламизм появился как идеологический и политический ответ на продвижение европейцев на Ближний Восток и позже их империализм на территории мусульманских стран, как антиколониальное и антиимпериалистическое направление, которое пытается мобилизовать общество против этой опасности. По сути, геополитическим толчком стал разгром Турции в Первой мировой войне, а также отпадение и раздел ее исламских, но нетурецких территорий (Трансиордании, Сирии и др.). Особенно существенным для возникновения течения исламизма оказался момент отмены Кемалем Ататюрком халифата в 1924 г. (Sayyid 1997: 57 и др.). Расчленение Османской империи, разрыв торгово-экономической и социальной структуры и появление новых наций также вызвали довольно длительный экономический застой. До этого на Ближнем Востоке существовала разветвленная и развивающаяся экономика, и в целом данный регион процветал (Fromkin 1989)¹¹. Поэтому часть исследователей дополнительно увязывает феномен исламского терроризма с этими экономическими проблемами.

Итак, с одной стороны, произошло самое тяжелое поражение ближневосточной исламской империи за всю историю проникновения Запада на Ближний Восток, с другой – была потеряна связь между светской властью и ее сакральным источником, каковым было положение халифа ранее. Если в Аравии эту связь удалось восстановить, то в Турции и на других территориях источником власти становилась светская система (которая стала отрицать и права улемов). Все это произвело огромное впечатление на исламских мыслителей. Интенсивность споров касательно политических

¹¹ Это мнение можно считать достаточно обоснованным применительно к позитивной оценке успехов, достигнутых Османской империей в экономическом развитии в десятилетия, предшествующие Первой мировой войне, но оно игнорирует тот факт, что после этой войны экономическое развитие стран, на которые распалась Османская империя, значительно ускорилось (см., например: Maddison 2010).

аспектов ислама возросла (Muddassir Quamar 2017: 259). С учетом того, что борьба с европейцами на идеологической почве имела место в течение многих столетий, аргументы было найти несложно. Идеи Исламского возрождения шли снизу (Osman 2016: 2). Основные концепты исламизма как идеологии были заложены в трудах исламских мыслителей-реформаторов еще XIX в., таких как Джамал ад-Дин ал-Афгани (1839–1897), Мухаммад Абдо (1849–1905) и др. Особую роль здесь сыграл каирский мусульманский университет Ал-Азхар, который стал лидером образования и религиозной идеологии всего исламского мира (Ланда, Саватеев 2015: 127). Оба указанных мыслителя были связаны с ним¹², но имелись предтечи исламизма и в других обществах (тем более что такие мыслители часто в течение жизни жили и распространяли свои идеи в разных странах исламского мира). Это, например, Саид Ахмад-хан и Аллама Мухаммад Икбал, оба родом из Индии, Мухаммад Рашид Рида из Ливана, Намык Кемаль и Мехмет Акиф Эрсой, оба из Турции (Graham 1974; Ansari 2001; Mustansir 2006; Soage 2008; Black 2011; Shafique Khurram Ali 2014; Царегородцева 2017: 96; см. также: Osman 2016: 201). Итак, мы видим, что исламизм имел духовные корни во многих исламских обществах¹³. Но то, что его практическое воплощение нашло свое место в Египте, также было вовсе не случайно.

Таким образом, в описываемое время исламизм начал формироваться как идеология противостояния Западу и возрождения собственной культуры (понимаемой как исламская культура), точнее, как практическое политическое и организационное средство для завоевания популярности среди масс и их активизации. Наиболее важными в этом направлении стали движение «Братья-мусульмане»¹⁴ в Египте, организованное в конце 1920-х гг., и Всеиндийская мусульманская лига в Британской Индии и затем уже в независимом Пакистане. Лига была основана 30 декабря 1906 г. в Дакке для защи-

¹² Джамал ад-Дин ал-Афгани, кроме того, создал в Египте тайное общество с революционными целями (Keddie 1972).

¹³ Так, упомянутый Мухаммад Рашид Рида также преподавал в Каире, и его лекции повлияли на основателя общества «Братьев-мусульман» Хасана ал-Банну, так же как работы исламского реформатора из Ливана Шакиба Арслана (Царегородцева 2017: 98). Можно привести примеры и из истории Африки южнее Сахары.

¹⁴ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

ты в Индии прав мусульманского меньшинства от диктата индуистского большинства. Но особенно ее активность возросла, когда Мухаммед Али Джинна в 1928 г. стал ее президентом. Через некоторое время Всеиндийская мусульманская лига стала добиваться создания отдельного государства для мусульман (см., например: Jalal 1994; Khan 2007; Wolpert 2013). Но чаще всего начало исламистского движения связывают с образованием «Братьев-мусульман» в Египте в 1928 г. Во главе этой организации стоял известный богослов и ученый Хасан ал-Банна (см., например: Husaini 1956; Mitchell 1993; Lia 2006; Mura 2012). О первых десятилетиях «Братьев-мусульман» мы рассказываем в § 3.4 Главы 3 нашей книги *Islamism, Arab Spring and Democracy* (Grinin et al. 2018).

Вернемся к выяснению причин появления исламизма, чтобы отметить некоторые важные его черты, дополнительно объясняющие его неоднородность и определенную противоречивость.

Исламизм был не только реакцией на влияние Запада, но и результатом западной модернизации, которая к этому времени уже захватила ряд исламских стран. В этой связи важно отметить одну особенность, о которой практически не говорят, а именно то, что современный исламизм как массовое движение возник в первую очередь в странах, в которых в том или ином виде существовали демократия, выборы и система политических партий. По сути, в абсолютных монархиях современный исламизм как политизированный ислам был не нужен либо нужен не сам по себе, а как оружие в руках светской власти. В обществе, где нет электората, также не нужен низовой политический ислам. Иное дело там, где низы или какие-либо слои общества уже могут голосовать, тогда роль политического ислама становится весьма заметной. Неудивительно, что вафдисты (то есть члены «Вафд» – наиболее влиятельной египетской политической партии того времени) стали вовлекать в политическую борьбу «Братьев-мусульман» уже в 1930-е гг., пытаясь получить их поддержку (Goldschmidt 2004: 191; Osman 2016: 4). Мусульманская лига также играла важную роль в выборах. Выборы в меджлис так или иначе имели место и в шахском Иране начиная с Конституционной революции 1906–1911 гг. Демократия, политические партии, выборы – это все западные институты, которые прямо или косвенно продвигались Западом на Восток¹⁵. И там, где

¹⁵ Англия и Франция внедряли демократические органы и выборы на Ближнем Востоке и после получения там мандатов от Лиги Наций (в частности, в Трансиордании и Сирии).

они устанавливались, в конечном счете мог усиливаться низовой исламизм. В авторитарных режимах неучастие в выборах сокращало влияние исламистов. Иными словами, исламизм, конечно, не родился в результате демократии, но активное внедрение или расширение последней могло существенно его усилить. В § 4 Главы 3 нашей книги *Islamism, Arab Spring and Democracy* (Grinin et al. 2018) мы приводим многочисленные примеры того, как Запад сам мог усиливать исламизм, с одной стороны, внедряя демократию, с другой – разрушая авторитарные режимы плюс помогая исламистам напрямую¹⁶.

Таким образом, исламизм появился косвенно в результате продвижения западных институтов на Ближний Восток. И хотя исламисты могут не подозревать об этом, само отношение к данным институтам, Западу, прогрессу и многому другому выделяет в исламизме существенно разные направления. «Несмотря на реакционность своих намерений, ислам импортирует не просто современные, но западные идеи и институты», – отмечает Дэниел Пайпс и добавляет: «Фундаменталисты европеизированы. Исламисты помимо своей воли являются сторонниками Запада. Даже в отрицании Запада они все равно его принимают» (Pipes 1995).

Естественно, что с 1920-х гг. исламизм прошел сложный путь. Можно считать, что современный политический ислам как идеология возник примерно в середине XX в., явившись итогом длительной социокультурной, политической и духовной эволюции исламского мира (Ланда, Саватеев 2015: 129). О причинах возникновения современного исламизма существуют разные мнения, иногда противоречащие друг другу (см., например: Roy 1994: 339). Иногда это связывают с развитием слоев, сформированных в итоге модернизации мусульманских обществ, то есть интеллигенцией, студенчеством, служащими, буржуазией, иногда – с реакцией традиционных социально-экономических слоев, затронутых модернизацией и испытывающих дискомфорт. По-видимому, оба мнения частично верны, так как общая причина роста влияния исламизма, несомненно, связана с тем или иным воздействием процессов модернизации, проявляющихся по-разному и в разных слоях социума, и в разных обществах (см. также: Huntington 1996).

¹⁶ Новейший пример, когда расширение демократии в некоторых арабских странах открыло исламистам доступ к власти в результате Арабской весны.

Глава 4. Исламизм как идеология.

Противопоставление Западу.

Исламизм и западные ценности

4.1. Исламизм как идеология

Идеологические особенности исламизма. О некоторых идеях исламизма (в частности, его негативном отношении к западничеству) уже было упомянуто. Главное, что можно сказать: исламизм предполагает, что заветы ислама есть универсальное средство для решения всех (или почти всех) социальных проблем. «Ислам – вот решение» – это довольно популярный лозунг и сегодня. Ислам, его священные тексты, его законы – это и кодекс поведения человека в быту, его жизненный стержень, и программа переустройства общества, а также всей мусульманской общины (уммы). Мало того, у некоторых исламских радикалов это и вариант исламской глобализации, глобальный проект переустройства мира на началах учения пророка Мухаммада, план воплощения идеи провиденциальной избранности мусульман как спасителей человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации (Левин 2014).

Таким образом, исламизм становится в ряд других эсхатологических, провиденциалистских и мессианистских идеологий (в смысле веры в конечную победу идей), как религиозных, так и светских (см., например: Pipes 2001–2002: 16)¹. При этом необходимо отметить, что как в глобальном социализме наряду с радикалами-сталинистами или маоистами представлены и вполне конструктивно настроенные социал-демократы, так и в глобальном исламизме его радикальное направление сосуществует с вполне конструктивно настроенными умеренными исламистами.

Исламизм как тоталитарная идеология всеобъемлющ. Подобного рода учения и идеологии обладают весьма мощным объединительным потенциалом и организующей силой. Исламизм может работать как на самом низовом, бытовом, так и на глобальном

¹ Исламское возрождение в чем-то схоже с марксизмом своими священными текстами, видением идеального общества, стремлением к фундаментальным изменениям, неприятием сильных мира сего и национального государства, а также разнообразием доктрин, начиная с умеренного реформизма и заканчивая неистовым революционным духом, отмечает С. Хантингтон (2003: 163).

уровне; быть основой как социальной, так и политической жизни. И, как всякая подобного рода идеология, активно вербует своих героев на этом пути².

Но, повторим, исламизм очень многолик, неоднороден, имеет много течений и толкований (в том числе и таких, которые никак нельзя назвать тоталитарными). Об этом у нас еще будет идти речь.

4.2. Исламизм и противостояние Западу

Исламизм – способ противопоставления Западу с его либерализмом и другими светскими идеологиями. Современный исламизм как идеология и как практическое движение возник, как уже было сказано выше, в ответ на колониальную экспансию Запада и поражение Османской империи. Запад в обоих случаях продемонстрировал свое огромное превосходство над исламским миром. Поэтому критика (даже отрицание), нередко проклятия в его адрес стали одним из столпов исламизма (особенно радикального) как идеологии. США и Израиль как «большой и малый сатана» в определении аятоллы Хомейни – весьма яркая иллюстрация этого отношения³. «Радикальный ислам, – пишет американский политолог Дэниел Пайпс, – предлагает современным людям альтернативную глобальную модель, отвергающую все ценности западной культуры, общества потребления и индивидуализма во имя создания закрытого порядка, основанного на исламе» (цит. по: Мирский 2009: 109).

Например, один из лидеров египетских «Братьев-мусульман», казненный в августе 1966 г. Сейид Кутб, чьи идеи все еще вдохновляют многих исламистов и чья работа «Вехи на пути» является настольной книгой исламистов всего мира, писал: «Все западные государства ориентируются на один источник, на материалистическую цивилизацию, не имеющую ни сердца, ни морали, ни совести. Это цивилизация, которая не слышит ничего, кроме звука машин, и не говорит ни о чем, кроме торговли... Как я ненавижу и презираю этих людей Запада! Всех их без исключения!» (цит. по: Calvert

² З. И. Левин, например, утверждает: «Ислам, претендующий быть вероисповеданием всего человечества, – это единственная мировая религия, представляющая всеобъемлющую идеологию тоталитарного типа, поскольку в ней нераздельны священное и мирское, религия и политика, и пророчества пророка Мухаммада провозглашаются конечными» (Левин 2014: 70).

³ СССР он назвал «меньшим сатаной».

2010: 121). Лидеры «Ал-Каиды» и ИГ всю свою деятельность строили на основе борьбы с Америкой и Западом.

Но даже если взять людей без таких крайностей, то среди мусульман нелюбовь к Западу весьма распространена, поскольку критика якобы бездуховной западной цивилизации во многом компенсирует ощущение обиды и неудовлетворенности, возникающее от того, что мусульманские общества по сравнению с западными являются отсталыми, а большинство исламских обществ – бедными. Поэтому критика Запада – в целом беспроектный вариант в социальной демагогии. Таким образом, исламизм можно рассматривать как форму самоидентификации исламского населения, форму его адаптации к лидерству Запада (они – бездуховные, «торгаши», мы – духовные; они – варвары с машинами и т. п.). Согласно С. Хантингтону (Huntington 1996: 111–112; Хантингтон 2003: 162), Исламское возрождение по своему размаху и глубине – последняя фаза в приспособлении исламской цивилизации к Западу, попытка найти решение не в западных идеологиях, а в исламе. Это стремление модернизироваться, не заимствуя западные ценности и институты, а, напротив, на основе возврата к якобы нетленным ценностям раннего ислама.

Исламизм, таким образом, занимает достаточно удобную и в чем-то неизбежную позицию, формируя образ врага, компенсируя неудовлетворенность реальной ситуацией, проводя в отдельных случаях антизападные кампании. Исламисты улучшают свой имидж в глазах масс, не беспокоясь о реальных причинах отсталости, напротив, консервируя их, не отвечая за последствия. Вместе с тем исламисты (в особенности умеренные/постисламисты) склонны принимать многие важнейшие западные ценности и институты, впрочем, как правило, не называя их прямо «западными» (см. об этом ниже).

Как мы уже говорили, исламизм стал неожиданным, побочным и явно нежеланным для Запада плодом его проникновения на Ближний Восток, его настойчивого стремления насадить там западные институты и идеи. Мало того, идеологи и лидеры современного исламизма нередко имели западное образование, путешествовали по западным странам, проходили стажировки, как вышеупомянутый Сейид Кутб, жили там, нередко довольно долго, изучали языки и культуру, словом, были знакомы с Западом не по книгам. Соответственно, влияние последнего на исламизм, пусть и

реализовавшееся в негативном для него отношении, здесь налицо. Глава исламского движения в Судане Хасан ат-Тураби получил ученые степени в Лондонском университете и Сорбонне, провел целое лето в Соединенных Штатах, объездил страну по финансируемой американскими налогоплательщиками программе для иностранных студенческих лидеров. Аббаси Мадани, лидер алжирского Исламского фронта спасения, получил докторскую степень в области образования в Лондонском университете. Его тунисский коллега Рашид аль-Ганнуши провел год во Франции, а в 1991–2011 гг. жил в Великобритании. Неджметтин Эрбакан, турецкий воинственно настроенный политик, учился в Германии. Муса Мухаммед Абу Марзук – глава политбюро ХАМАС – жил в США с 1980 г., получил докторскую степень в области промышленной инженерии в Луизианском университете и является постоянным резидентом США с 1990 г. И хотя годами ему удавалось уклоняться от правоохранительных органов, Абу Марзук был арестован в аэропорту Нью-Йорка при въезде в страну, когда собирался зарегистрировать сына в одной из американских школ. Однако опыт проживания в западных странах часто превращает нейтральных мусульман в исламистов (Pipes 1995).

Примечательно также, что один из лидеров движения «Братьев-мусульман», бывший президентом Египта в 2012–2013 гг., Мухаммед Мурси, получил докторскую степень по материаловедению в Университете Южной Калифорнии за диссертацию «Высокотемпературная электропроводность и дефектная структура донор-допированных Al_2O_3 », преподавал в течение трех лет в Университете штата Калифорния в Нортридже и сотрудничал с NASA в разработке двигателей космических летательных аппаратов.

Противостояние с Западом. Как мы уже писали, исламизм поднялся как вариант исламской модернизации. Но стоит отметить глубокую мысль С. Хантингтона, что, подобно другим проявлениям глобального религиозного возрождения, Исламское возрождение является одновременно и следствием модернизации, и попыткой схватиться с ней «врукопашную» (Huntington 1996: 111–112). В другом месте Хантингтон добавляет, что каковы бы ни были политические или религиозные убеждения мусульман, представители ислама согласны с тем, что между их культурой и западной существуют коренные различия. Выше мы уже рассказывали, что радикальный, террористический исламизм сделал Америку и Запад сво-

ими главными врагами, против которых все средства хороши. Не оправдывая террор, всячески осуждая его, нельзя не отметить: доля вины в том, что подобное отношение широко распространено, лежит на США и западных странах. В итоге продолжающиеся интервенции против исламских стран, попытки использования радикалов в собственных целях и прочее, что делает Запад, стало возвращаться к нему бумерангом (Мирский 2016: 43).

Но даже не принимая во внимание ненависть к Западу у радикалов, очевидно, что длительное историческое соперничество ислама и христианства должно было оставить определенный след в умах мусульман. Нужна какая-то психологическая компенсация в отношении превосходства и удачливости Запада, которая и выступает в виде идеи преобладания исламских идеологии и морали над западными. Современный сирийский философ Садык аль-Азм пишет о настроениях, которыми проникнута современная исламская литература: «Арабы, мусульмане вообще в глубине души считают себя вершителями истории, мировыми лидерами. Мы по-прежнему глубоко, до мозга костей чувствуем себя субъектом, а не объектом истории, активным началом, агентом, а не клиентом. Мы никогда не согласимся, а тем более не смиримся с маргинальностью нашего положения в современном мире. Для нас невыносима сама мысль, что мы – объект истории, что нами руководят, нами манипулируют, используют нас в своих целях те, кто некогда сам был объектом истории и чью судьбу решали мы. Добавим к этому наше убеждение в том, что наше мировое лидерство было узурпировано, отнято у нас современной Европой, и не менее глубокую уверенность, что в конечном счете история развенчает узурпатора, время которого проходит, и вернет прежним историческим лидерам их законное место, статус и функции» (al-Azm 2004: 123). Такими установками ислама во многом определяются также и отношения образованных мусульман с Западом⁴.

4.3. Исламизм и ценности

В данном параграфе мы только бегло коснемся этого очень объемного вопроса, более подробно эта тема будет освещена в третьей части книги. Исламизм со стороны может казаться чем-то ужасным, для западного человека невыносимым (и здесь есть значи-

⁴ Подробнее об исторических корнях антизападных настроений в исламском мире см.: Васильев 2017.

тельная доля правды). В то же время умеренный исламизм, несомненно, имеет и свои положительные стороны, в том числе в плане морали. В частности, он подчеркивает ценности коллективизма (приоритета уммы) и призывает к братству между мусульманами (правда, обычно только в рамках определенной ветви ислама). Также считается, и не без основания, что он приветствует приоритет духовного над материальным и ограничивает жажду наживы, требует оказывать помощь бедным и друг другу. Ислам делает всех мусульман в принципе равными перед Аллахом и, следовательно, по его закону. В этом плане ислам и особенно исламизм демократичны, дают возможность человеку выдвинуться по своим делам и заслугам в рамках исламистского движения независимо от его стартового уровня (о чем мы будем говорить в Гл. 5). Исламизм в целом моральное движение, так как опирается на каноны ислама, во многом проверенные жизнью, охраняет семейные ценности и справедливость (как они понимаются исламом и в тех трактовках, которые имеют место), исламисты запрещают блуд и пьянство, порой даже курение.

В то же время исламизм не отвергает и не презирует такие общечеловеческие ценности, как образование, стремление к богатству, улучшению жизни. Напротив, в современных условиях грамотность и способность тем самым самостоятельно постигать и толковать Коран и другие священные тексты есть достоинство и даже во многом необходимость. Среди исламистов много не просто грамотных, но хорошо образованных людей (см., например: Yapp 2004: 181).

Таким образом, исламизм представляет целую систему моральных и духовных ценностей, в ряде отношений вполне современных, которых может быть достаточно для нормальной жизни огромного числа людей и целых обществ.

В чем же проблема исламизма в отношении современных ценностей? На наш взгляд, она может быть выражена в двух аспектах. Первый: исламисты, особенно радикальные, образно говоря, смотрят не вперед, а назад. И здесь беда в зашоренности идеологов радикального исламизма, неспособных понять, что на старом невозможно далеко продвинуться (см. также: Osman 2016: 249, 251). Второй аспект: исламисты не готовы принять ряд современных ценностей, в основном западного происхождения, которые доказали свою важность и прогрессивность в большом количестве об-

ществ, при этом данные ценности нередко отрицаются не потому, что кажутся дурными сами по себе, а потому, что они не вписываются в догматы исламистов (то есть они дурные потому, что противоречат Корану или шариату). В этих же рамках находится и то, что исламисты стремятся навязать остальным членам общества свои взгляды, обосновывая их тем, что они якобы имеют высшую силу, санкционированную Богом. В частности, исламисты в той или иной степени стремятся ограничить важнейшую ценность для западного человека – личную свободу, в том числе в привычках, одежде, образе жизни и многом другом. Эта свобода ущемляется (в случае умеренного исламизма) или преследуется, наказывается (в случае исламизма радикального).

Большинство самых крупных исламистских групп как будто даже признали плюрализм. Но в обществах, где в основном живут мусульмане, это не означает признания свободы от исламских традиций и законов. И признание плюрализма всегда было условным и ограниченным (Osman 2016: 240). «Далекая от плюралистического идеала демократии, исламистская версия порождает то, что Джон Стюарт Милль называет “тиранией большинства”», – пишет по такому поводу Бассам Тиби (Tibi 2012: 133). Однако справедливости ради отметим, что тирания большинства, в том числе в отношении морали, на протяжении веков господствовала и на Западе, сочетаясь с демократией, и только в последние 50–70 лет личная свобода свергла эти моральные ограничения (добавим, правда, далеко не всегда к пользе общества и к росту общей морали). Поэтому ситуация в исламских странах вполне понятная, нужно время для роста личной свободы, и время немалое.

Здесь важно видеть, что, во-первых, как и в других вопросах, расхождения между салафитами и строгими исламистами, с одной стороны, и умеренными – с другой, велики. Во-вторых, подвижки в этом направлении все же есть, и они продолжатся, хотя, возможно, не быстро и не прямолинейно. Кроме того, слишком большая индивидуальная свобода не всегда реально сочетается с общественными ценностями и правами других людей. Поэтому разумно расширять эту личную свободу постепенно. Исламские общества в большинстве своем все же идут по этому пути, но особым образом, как мы увидим, например, в отношении феминизма, который во многих мусульманских странах имеет тенденцию развиваться в своей, исламской, а не светской форме.

Положение женщин в исламском обществе – это одна из главных проблем взаимоотношений между Западом и исламом, одна из главных ценностей, вокруг которой постоянно кипят страсти. И реальных проблем здесь множество. Тем не менее, если не брать во внимание внешние признаки (хиджаб, одежду и т. п.), в главных отношениях права женщин признаются, в том числе в плане избирательных прав, образования, работы и много другого (хотя и здесь есть немало проблем, но движение идет в правильном направлении; см. Гл. 8).

Важным аспектом проблемы ценностей является понятие прав человека и соотношение их с доктринами исламизма. Действительно, верно, что в традиционном исламе нет доктрины прав человека, лишь Бог имеет права, у людей же – только долг. Сейид Кутб, идеолог «Братьев-мусульман», задавал риторический вопрос: «Кто знает лучше, ты или Бог?» (Qutb 1990: 69). Преданность верующих, их безоговорочная готовность следовать за своими лидерами являются силой исламизма, чем и пользуются радикалы (Мирский 2016: 26).

Рост влияния исламизма также привел к большой проблеме, связанной с ухудшением положения меньшинств других конфессий, например в Египте. И все же многое меняется даже в исламизме, который вынужден подстраиваться под современные реалии⁵. При этом важно иметь в виду, что хотя непримиримый исламизм порой выступает совершенно открыто, игнорируя любые иные мнения, но в то же время, обретая какую-то респектабельность, он вынужден, как и другие тоталитарные идеологии, менять маски. В чем-то здесь просматривается лицемерие, но в чем-то это ведет к трансформациям и смещению акцентов в правильном направлении. В частности, немало умеренных исламистов рассматривают проблему прав человека по-иному, нежели радикалы и салафиты. Тем более что и современный исламский истеблишмент уже давно не разделяет мнение Кутба. Здесь достаточно упомянуть о таком принятом в Каире в 1990 г. государствами – членами Организации исламского сотрудничества⁶ документе, как Декларация о правах че-

⁵ Мусульмане придерживаются следующего утверждения: ислам требует, чтобы в мусульманской стране политические права немусульман были меньше, чем у мусульман. Впрочем, политически умеренные мусульмане демонстрируют сравнительно гораздо более высокую степень религиозной толерантности по отношению к немусульманам, чем политические радикалы (Achilov, Sen 2017: 620).

⁶ До 2011 г. она называлась организацией «Исламская конференция».

ловека в исламе (Organization... 1990; см. также: Brems 2001: 241–284), а также об Арабской хартии прав человека, принятой Лигой арабских государств 22 мая 2004 г. (League... 2004).

Здесь также важно иметь в виду, что доведенные до максимальной степени индивидуальные права человека начинают реально входить в противоречие с общественными ценностями и правами других людей. В США, например, это ярко проявляется в случае права на ношение оружия. Таким образом, правильнее, если расширение объема прав человека будет идти постепенно, с тем чтобы общества лучше их интегрировали.

Еще один крайне болезненный вопрос – о соотношении исламизма и демократии, и по нему у исламистов нет единства. Радикалы в целом отрицательно относятся к демократии, как и вообще к участию в легальной политической жизни. Так, исламист Мухаммед, алжирец, на вопрос: «Ислам и демократия – совместимы?» ответил: «Нет. В исламе не большинство является легитимным. То, что говорит большинство, не обязательно хорошо... В исламе доверяют людям, обладающим мудростью, глубоким знанием религии, не интересующимся мирскими благами... В исламе существует другая форма единодушия – согласие между улемами» (Khosrokhavar 2006: 107–108).

Но это лишь одна из ряда версий исламизма. А в принципе умеренный исламизм не противоречит демократии и уважению определенных прав человека, но, конечно, в исламском варианте. По мере интеграции исламистов в политический ландшафт повышается значимость демократии как ценности. Многое, конечно, зависит от политического момента. Так, пресс-секретарь египетского движения «Братья-мусульмане» в июле 2013 г. заявил: «У нас есть своя собственная вера в демократию, и мы готовы за демократию умереть» (Chumley 2013). Но сегодня «Братья-мусульмане» находятся в подполье, поэтому у многих настроение и отношение к демократии явно изменились.

И это свидетельствует о том, что только стремление к союзу с умеренным исламизмом против радикального может укрепить доверие к демократии и повысить восприятие ее как ценности. В ряде стран исламского мира демократия выступает как большая ценность даже в глазах исламистских партий, которые видят в этом возможность своего успеха. В 1952 г. Арнольд Тойнби писал в очерке «Ислам и Запад»: «Во время всеобщих выборов 1950 г.

Турция согласованно, без насилия и крови, перешла от монополии одной партии к двухпартийной системе. Так что победа западного конституционного духа во время выборов 1950 г. в Турции – это заметная веха, которая, вполне вероятно, может обозначать поворот политического течения во всем мире» (Тойнби 1995: 157). Сейчас мы можем сказать, что это действительно был хотя и не поворотный, но важный момент. И сегодня мы наблюдаем, что мирное соперничество разных партий на политическом поле и во время выборов вполне характерно для многих исламских стран. Это действительно в целом победа западного конституционного духа. Но не стоит требовать, чтобы этот дух конституционализма копировался целиком, не только сейчас, но может быть, и в принципе, поскольку неясно, возможно ли это на все сто процентов и должно ли быть так. Пока важно, чтобы этот конституционный дух прочно реализовывался хотя бы через исламскую демократию. Потому что крайне опасно требовать демократии в чистом виде и сразу по высшим западным стандартам. Поэтому мы не согласны с такими рассуждениями, как, например, в книге Бассама Тиби «Исламизм и ислам» (Tibi 2012: 133): «Есть ли демократия в конце этого тоннеля? Большинство исламистских движений объявляют о разрыве с джихадизмом в пользу демократического шариатского государства. Но их понимание термина “демократия” в лучшем случае поверхностное». Мы считаем, что любая форма даже ограниченной и неполной демократии в исламских странах гораздо лучше, чем радикализм. Неправомерно также приравнивать демократию к свободе мысли, как пытается сделать Фатима Мернисси в своей книге «Ислам и демократия: Страх современного мира» (Mernissi 2002). В этой связи М. Япп отмечает: «Интересно, какое значение сама Мернисси придает свободе: она приравнивает демократию к свободе мысли, но демократическое большинство может и часто ограничивает свободу и может полностью уничтожить меньшинство» (Yapp 2004: 167). В тех же США в XVIII в. демократия вполне уживалась с диктатом со стороны фундаменталистского большинства протестантов разного толка внутри общин. Никакого свободомыслия там не допускалось. Исламские страны, где есть исламская демократия, сейчас находятся на таком же уровне развития (см. ниже).

Необходимо отметить, что бурный рост популярности демократических идей среди многих исламистов связан с тем, что исламистские представления пользуются широкой поддержкой населе-

ния в значительном числе мусульманских стран, а значит, исламисты имеют там самые реальные шансы прийти к власти демократическим путем. Действительно, проведение свободных выборов там вполне закономерно заканчивается победой исламистов, что не может не вызывать у многих из последних симпатии к этой форме политической организации государства.

И здесь мы сталкиваемся с другим важным моментом – при демократии власть у тех, за кем большинство. Разумеется, это большинство далеко не всегда разумно использует власть. Энтони Шадид приводит следующий комментарий от двадцатилетнего исламиста из Каира Мохаммеда Нади: «Является ли демократия голосом большинства? Мы, исламисты, являемся большинством. Тогда почему они хотят навязать нам взгляды меньшинства – либералов и сторонников светского развития?» (цит. по: Tibi 2012: 133). «Практически все сторонники светского развития пришли к неутешительному выводу, что... исламисты будут и дальше побеждать на выборах» (Osman 2016: 99). Действительно, меньшинства, в том числе религиозные, могут быть в чем-то ущемлены при исламистской демократии, ведь демократическое большинство может ограничить свободы и уничтожить меньшинство (Mernissi 2002). Это является проблемой. Но следует ясно понимать, что если общество еще не полностью готово к демократии, значит, не следует ее внедрять. Однако с развитием определенных институтов общество может приблизиться к ней. В частности, этому способствует развитие так называемого гражданского общества. Некоторые исследователи полагают, что наиболее успешным процесс расширения политического участия населения (и, соответственно, демократии) оказался в тех странах, где и государственные институты, и институты гражданского общества были одинаково хорошо развиты – прежде всего в Тунисе и Марокко (Кузнецов, Салем 2016: 81).

Тем не менее в целом исламский мир развивается в нужном направлении, но очень трудно и медленно, хотя в рамках этого мира имеются серьезные исключения. Кроме того, по мере развития мира, технологий и прочего, конечно, происходит некоторое сближение в понимании ценностей. В частности, развитие информационных технологий привело к принятию информации и возможности ее получения в качестве ценности как на Западе, так и на Востоке. Но в целом различия в понимании ценностей еще очень велики, и в ближайшее время они не сгладятся (если сгладятся когда-либо).

Глава 5. Общие характеристики и функции исламизма

Попробуем рассмотреть исламизм в разных аспектах, что вполне оправданно, учитывая его многогранность, а также то, что исламизм имеет много измерений (Osman 2016: xviii). В настоящей главе мы представляем собственное видение причин и оснований для широкой и глубокой интегрированности исламизма в мусульманские общества, а также его достаточно широкого функционала. Мы представим наши взгляды на этот вопрос в собственной систематизации. Отметим, что на ряд функций обращается недостаточное внимание (см. об этом, в частности: Yapp 2004), а иногда это и вовсе не рассматривается исследователями, что искажает понимание исламизма.

5.1. Массовость, понятность, полезность исламизма

Исламизм – это массовое и разветвленное движение. Сейчас мы выскажем общие идеи о функциях исламизма и основаниях его соответствия мусульманским обществам, а далее эти идеи будут развернуты в той или иной мере. Исламисты действуют во многих, если не почти во всех социальных группах. При этом важно, что среди них *немало представителей из низовых слоев общества и еще больше – сочувствующих*. В этом во многом заключается их сила. Хотя сами организации и могут быть многочисленными, их количественный состав, естественно, ограничивается определенными требованиями к членам, тем более если организация действует в подполье или полуподполье. Но число сочувствующих очень велико. Особенно, повторим, в бедных слоях, но также и в низшей страте среднего класса (см.: Osman 2016). Исламисты активно проникают в бизнес, образование, даже в низшие муниципальные органы, организуют медицинскую помощь, посредничают в доставке денег семьям мигрантов и т. п. Таким образом, исламизм не только духовно, но и функционально пронизывает социальную ткань общества. Поэтому даже при сильном светском государстве, запрете исламизма и репрессиях против активистов его крайне сложно вытеснить из общества. Исламизм также опирается на представления,

которые понятны абсолютному большинству людей, независимо от уровня их образования, а именно религиозно-культурные и религиозно-политические. В этом еще одно его преимущество перед другими политическими течениями. Будучи низовым движением, исламизм также чаще всего является движением оппозиционным. И в этом, как мы увидим ниже, также может заключаться его сила. Поскольку власти и элиту всегда есть за что критиковать, обличение их со стороны исламистов понятно, близко массам, сама критика им импонирует. Не стоит забывать и об историческом эгалитаризме и даже демократизме ислама в том отношении, что в нем не было иерархии духовенства. Именно на этой основе возможен исламизм как широкое течение, базирующееся в значительной мере на народных активистах, а не только и не столько на высокоинтеллектуальных личностях.

Исламизм и самоорганизация исламского общества на определенном уровне. Однако исламизм – не только массовое движение, это еще и форма самоорганизации населения как локального, так и – через ячейки организаций – более широкого (вплоть до панисламского) уровня. Американский исследователь Грэм Фуллер считает, что «исламизм есть не идеология, но религиозный, культурно-политический каркас для того, чтобы заниматься делами, которые в первую очередь беспокоят мусульман в политическом аспекте» (Fuller 2004: 193). Но, возможно, особенно важна самоорганизация на локальном уровне, с учетом того что мечеть – исключительно удобный способ для обсуждения вопросов и распределения благ, а также и для организации протестов, что доказали события Арабской весны.

Исламизм в Египте и в ряде других стран, хотя далеко не сразу, оформился в виде течения, которое можно охарактеризовать как самоорганизацию общества снизу для улучшения жизни, религиозного образования, взаимопомощи и пропаганды положений ислама. Первоначально это было скорее просветительское и миссионерское общество, нечто вроде христианских средневековых монашеских орденов, когда движение за обновление веры и церкви шло снизу. Но вследствие участия в политической жизни, а потом после революции 1952 г. и гонений движение «Братьев-мусульман» стало политическим и оппозиционным. Распространение «Братьев-мусульман» в различных странах способствовало распространению и модели самоорганизации в разных частях исламского мира (см. ниже,

например, о Судане). Но нужно понимать, что успехи самоорганизации исламистов вполне естественно вытекают из природы самого ислама, опоры его на общины верующих разного уровня, от местной до исламской уммы.

Такая самоорганизация позволяла аккумулировать определенные средства, собирать пожертвования и т. п. Сегодня это весьма крупные средства, «Братья-мусульмане» стали едва ли не самой богатой исламской организацией (см.: Osman 2016: 26). Этому способствует широкая сеть посредничества в переводах денег, денежной помощи и других финансовых операций с участием миллионов мигрантов, работающих в странах Залива, так называемая система *хавала* (*Ibid.*: 23–24), прямое или косвенное участие в бизнесе, пожертвования и т. п. Это позволяет создавать систему госпиталей, школ, строить мечети и совершать множество других действий, которые, с одной стороны, становятся крайне необходимыми для жизни масс людей, а с другой – не могут не вызывать одобрение и не повышать авторитет исламистских организаций (заметим, однако, что после контрреволюции 2013 г. ассоциация «Братьев-мусульман» в Египте была запрещена).

Самоорганизация снизу позволяла реализовывать ряд функций, важных для населения и самовыражения низов общества, в том числе давала возможность проявить себя значительному количеству людей. В противоположность властям, которые, как правило, не замечают простых людей, в этой организации человек и его дела могли быть в центре внимания. Кроме того, стоит упомянуть и созданные снизу своего рода комитеты по поддержанию нравственности, которые контролируют поведение и мораль мусульман. Как справедливо подчеркивал С. Хантингтон, в сущности, исламистские группы создали исламское «гражданское общество», которое дублировало, превосходило и часто заменяло собой деятельность зачастую слабых институтов светского гражданского общества (Huntington 1996: 111–112; см. также: Woltering 2002: 1140 и др.; Berman 2003: 260; Ismail 2006: 100).

Исламские организации сосредоточили внимание на жизни сельских и общинных жителей во многих регионах Египта, особенно в самых бедных районах, а также представителей, говоря социологическим языком, так называемых групп риска. К тому же частные, массовые и добровольные организации под управлением исламистов стали важными проводниками социальных благ, обычно

исходящих от государства. Как выразился один активист, «мы оказываем людям услуги, которые они не в состоянии себе позволить, или когда государственных услуг нет совсем» (Ismail 2006: 100).

В Египте к началу девяностых исламские группы создали широкую сеть организаций, которые, заполняя вакуум, оставленный правительством, предоставляли социальную и медицинскую помощь, услуги в образовании и других областях для огромного количества египетской бедноты. После каирского землетрясения 1992 г. эти организации «вышли на улицы в течение нескольких часов и раздавали еду и одеяла, в то время как правительственная помощь запаздывала». В Иордании Мусульманское братство сознательно следовало политике создания социальной и культурной «инфраструктуры исламской республики», и к началу девяностых в этой небольшой стране с четырехмиллионным населением работала крупная больница, двадцать клиник, сорок исламских школ и 120 центров по изучению Корана. По соседству, на Западном берегу и в Газе, исламские организации организовали и патронировали студенческие союзы, молодежные организации, а также религиозные, общественные и образовательные ассоциации, в том числе образовательные учреждения от детских садов до исламского университета, клиники, приюты, дома престарелых, систему исламских судей и арбитров. В этих и других мусульманских странах исламские организации, отстраненные от политической деятельности, предоставляли социальное обеспечение на том же уровне, что и политическая машина в Соединенных Штатах в начале двадцатого века (Хантингтон 2003).

В целом масштаб деятельности исламистских организаций огромен. По подсчетам Александра Игнатенко, в середине 2000-х гг. в мире действовали более 500 исламистских НПО, то есть неправительственных организаций (Игнатенко 2009: 181).

Полезно заметить, что в случае ослабления государственности потенции самоорганизации в исламизме могут проявиться весьма заметно. Так, например, спустя всего 3–4 года после распада Советского Союза на фоне слабеющих позиций органов власти стали проявляться и актуализироваться традиционные институты самоорганизации общества, среди которых религиозный оказался одним из самых сильных. И в результате на Северном Кавказе появились джихадистские группировки (Саватеев и др. 2017: 562; Кисриев 2017). Самоорганизация была налицо и на территориях, где больше не действовали государственные органы Ирака и Сирии.

5.2. Социально-политические функции исламизма

Исламизм многолик не только в концептуально-практическом плане: умеренности и радикализма, оттенков догматизма, масштабов приложения (в рамках страны, исламского мира или всей планеты), способности к адаптации современных веяний и самосохранения, стремления к политической власти или довольствования властью авторитета, а также многого другого. Исламизм (и об этом мало говорят) очень многолик в плане своего функционала и способности заменить другие институты (включая и государственные, как уже сказано выше). Этой многоликости исламизма способствует *неопределенность главных, фундаментальных положений ислама*. Неудивительно, что среди разных исламистов можно найти совершенно разное понимание того, что собой представляют законы ислама. Это также объясняет гибкость и приспособляемость исламизма. В итоге очень многое может быть как одобрено, объяснено Кораном и священным преданием, так и запрещено, осуждено¹. Это, по сути, адаптирует ислам к ситуации, не запрещая многое из того, что сегодня имеет место (особенно образование, использование современных технологий, контактов и т. п.). В случае закрепления каких-либо явлений (например, участия женщин в политике) объявляют, что ислам всегда поддерживал это (либо, напротив, всегда боролся с тем, что осуждается в современной жизни²); таким образом, запрещенное в случае необходимости может быть разрешено и т. п. Следовательно, исламизм, являясь политизированной формой религии, может склоняться в зависимости от обстоятельств либо к прагматизму, либо к фундаментализму, что делает возможности его приспособления к изменениям весьма высокими.

Впрочем, гибкость и приспособляемость характерны и для других универсальных и тоталитарных идеологий: например, хотя марксизм прямо говорит о том, что частная собственность – это зло и она должна быть отменена, социал-демократы и даже китайские

¹ Как, например, пишет Клиффорд Гирц (Geertz 1971: 15), «в Индонезии, а также в Марокко все более характерным становится противоречие между тем, что написано в откровениях Корана, то есть тем, что суннитская (то есть ортодоксальная) традиция считает откровением, и тем, во что люди, называющие себя мусульманами, фактически верят».

² Например, с рабством. Напомним, что Насреддин-шах (1831–1896), проводивший значимые реформы в Персии, отменил работорговлю в Персидском заливе только под мощным давлением англичан. Шах отказывался сделать это, мотивируя тем, что Кораном рабство не запрещено, и нет закона выше.

коммунисты вполне допускают частную собственность и признают ее исключительную важность. Национал-социализм в Германии признавал арийцев высшей расой, но при этом оказывал уважение азиатам-японцам как своим союзникам.

Исламизм – это форма объединения общества в мусульманском мире, форма единой культуры. Ислам – мировая религия, которая ставит на первое место не этничность и не принадлежность к конкретному государству, а принадлежность к мусульманской общине (умме). В исламизме (особенно радикальном) одно из главных положений – превосходство ислама над другими религиями и вера в его будущую победу во всем мире. Даже те, кто рассматривает это положение как абсолютно далекое от исполнения, тем не менее обязаны его учитывать. Таким образом, исламизм становится идеологией, которая потенциально способна объединить сотни миллионов человек в десятках стран. В определенной мере это произошло, но на пути к реальному объединению стоит много неразрешимых сложностей, так как, во-первых, исламисты расколоты и враждуют друг с другом, во-вторых, идет постоянная борьба между исламизмом и светским направлением развития. Большое количество организаций исламистов одновременно свидетельствует и о силе исламизма, и о его раздробленности. Но так или иначе, исламизм интернационален, что позволяет крупным исламистским движениям, таким как «Братья-мусульмане», открывать отделения во многих странах, иметь свою сеть во многих местах, влиять на жителей разных обществ.

Исламизм – особый способ модернизации. Его нередко трактуют как реакцию на охватившие мир глобализацию и модернизацию, а в отдельных случаях – как поиск особого пути исламских обществ в плане модернизации и глобализации. Это одна из причин, почему феномен реисламизации охватил страны и традиционного, и нового ислама (Васильев 2017: 44). В этом последнем смысле исламизм позволяет развиваться и адаптировать достижения Запада, не теряя собственной идентичности. Разумеется, исламизм отнюдь не доказал своей наибольшей эффективности в плане модернизации, но тем не менее определенную функцию он выполняет. Примером может служить Иран, где развитие идет под идейным руководством политизированного духовенства, правда, там существует исламизм особого типа. В Иране в известной мере произошло отделение идеологии от непосредственного политического

функционирования, то есть имеются своего рода идеологические контролеры, а также политические функционеры самого высшего уровня. Это позволяет стране достаточно неплохо развиваться в общечеловеческом направлении. Возможно, это результат победившего исламизма, который должен был приспособиться к своему положению правящей идеологии (примерно так же, как это произошло с победившим коммунизмом в СССР и других странах). Второй момент – исламизм в Иране шиитского толка, соответственно, имеется практически знак равенства между национализмом и исламизмом, что усиливается довольно крепкими корнями государственности. В то же время в противоположность иранскому арабский национализм означает принадлежность не к какому-то государству, а к арабскому суперэтносу.

Выше мы рассматривали функции исламизма в макромасштабе (всей исламской общины, всего исламского мира). Но исламизм, как уже было сказано, является многоуровневой идеологией. Соответственно, его функции можно проследить и на уровне отдельного государства.

Функция политической оппозиции. Уже упоминалось, что в целом ряде стран исламизм – это оппозиционное движение, которое, даже находясь в подполье, не дает автократическим режимам забыть о том, что оппозиция существует, может оказать сопротивление, а при честных выборах – прийти к власти. Таким образом, наличие исламистов сдерживает авторитаризм.

Контролирующая функция исламизма. Исламизм способен влиять тем или иным образом на власть и элиту, заставляя ее делать определенные вещи. Исламисты стоят во главе организации борьбы за выполнение конкретных требований и т. п. Следовательно, с этой точки зрения исламизм – определенный контроль общества над властью и институтами общества. Он помогает также донести свой протест в мире несправедливости до тех, кто его может услышать. Поскольку исламизм, как уже было сказано, выполняет функцию эффективной оппозиции правительству, он, по-видимому, еще дает возможность фрондировать перед властью, а также соединять воедино разрозненные группы оппозиционирующих и фрондирующих представителей свободных профессий и интеллектуалов (нечто вроде масонских лож). Например, к концу 1990-х гг. египетские «Братья» составляли большинство в руководящем со-

ставе профсоюзов адвокатов, врачей, инженеров, университетских преподавателей и т. д. (Ахмедов 2009: 150).

Борьба за нравственность. Напомним, что исламисты весьма активно выступают в роли добровольной полиции нравов даже в некоторых из тех стран, где у власти не находятся. К их заслугам можно отнести, в частности, искоренение проституции во многих исламских странах, что способствовало уменьшению распространения в них СПИДа (см., например: Коротаев, Шишкина, Исаев 2014; Shishkina *et al.* 2014); борьбу против торговли спиртным. Как мы уже говорили, исламисты поддерживают и семейные ценности, порой осуществляют контроль за порядком в определенных районах и на определенном уровне.

Как всякая провиденциалистская идеология, исламизм выполняет **компенсаторную функцию**, придавая жизни многих людей смысл и наполняя ее идеалами. Исламизм как объединяет общества внутри него, так и настраивает их против внешнего мира, формируя образ врага, с которым надо бороться: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

В области социальной жизни функции исламизма также многообразны. Выше мы уже говорили о некоторых из них: взаимопомощь, своего рода социальное страхование, самоорганизация, аккумуляция пожертвований на нужные дела и т. п.

Из прочих стоит упомянуть **функцию социальной мобильности**. Исламизм выступает как мощный институт, который предоставляет возможность социального лифта для многих людей. Соответственно, это дает значительные перспективы проявить себя тем, для кого обычные пути достижения карьерного роста, успеха в бизнесе и прочего связаны с рядом трудностей. Исламизм – массовое и низовое движение для рядовых людей, дающее им множество возможностей развить свои способности, заслужить авторитет, сделать карьеру и т. д. (в то время как сложившаяся социально-экономическая и политическая система не дает им шанса достичь каких-то значимых успехов).

Исламизм как расширение участия людей в религиозных толкованиях и проповедовании. Кроме того, произошедшая своеобразная исламская реформация расширила возможности для религиозных людей толковать священные тексты, писать и выступать на эту тему и тем самым делать свою духовную карьеру. Таким образом, толкование священных текстов, проповедование в

разных видах благодаря исламу выходит далеко за рамки традиционного исламского религиозного обычая. Фактически «кадровое» духовенство теряет известную долю своей популярности, будучи вынужденным уступить ее неофициальным исламистским духовным лидерам³. Уже десятилетия назад в связи с подъемом Исламского возрождения появлялись печатные толкования Корана, которые совершенно не соответствовали «ортодоксальному» пониманию (см.: Степанов 1981: 183). А богословы сетовали на то, что люди не обращаются к ним за фетвами, но «с фетвами выступает каждый, у кого появляется для этого случай» (см.: Там же). Наблюдается ситуация, когда традиционное духовенство остается в рамках чисто религиозной деятельности, а исламизм демонстрирует (вместе с салафитством и другими ортодоксальными направлениями) жажду миссионерства и воплощения догматов ислама на практике. Таким образом, уменьшение значения традиционного ислама и исламского духовенства компенсируется тем, что ислам все более начинают толковать все неравнодушные к нему люди, то есть идет понимание данной религии через личное восприятие, как это бывает при реформации. Не исключено, что такое расхождение между служителями ислама и исламистами в суннитских обществах (в Иране дело обстоит по-другому) связано с тем, что большинство среди суннитского духовенства является неотъемлемой частью государственного аппарата⁴, тогда как исламисты находятся к государству в оппозиции. Оппозиционным власти в определенные периоды становится народный ислам, а не мусульманский «истеблишмент» (Васильев 2017: 42)⁵. Действительно, официальная

³ Поэтому в ряде случаев молодежь предпочитает получить светское образование, а поступающих в духовные учебные заведения не хватает, в результате образуется дефицит священнослужителей, например, в Египте. Во всяком случае, так было в 1970-е гг., когда, по свидетельству газеты «Аль-Ахрам», каждый год сокращался прием в религиозные институты. В этой же газете сетовали, что молодежь «только тогда стучится в двери факультета основ религии, когда перед ней закрываются двери всех прочих факультетов». В данной статье также отмечается, что само мусульманское духовенство «больше, чем кто-либо другой, стремится не посылать своих сыновей на учебу в религиозные институты» (Степанов 1981: 185, 186).

⁴ Соответственно, и сделать себе карьеру там непросто.

⁵ Здесь немаловажно отметить, что и первая иранская революция (1905–1911 гг.) также имела очень сильную религиозную окраску, и в ней ведущую роль, особенно на начальном этапе, играло духовенство (Дорошенко 1998: 8–9). Народ, будучи невежественным, фанатично верующим и связанным религиозными тра-

религия как доминирующая мировоззренческая норма ориентирована на сохранение существующего порядка вещей и уже только поэтому не может быть идеологией политической оппозиции. Поэтому идейной основой подавляющего большинства радикальных мусульманских движений и групп выступает преимущественно исламизм в консервативной версии реформаторско-салафитского фундаментализма (Левин 2014).

5.3. Социальная база исламизма

Здесь прежде всего стоит отметить, что исследований социальной базы, социальных корней и условий, способствующих укреплению исламизма, недостаточно. Малкольм Япп в своем обширном обзоре несколько раз указывал на отсутствие должного внимания к социальному происхождению исламистов в целом и джихадистов в частности (Yapp 2004: 180). Как уже было сказано, исламизм распространился почти во всех слоях общества, включая интеллигенцию (в том числе врачей, адвокатов, инженеров, ученых, учителей и государственных служащих), бизнесменов и политиков. Однако наиболее массовую опору составляют в основном сочувствующая им молодежь из маргинальных слоев городского населения, лица, занятые в неформальном секторе экономики (весьма крупном в исламских странах) и сфере услуг, в том числе мигранты из сельской местности в города (Левин 2014: 20). Поскольку эти люди с трудом могут интегрироваться в городскую среду, они нередко становятся маргиналами, поэтому легче поддаются пропаганде со стороны

дициями, послушно следовал не столько за «либералами», сколько за своими духовными вождями. И когда шиитское духовенство отвернулось от революции, повиновавшаяся толпа пошла за ним. Е. А. Дорошенко также приводит мнение других иранологов (см., например: Агаев 1981: 50), согласно которому участие верхушки духовенства в руководстве революционным движением было связано с соперничеством со светской властью в области образования, права, влияния на народ, с тем, что она была заинтересована в ослаблении светской власти и сохранении своего влияния на государственную политику (Там же: 13–15). А отход улемов и мулл от революции произошел тогда, когда для них стал проясняться ее «антиисламский потенциал» (см., например: Keddie 1980: 6; Дорошенко 1998: 17). По мнению других исследователей (см., например: Algar 1969: 252), революция 1905–1911 гг. была «прямым столкновением» двух идеологий, ислама и западного модернизма (Дорошенко 1998: 18). То же самое можно сказать и о революции 1978–1979 гг. С учетом этого иранские революции, особенно в совокупности, действительно представляют собой уникальные явления и в известном смысле не имеют аналогов в истории (Там же: 8).

агитаторов-исламистов (о положении мигрантов в условиях урбанизации и их влиянии на нестабильность см.: Keref 2000; Гринин, Коротаев 2009б; 2018; Гринин, Коротаев, Малков 2010; Коротаев 2012; Коротаев, Малков 2014; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Коротаев, Гринин и др. 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Korotayev, Zinkina, Kobzeva *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014; Grinin *et al.* 2018).

С. Хантингтон (2003: 168) также считает мигрантов из сельской местности в города одним из трех основных источников пополнения рядов исламистов (два других – студенчество и средний слой сельчан). Он напоминает, что во всем исламском мире в 1970-е и 1980-е гг. городское население росло невиданными темпами. Скученные в обветшалых и зачастую примитивных районах трущоб, городские мигранты получали социальную помощь, предоставляемую исламистскими организациями. Помимо этого, как заметил Эрнест Геллнер, ислам предлагал «достойную идентичность» этим «недавно покинувшим насиженные места массам». В Стамбуле и Анкаре, Каире и Асьюте, Алжире и Фесе, Кано и Зарии, а также в секторе Газа исламистские партии успешно организовывали и привлекали на свою сторону «угнетенных и выселенных».

Нельзя не упомянуть мигрантов из более бедных стран в богатые государства Залива. Число мигрантов быстро росло. Если в 1975 г. в странах Персидского залива трудилось около 1,2 млн рабочих-иммигрантов, то к 1985 г. их было около 5,15 млн (Addleton 1991), причем свыше 72 % из них являлись выходцами из арабского региона (Стоклицкий и др. 1985: 29).

Важную социальную опору исламизма также составляют представители нижнего среднего класса (сельских жителей и горожан, в том числе мелких предпринимателей)⁶. В то же время эти движения не пользуются особой поддержкой аграрной элиты (Huntington 1996). Огромную роль как среди поддерживающих исламизм, так и среди его функционеров играют молодые люди. Удивляться не приходится, поскольку уже в 1975 г. в мусульманских странах 60 % жителей составляли дети и молодежь до 24 лет (Кепель 2004:

⁶ С. Хантингтон (2003: 167) говорит о так называемых «традиционных» группах среднего класса, то есть купцах, торговцах и мелких предпринимателях, *bazaaris*. Они сыграли решающую роль в иранской революции и обеспечили существенную поддержку фундаменталистским движениям в Алжире, Турции и Индонезии. Однако гораздо большая их часть принадлежит к более современным секторам среднего класса.

67; см. также: UN Population Division 2018). Показательно, например, что из 290 арестованных членов египетской экстремистской организации «Аль-Джихад»⁷ 70 % составляли молодые люди от 21 до 30 лет, выходцы из низшей страты среднего класса (43,9 % из них были студентами, 14 % – рабочими, 12,1 % – представителями свободных профессий и 10,7 % – безработными) (Ismail 2006: 119). Среди идеологов исламистов много представителей интеллигенции, получивших современное высшее образование; подчас это люди с учеными степенями. Есть среди них, разумеется, и идеалисты, считающие возможным построение на земле «государства ислама». Что касается руководителей и активных деятелей, то среди них немало тех, кто имеет поверхностное представление об исламе, зато обладает хорошими организаторскими и практическими навыками, а также способен достигать поставленных целей. Это большей частью прагматики из среды образованной городской молодежи 20–30 лет, в основном представители средних слоев, недовольных коррупцией и nepотизмом, вопиющим социальным неравенством (Левин 2014: 19–20; Yapp 2004: 181).

Таким образом, в целом молодежь как из образованных (студенчества и интеллигенции), так и из необразованных слоев является серьезной, порой важнейшей опорой исламистов. Роберт Уолтеринг (Woltering 2002: 1136) пишет: «...изучая многочисленные исследования исламизма, наталкиваешься на факт, что большинство сторонников исламистской идеологии – молодые люди, многие из которых имеют хорошее образование» (в подтверждение он приводит ссылки на: Fargues 1993: 1–20; Sidahmed 1997; Levtzion, Rouwels 2000). Он также добавляет, что доминирование молодежи в этих группах исламистов является не просто важным моментом, но и их отличительной чертой. Добавим, и участники, и руководители – молодые люди (Yapp 2004: 180), что делает группы, возможно, более сплоченными и позволяет их членам легче понимать друг друга. И в этом отношении (возрастном) радикальные исламистские группы не особенно отличаются от радикалов в других странах (*Ibid.*).

То, что молодежь является важнейшей социальной опорой исламистов, было замечено довольно давно. Еще С. Хантингтон (Huntington 1996: 112–113) писал:

⁷ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

Как и в наиболее революционных движениях, ядро составляют студенты и интеллигенция. В большинстве стран установление фундаменталистами контроля над студенческими союзами и подобными организациями является первой фазой процесса политической исламизации. Потом последовал исламистский «прорыв» в университеты в 1970-е в Египте, Пакистане и Афганистане, который затем распространился на другие мусульманские страны. Ислам был особенно привлекателен для студентов технических институтов, инженерных факультетов и научных отделений. В девяностые в Саудовской Аравии, Алжире и повсюду в других странах «индигенизация второго поколения» проявлялась в виде увеличения доли студентов университетов, которые получали образование на родном языке и поэтому легче поддавались исламистскому влиянию. Исламистам часто удавалось заручиться значительной поддержкой и у женщин. Так, в Турции было налицо четкое разделение между старшим поколением светских женщин и их исламистски ориентированными дочерьми и внучками (Хантингтон 2003: 168).

Таким образом, исламизм имеет мощную социальную базу, выполняет важные функции в обществе, хорошо организован, понятен массам, поддерживается снизу, поэтому в ближайшее время ждать его ослабления не приходится. Важнейшая задача – способствовать его смещению в сторону умеренности, сотрудничества с властью и другими странами, акценту на усиление модернизации. Будем надеяться, что успехи модернизации будут поддерживать процессы уменьшения радикализации исламизма, делать исламистов большими прагматиками.

Однако представляется важным предположить, что с ростом уровня образования и культуры исламизм становится мягче. Так, Д. Ачилов и С. Сен (Achilov, Sen 2017) отмечают, что умеренный исламизм связан с высоким уровнем образования, в отличие от радикального⁸. Рост уровня жизни также может способствовать большей умеренности исламизма, обретению им приемлемых форм (*Ibid.*).

⁸ Вместе с тем необходимо отметить, что связь между уровнем образования и радикализмом достаточно сложна и неоднозначна (см. подробнее: Grinin *et al.* 2018).

Часть III

ИСЛАМИЗМ И ЕГО РОЛЬ В ИСЛАМСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСЛАМИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ. ЭВОЛЮЦИЯ ИСЛАМИЗМА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Глава 6. Вехи развития исламизма и причины его укрепления

Исламизм, несмотря на то что его приверженцы, образно говоря, смотрят назад, в прошлое, в то же время достаточно чутко реагирует на изменения в обществе, исламском мире и на планете. Поэтому исламизм и исламисты, сохраняя преемственность, тем не менее заметно меняются со временем. Рассмотрим основные вехи развития исламизма.

6.1. Исламизм в 1920–1960-е гг.

Подъем исламского самосознания в 1920-е гг. Первые десятилетия деятельности «Братьев-мусульман». В 1920-е гг. в Индии, Египте и ряде других обществ наблюдался подъем исламского самосознания, что выразилось, в частности, в активизации Всеиндийской мусульманской лиги в Британской Индии (включавшей территории современного Пакистана и Бангладеш) и организации в 1928 г. в Египте движения «Братья-мусульмане» во главе с Хасаном ал-Банной (Jalal 1994; Khan 2007; Wolpert 2013; Husaini 1956; Mitchell 1993; Lia 2006; Mura 2012). В первый период под руководством ал-Банной организация являлась прежде всего просветительской и миссионерской, то есть это был своего рода просветительский клуб (Lia 2006; Mura 2012; Царегородцева 2017). Цели «Братьев-мусульман» были грандиозными – они стремились, по сути, переустроить исламский мир (Osman 2016: 3). За сравнительно короткий срок организация достигла огромной численности, по разным данным, от 128 тыс. до 450 тыс. человек в 1940-е гг. (*Ibid.*; Царегородцева 2017: 100). Соответственно, увеличение количества

участников заставило ал-Банну создать организацию со взносами и структурой (он был хорошим организатором, см.: Husaini 1956; Царегородцева 2017). Такая огромная численность привела к тому, что «Братьев-мусульман» уже в 1930–1940-е гг. втягивают в активную политическую жизнь Египта (даже король приветствует их; см.: Osman 2016: 4). Но уже в этот период прослеживаются их активные действия в области самоорганизации культурной жизни (строительстве мечетей, медресе, клубов, других важных учреждений; см.: Mura 2012; Царегородцева 2017). Таким образом, 1920–1940-е годы были важным этапом становления исламизма снизу и как идеологии, и как организационной деятельности, и как структуры, включая создание боевых групп и органов, а также распространение «Братьев-мусульман» к концу 1940-х гг. за пределы Египта в Иордании, Сирии и Ираке (Osman 2016: 4). Но значение исламизма в целом было еще небольшим. Поэтому в описываемый и последующие периоды (вплоть до сегодняшних дней, когда с вершины власти «Братья-мусульмане» ушли в глубокое подполье в Египте) будет верным сказать, что «во время правления “Братьев-мусульман” в политической и социальной обстановке в Египте произошли многочисленные изменения, что отразилось на работе и принципах организации движения» (Linjakumpu 2008: 60).

Образование независимых исламских и арабских государств в 1940–1960-е гг. Укрепление светских режимов. Однако в этот период в связи с революциями, возникновением новых режимов, появлением светских националистических лидеров, подобных Г. Насеру, выбором политического пути, многочисленными переворотами, установлениями личной диктатуры, вхождениями в военные блоки и многим другим исламизм не играл слишком большой роли, и, как уже было сказано выше, в арабском мире он был отодвинут на задний план идеологией арабского национализма (Khalidi 1991; Tibi 1997; Goldschmidt 2004: 116; Dawisha 2016). Некоторые идеологи нового государственного строительства, например Мишель Афляк (создатель арабской партии Баас), призывали относиться к религиозному фактору очень осторожно. Они стремились создать некий симбиоз светского и религиозного на новой основе. Сам Афляк, с одной стороны, отвергал секуляризацию сирийского общества и считал, что такая политика обречена на провал, однако с другой – будучи христианином, учитывая многоконфес-

сиональность сирийского общества, не акцентировал внимания на какой-либо из религий и относил сирийское общество не к мусульманской, а к арабской умме (Devlin 1991).

Однако светские лидеры чувствовали для себя большую угрозу, поэтому фактически в ряде стран исламистские организации были запрещены, а многие их руководители (в частности, Сейид Кутб) посажены в тюрьмы [см., например: Goldschmidt 2004: 116; Calvert 2010]]. Это стало довольно резким переломом, укрепившим среди исламистов идеологию борьбы со светскими режимами. Разумеется, кроме «Братьев-мусульман» в Египте существовали и другие исламистские организации, в том числе более радикальные (см., например: Goldschmidt 2004: 181), которые были впоследствии ответственны за покушения на Г. Насера и А. Садата. После запрета в Египте «Братья-мусульмане» стали распространять деятельность своей организации на целый ряд других исламских стран, в которых имелись и собственные исламистские организации. Везде в это (и более раннее) время появлялось много салафитских групп и организаций. И они в качестве низовых и оппозиционных укреплялись идеологически и политически. В это время на политической арене соперничали другие идеологии (светский арабский национализм, социализм, либерализм и западничество и т. д.). При этом даже казалось, что время расцвета ислама уходит и он скоро пойдет на убыль. Однако впереди ждало Исламское возрождение.

Борьба с Израилем. Как отмечают исследователи, особую роль в развитии исламизма сыграло противостояние арабских государств (и палестинцев) с Израилем. Уже образование государства Израиль в 1948 г. стало мощным толчком к политизации ислама и радикализации исламизма (см., например: *Ibid.*: 96). Еще более сильным стимулом к исламизации социально-политической активности в мусульманском мире послужил разгром арабских армий в Шестидневной войне с Израилем в 1967 г. и войне Судного дня / Октябрьской войне 1973 г. (Левин 2014: 66, 72). Борьба с Израилем была и остается важнейшей осью функционирования исламизма. Кроме того, поражение в Шестидневной войне 1967 г. армий, возглавляемых арабскими националистическими лидерами Египта и Сирии, привело к резкому упадку влияния арабского национализма, что во многом и создало благоприятную среду для усиления в арабском мире исламизма (см., например: Хайруллин, Коротаев 2017б).

6.2. Победы исламизма в 1970-е гг.

Образование ОПЕК и подъем цен на нефть в 1973–1979 гг. Начало подъема цен, как известно, связано с Октябрьской войной 1973 г. То, что впервые развивающиеся страны смогли экономически переиграть развитые государства (см.: Коротаев, Гринин 2016; 2017; Grinin, Korotayev 2015), стало заметным переломом в исламском мировоззрении. Кроме того, появились столь мощные финансовые средства как для независимого от Запада развития, так и для финансирования исламистских организаций. Взрывной рост цен на нефть изменил как взаимоотношения между арабскими странами, повысив роль нефтеэкспортирующих стран, так и отношение к Западу со стороны некоторых нефтеэкспортеров. С другой стороны, активизация политики США на Ближнем Востоке, а также разочарование в социалистическом пути развития привели к тому, что некоторые государства, в том числе Египет, попали в зависимость от США именно в эти годы. Все эти процессы привели к значительному усилению исламизма как в этой стране, так и в других арабских и исламских обществах.

Победа исламской революции в Иране 1979 г. и рождение идеи ее экспорта. Имам Хомейни, лидер исламской революции в Иране, настаивал на содержании в исламе политической составляющей, утверждая: «Ислам – это политика и только политика. Все остальное – вторично» (цит. по: Пластун 2003: 27). Это расходится с общепринятым представлением мусульман о том, что ислам – «срединная религия», не приемлющая крайностей. «По его (Хомейни) концепции, – пишет Владимир Пластун, – политизированный ислам включает и религию, и экономику, и традиционный уклад, и юрисдикцию, и международные отношения. Ислам замкнулся на политике, политика вобрала в себя ислам» (Там же). Чрезвычайно мощным толчком для укрепления уверенности в силе исламизма стало противостояние иранских исламистов с США. Впрочем, значение исламской революции в Иране в глобальном подъеме исламизма ни в коем случае не следует переоценивать. Как уже говорилось выше, шиитский характер этой революции сделал ее идеи неприемлемыми для подавляющего большинства мусульман мира – суннитов. Однако в шиитской части исламского мира иранская революция, безусловно, привела к весьма значительному усилению исламизма, хотя, напомним, шииты составля-

ют лишь 10 % от всех мусульман (Pew Research Center 2011). Поэтому влияние иранской исламской революции на глобальный подъем исламизма все же не могло не быть ограниченным.

Вместе с тем иранская революция способствовала активизации США в борьбе с исламизмом, в частности, для еще большей поддержки ими диктаторов вроде Саддама Хусейна и подталкивания последнего к войне с Ираном.

Афганистан. В 1979 г. СССР вторгся в Афганистан. Это вызвало подъем исламского «патриотизма» и, соответственно, рост влияния исламизма (см., например: Kerel 2000; Кепель 2004). Афганским моджахедам была оказана огромная помощь со стороны США (в вооружении, обучении, финансировании и т. п.), а также Пакистана и других исламских стран.

Эти события, несомненно, стали питательной средой для расширения базы террористов. Ранее эту базу составляли в основном палестинцы и она имела характер главным образом светского движения. Многие тысячи мусульман, прежде всего из арабских стран, отправились на войну защищать афганских братьев по вере от посягательств атеистического Советского государства. Те, кто прошел школу военных действий в Афганистане, образовали впоследствии ядро мусульманских экстремистских группировок (Левин 2014: 66). Вывод советских войск из Афганистана иногда рассматривается как триггерное событие для роста исламского терроризма (Laqueur 1978; 1987; 1998; 1999; 2001; 2004). Победа над СССР (а именно так и был воспринят радикалами вывод советских войск) весьма способствовала повышению самооценки у радикальных исламистов. Кроме того, образовалось исламистское государство талибов (см. Рис. 6.1, показывающий всплески террористической активности).

Помощь моджахедам со стороны США в конечном счете обернулась проблемами для самих Соединенных Штатов. Ведь и «Ал-Каида» как таковая выросла из Афганской войны и американской помощи.

«Советский Союз, – заявлял Усама бен Ладен, – вошел в Афганистан в конце 1979 г., а через несколько лет с помощью Аллаха его флаг был спущен и выброшен в мусорную яму, и не осталось ничего, что можно было бы назвать Советским Союзом. Это освободило исламские умы от мифа о сверхдержавках. Я уверен, что му-

сульмане смогут положить конец легенде о так называемой сверхдержаве Америке» (цит. по: Мирский 2015: 9).

До начала активной борьбы с «великим сатаной» США было уже недалеко.

Конец 1970-х гг. вообще стал очень крутым поворотом в развитии и подъеме исламизма. Эти и другие причины (см. ниже) способствовали тому, что получило название Исламского возрождения.

6.3. Подъем радикального ислама и терроризма в 1980–2000-е гг.

1980–1990-е гг. и Исламское возрождение. Этот период ознаменовался подъемом исламистского движения в разных странах. Исламское возрождение представляло собой базирующееся на религиозной основе широкое интеллектуальное, культурное, социальное и политическое движение, которое распространилось на весь исламский мир. Причем Исламское возрождение затронуло мусульман в каждой стране, а также многие аспекты общественной и политической жизни в большинстве мусульманских стран (Huntington 1996). Исламское возрождение стало для очень многих совершенно неожиданным поворотом¹. То, что, казалось бы, уже прочно вошло в жизнь многих исламских обществ, начиная с европейской одежды и образа жизни, вдруг стало «сворачиваться». В некоторых отношениях казалось, что жизнь поворачивает вспять. Наблюдались повышенное внимание к соблюдению религиозных обрядов (посещение мечети, молитва, пост), активное распространение религиозных программ и публикаций, воскрешение мистицизма (суфизма), увеличение числа исламских школ и исламизация учебных программ в государственных школах. По словам С. Хан-

¹ Конечно, предупреждения о возможности такого подъема звучали из уст некоторых исследователей, однако их не особенно желали слушать. Например, Арнольд Тойнби в 1948 г. писал в очерке «Ислам, Запад и будущее»: «Панисламизм пассивно дремлет, но мы должны считаться с возможностью того, что Спящий проснется, стоит только космополитическому пролетариату вестернизированного мира восстать против засилья Запада и призвать на помощь антизападных лидеров. Этот призыв может иметь непредсказуемые психологические последствия – разбудить воинствующий дух ислама, даже если он дремал дольше, чем Семеро Спящих, ибо он может пробудить отзвуки легендарной героической эпохи» (Тойнби 1995: 128).

тингтона, в большинстве стран центральным элементом исламизации были развитие исламских общественных организаций и захват ранее существовавших организаций исламскими группами (Хантингтон 2003: 165). Правительства разных исламских стран задумались о том, как использовать это широкое движение в собственных целях.

Но, разумеется, такое попятное движение затронуло только часть аспектов жизни. В то же время в некоторых отношениях развитие ускорилося. Это, в частности, касалось роста уровня образования, в том числе и у женщин. Никогда еще на Ближнем Востоке не было такого количества студентов и студенток. Рост экономики и уровня культуры привел к тому, что уже в 1990-е гг. начался определенный сдвиг в сторону активного участия в политической жизни и, соответственно, признания политического плюрализма и важности демократии (Osman 2016). Произошло определенное укрепление умеренного исламизма. Но такое признание у исламистов, конечно, было зачастую неполным и непрочным, способным обратиться вспять. А у многих отторжение официальной жизни было весьма устойчивым. Потому в эти годы и произошел мощный рост радикального исламизма.

1990-е гг. и рост радикализма. Девяностые годы прошлого века для роста исламизма были важными по ряду обстоятельств. В данный период сложились подходящие для этого финансовые, демографические и политические условия. Во-первых, распался СССР и произошла экспансия исламизма, который начал быстро заполнять идеологическую нишу на исламских территориях бывшего СССР и России, освободившуюся после краха коммунизма. Во-вторых, поднялись исламские движения на Балканах (в Боснии, Албании, Косово). В-третьих, быстро росли исламские общины в Европе. В-четвертых, подъем чеченского сепаратизма и временная победа чеченцев в войне с Россией будто подтверждали возможность победы над сверхдержавой, которой – хотя РФ и быстро теряла этот статус – все еще считали нашу страну. При этом борьбу против РФ активно спонсировали и поддерживали не только мусульманские страны (как, например, Саудовская Аравия), но и западные государства. В-пятых, также стоит упомянуть образование Палестинской автономии, соглашение о создании которой было достигнуто в 1993–1995 гг. Сама Палестинская автономия была об-

разована в несколько этапов. К силам, имеющим наибольшее влияние в Палестине, относятся как светские национальные объединения (по большей части входящие в ООП), так и военизированные исламистские группы ХАМАС, отношения между которыми весьма напряженные. В итоге, с одной стороны, политические силы автономии стараются достичь большей респектабельности, а с другой – не в состоянии сдержать стихийный терроризм и радикальные исламистские образования на своей территории.

Наконец, надо отметить, что уже с конца 1970-х гг. (но особенно в 1990-е гг.) США часто использовали исламизм в качестве геополитического оружия для достижения своих целей. Помощь афганским моджахедам – только часть этого. Очень активно американцы поддерживали мусульман и, соответственно, исламистов как их идеологов в Южной Европе, на Балканах, в бывшей Югославии. Особенно печальные итоги этого – ситуация в Косово, которое, по мнению обозревателей, стало отвратительной наркомафиозной аферой под видом государства (Escobar 2017). В крупнейшего экспортера наркотиков превратился и оккупируемый США Афганистан. Так же, по сути, они и их западноевропейские союзники содействовали чеченским террористам и придавали им респектабельность. В течение некоторого времени Соединенные Штаты поддерживали исламизм и на территории государств Средней Азии.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. – новая веха роста исламизма, по сути, открытое объявление войны США. Джихад Америке, впрочем, был объявлен еще раньше – в 1996 г. Возможно, именно временная победа Чечни и вдохновила Усаму бен Ладена на это. Вернувшись в Афганистан после долгого отсутствия, в августе 1996 г. в Джелалабаде он объявил джихад Америке. Отправленный во многие арабские газеты по факсу текст назывался «Декларация джихада против американцев, оккупирующих страну двух святых мечетей» (то есть Саудовскую Аравию). В качестве причины «объявления войны» США «Ал-Каида» обозначила американскую внешнюю политику, в результате которой страдают и гибнут мусульмане на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты повсюду воюют против мусульман и поддерживают тех, кто ведет против них войну (подробно об этом см.: Scheuer 2004; 2008; 2011). Некоторые американские аналитики сформулировали позицию

«Ал-Каиды» так: «Они ненавидят нас не за то, что мы американцы, а за то, что мы делаем», то есть «не за наши корни, а за наши поступки» (Pape 2005; Pape, Feldman 2010). Но, конечно, в значительной мере это удобная идеологическая фигура, создание образа врага, с помощью которого можно объединить мусульман.

Усама бен Ладен перечислил страны и территории, где мусульмане подвергаются унижению и порабощению (Палестина, Ирак, Ливан, Чечня, Босния, Таджикистан, Эфиопия, Сомали, Кашмир, Ассам, Таиланд, Бирма и Филиппины), и призвал «смыть несправедливость, совершенную по отношению к мусульманской нации коалицией иудеев и крестоносцев» (Мирский 2015: 8).

Поход США против терроризма. Американское вторжение в Афганистан (2001 г.) и Ирак (2003 г.) и рост радикального исламизма. План бен Ладена начать открытую борьбу с США и тем самым спровоцировать их на вторжение в исламские страны, по сути, сработал. Естественно, что пропаганда радикального исламизма усилилась многократно, а мусульмане еще больше сплотились против Запада, хотя и далеко не в такой степени, как рассчитывал бен Ладен. Но, так или иначе, акция 11 сентября потрясла не только американское общество, но и весь мир и в итоге привела к американскому вторжению в Афганистан. При этом на первых порах победа над талибами оказалась легкой. Но затем война стала бесконечной и бесперспективной.

В 2003 г. США вторглись в Ирак и быстро свергли режим Садда Хусейна. Вся эта операция, базировавшаяся как на надуманном поводе, так и на неверном анализе последствий, привела к началу дестабилизации Ближнего Востока, результаты чего ощущаются и сегодня. Ниже мы скажем о том, что одним из факторов, способствующих росту радикального исламизма, является разрушение прочных, в странах MENA – в основном авторитарных, режимов. Это особенно опасно в таких многоконфессиональных и немногэтничных обществах, как Ирак (и тем более таких как Сирия). Результатом коллапса иракского государства стали вакуум власти, изменение соотношения во власти шиитов и суннитов, подъем курдского национального движения и, что особенно важно для нашей темы, возникновение на базе филиала «Ал-Каиды» движения, которое позже стало называться ИГИЛ или ИГ. Как пишет Э. Йылдызоглу (2014), ИГИЛ сформировалось как результат двух

векторов, порожденных фиаско имперской политики США. Первый из них – шиито-суннитский конфликт, вспыхнувший в тот момент, когда США оказались не в силах подавить сопротивление в Ираке (американцы не смогли совладать с религиозно-этнической враждой, вышедшей из-под контроля в результате свержения Саддама Хусейна и провокации со стороны самих Соединенных Штатов). Второй – вакуум власти и отдельные неуправляемые территории, которые стали возникать в Северной Африке, на Ближнем Востоке (в Ливии, Сирии, Сомали, Мали) в результате арабских восстаний. К сожалению, в настоящей монографии нет возможности подробно останавливаться на истории, идеологии и практике ИГИЛ (см. об этом: Гринин и др. 2016: Гл. 5).

6.4. Арабская весна

Арабская весна, свержение устойчивых режимов, подъем исламизма радикального толка в 2010–2017 гг. В Главе 7 мы еще будем говорить о противостоянии светских режимов и исламизма (см. об этом также: Гринин и др. 2016). Очевидно, что сдерживающим исламизм фактором может выступать прежде всего сильная светская власть. А сильная власть на Ближнем Востоке – это пока авторитарная власть. Между тем сильные светские правители были не по нраву США и их союзнику – Саудовской Аравии. В итоге свержение авторитетных светских лидеров в Ливии, Египте, Йемене, а также попытка свержения власти в Сирии только усилили разгул исламизма, причем в его самых грубых и жестоких формах, наиболее экстремистского и радикального исламизма, синонимом которого становится терроризм. В результате возникли анклавные воинствующего и террористического исламизма. Это прежде всего «Исламское государство в Восточной Сирии и Западном Ираке», а также и другие, объявляющие себя его отделениями или сторонниками, например, «Аш-Шабаб» в Сомали и «Боко Харам»² в северной Нигерии. Серии чудовищных террористических актов в Европе, Африке, Азии всем хорошо известны (см. всплеск этой активности на Рис. 6.1). Известно также, что возникший хаос на Ближнем Востоке и разгул терроризма стали толчком для массового переселения мигрантов в Европу, которое, в свою очередь, рас-

² Данные организации признаны террористическими Верховным судом РФ, их деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

ширило территориальную базу экстремистского и террористического крыла исламизма.

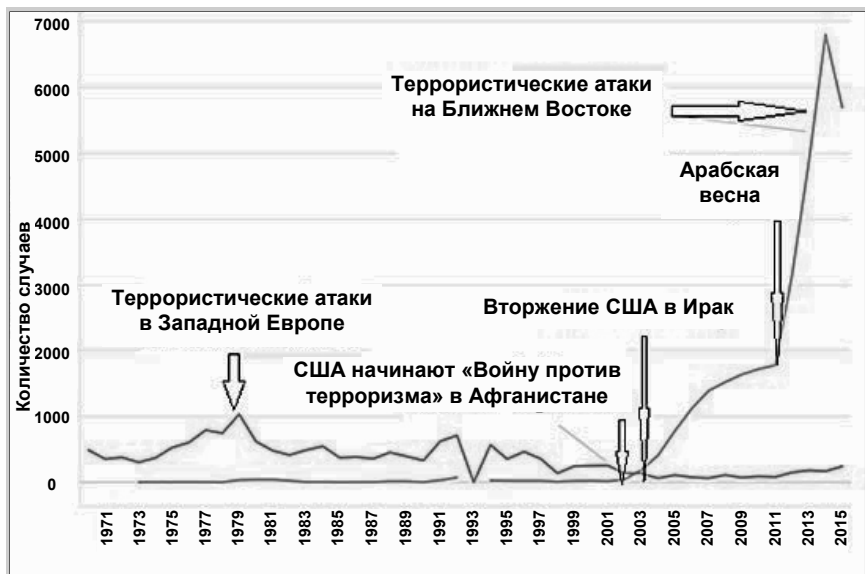

Рис. 6.1. Динамика количества террористических атак на Ближнем Востоке и в странах Западной Европы, 1970–2015 (Global... n.d.)

Таким образом, можно сделать важный вывод. Хотя радикальное и террористическое крыло в исламизме имеет крепкие идеологические корни в самом исламе с его учением о джихаде, а также довольно прочную социальную и политическую базу (см. выше), несомненно, что США, которые объявили себя главным борцом с терроризмом, внесли существенный вклад в его распространение. Свержение сильных светских режимов, попытки использовать исламистских экстремистов в своих политических и геополитических целях, а равно приращение им респектабельности, как и многое другое, способствовали усилению терроризма, усовершенствованию его организационной и финансовой базы, профессионализма и т. д. То есть США несут большую долю ответственности за распространение и укрепление радикального исламизма.

События Арабской весны описаны нами в других работах. Но в рамках темы этой главы важно отметить, что в развитии исламизма

(если даже не брать его радикальный случай – ИГ) можно за этот короткий отрезок проследить несколько этапов. Во-первых, это втягивание исламистов в революционные события, которые были инициированы в основном светскими силами (молодежными, студенческими организациями и т. п.). Во-вторых, приход исламистов к власти демократическим путем. Отметим, что этот успех был не случаен. Не только потому, что социальная база исламистов широкая и мощная (см. выше), но и потому, что они заметно эволюционировали в предшествующие десятилетия, постепенно переходя на респектабельный путь политической борьбы. Движение исламистов в 1990–2000-е гг. привело к принятию современной политической системы и становлению их скорее в национальной, чем религиозной политической сфере (*milieus*) (Osman 2016: 243).

В 2013 г., однако, исламисты потеряли власть (в Тунисе – в результате выборов, в Египте – вследствие военного переворота). Это вызвало изменение настроений в их среде. Т. Осман пишет (*Ibid.*: 243–244), что отстранение исламистов от власти в 2013 г. привело к тому, что они вернулись от респектабельного пути политической борьбы к подпольному и террористическому. В данный момент в некоторых странах (в особенности в Египте) идет противостояние исламистов и светских сил, часто перерастающее в вооруженный конфликт. Один только факт, что 21 октября 2017 г. в бою с террористами в районе Эль-Вахат погибли 58 сотрудников МВД Египта, в числе которых 23 офицера и 35 рядовых, говорит сам за себя. Однако ситуация в Тунисе выглядит более спокойной, поскольку умеренные исламисты пока остаются на пути легальной политической борьбы.

В целом можно сделать вывод: исламизм текуч, меняет свои очертания и при осложнениях имеет тенденцию к радикализации; соответственно, крайне важно сделать исламизм более умеренным и респектабельным. Это очень сложная задача. Необходимо создать условия, при которых исламизм примет более умеренный характер.

6.5. Причины подъема и укрепления исламизма

Загадка Исламского возрождения. Исламское возрождение и подъем исламизма в мусульманских странах в 1970–1990-е гг. на фоне того, что государственная власть в то время находилась в ру-

ках сильных светских политиков, делавших многое, чтобы препятствовать влиянию исламистов, на фоне активизации социалистических стран, равно как и стремящихся продвинуть идеалы демократии и либерализма западных стран, были и остаются своего рода загадкой. На многие вопросы, связанные с этим феноменом, несмотря на самые разнообразные мнения, убедительных ответов в литературе до сих пор нет.

Тем не менее исследователями названо немало причин, объясняющих подъем исламизма. Попробуем их суммировать в следующих аспектах: *особенности ислама как религии; возникновение идеологического вакуума в результате упадка арабского национализма, а также левых и либеральных идеологий; социально-демографические причины; особая форма модернизации и результат борьбы разных тенденций; нефтяное богатство.*

Особенности ислама как религии. Наряду с идеями, которые можно трактовать как призывы к миру и сосуществованию с другими религиями, в исламе налицо воинственность, стремление обращать неверных в истинную веру, призыв к джихаду и т. п. Все это можно трактовать в нужном ключе. Это одна из причин многообразия исламизма (об этом мы говорили выше), но также и его возможностей влиять на различную аудиторию.

Ислам практически с самого начала (если не принимать во внимание короткий период, когда Мухаммад не занимался политической деятельностью, а только проповедями, но тогда еще и ислам как такового не было) стал политической религией. Именно ислам смог объединить разрозненные и враждующие арабские племена и направить их энергию на завоевание многих стран.

Нельзя не упомянуть и об особенностях положения этой религии в жизни исламских стран. В исламе не было (либо она не была столь четкой) идеи, аналогичной христианской – «богу богово, а кесарю – кесарево» (Мф. 22:21). При этом в отношении права, образования и ряда других институтов ислам даже выступал ограничителем власти монарха. Такое двоевластие политической и духовной жизни в истории исламских стран наблюдалось нередко. Поэтому главенства политической власти над духовной организацией часто не было и до конца оно не утвердилось. Например, в Иране противостояние светской власти и духовных лидеров в итоге вылилось в две революции (см. выше).

Следует сказать и об особенностях исламской религиозной жизни, в частности, ее демократичности, отсутствии церковной иерархии, народности ислама.

Таким образом, в условиях, когда имелось убеждение, что религиозная составляющая жизни в принципе выше государственной, при наличии сильной политической части в самом исламе его политизация в виде исламизма имела под собой крепкую основу.

Возникновение идеологического вакуума. Здесь, во-первых, отметим слабость государственности и национализма как противовеса исламизму в арабском мире (по крайней мере, с 1970-х гг.; см. также: Гринин, Коротаев 2016а: гл. 3; Кузнецов, Салем 2016: 75–77 и др.). Исламизм, таким образом, имеет силу в арабском мире еще и потому, что он до некоторой степени заменяет национализм. К началу 1970-х гг. влияние идеологии арабского национализма значительно ослабло, что немало способствовало подъему в арабском мире исламизма³. Об этом уже отчасти шла речь выше⁴. Но эти причины могут объяснить преимущественно потенции подъема и лишь частично то, почему он пришелся именно на указанный период.

Во-вторых, в 1980–1990-е гг. секуляристский идеологический вакуум в исламском мире усилился. К этому времени привлекательность западных идеологий существенно уменьшилась, тем более после успешной революции в Иране и его противостояния с США, поддержки Соединенными Штатами Израиля, нефтяных кризисов и т. п. Напомним: падение авторитета светской власти и светских идеологий, включая социализм, консолидация арабских стран в борьбе с Израилем, борьба с СССР в Афганистане и поражение социализма – все это обеспечило возможности для быстрого распространения исламизма.

Социально-демографические причины. Выше мы уже говорили о них: увеличение доли молодежи (в связи с падением младен-

³ А к концу XX в. исламизм окончательно отодвинул на второй план идеи арабского национализма (Хайруллин, Коротаев 2017б: 36).

⁴ К месту будет добавить интересную мысль С. Хантингтона, что одна из главных особенностей исламской цивилизации современности – отсутствие там ведущего, стержневого, по Хантингтону, государства. Он высказывает суждение, на которое нельзя не обратить внимание: отсутствие исламского стержневого государства – основная причина продолжающихся внутренних и внешних конфликтов, присущих исламу. Осознание без сплоченности – вот причина слабости ислама и источник угрозы другим странам (Хантингтон 2003: 273).

ческой и детской смертности; см., например: Коротаев и др. 2010; Коротаев, Гринин и др. 2011; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Малков 2014; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev, Malkov, Grinin 2014), рост городского населения (за 1950–1992 гг. оно увеличилось в развивающихся странах почти в 5 раз [Левин 2014: 17; UN Population Division 2017]) и одновременно распространение протеста в его рядах. Напомним, что именно молодежь составила огромную массу поддерживающих исламизм и его активистов. Также подъему исламизма способствовало повышение уровня образования (см. ниже), а подъему терроризма – и рост влияния СМИ⁵.

Нельзя, разумеется, забывать о глубоких корнях ислама и, соответственно, исламизма в основном населении страны, о чем выше уже шла речь. Далее мы еще вернемся к этому моменту. Высока способность исламистских организаций взять на себя целый ряд социальных функций, заменяя собой государство.

Особая форма модернизации и результат борьбы разных тенденций. О том, что Исламское возрождение и рост влияния исламизма стали особым путем к модернизации, говорили многие исследователи. Так, известный африканский экономист Самир Амин считает исламизм «исламской альтернативой капиталистической модернизации – политическим, а не теологическим феноменом» (Комар 2007: 36; цит. по: Левин 2014: 8). Политизация ислама в форме современного исламизма есть в конечном счете следствие охвативших мир процессов форсированной модернизации и глобализации, считает З. И. Левин (2014). Безусловно, процессы модернизации должны были так или иначе отразиться на ситуации в арабских странах. Но этого общего ответа недостаточно. Почему ответ стал именно таким? Почему светская модернизация стала сдавать свои позиции (хотя в Египте, например, она продолжа-

⁵ С появлением телевидения, распространением радио и повышением рейтинга газет каждый теракт становился известным всему миру, что не могло не провоцировать исламистов и радикалов на активизацию своих действий; с другой стороны, выступая как герои, о которых рассказывают всему мусульманскому свету, они не могли не стать примером для подражания. Неизбежность присутствия этой темы в СМИ позволяет терроризму быть постоянным новостным событием, а также расширять его медийное присутствие, считают исследователи (Norris *et al.* 2003). Анализ трансформации образа терроризма, в частности ИГИЛ, в СМИ см.: Давыдов и др. 2016.

лась)? По-видимому, здесь сказались следующие факторы. Сама по себе модернизация ведет к значительным диспропорциям в обществе и нарастанию в нем социального напряжения. При этом в социуме возникают разные тенденции, связанные с выбором формы модернизации. Эти тенденции имеют свою опору в различных социально-политических силах. Поскольку модернизация обычно связана с заимствованием, то имеются довольно мощные силы в лице политического класса и части образованных людей, стремящихся совершить ее по лекалам западных обществ. С другой стороны, народные массы, испытывающие дискомфорт в результате модернизации и одновременно более консервативные, а также менее доверчивые к политическому курсу правительств, склоняются к более понятным им идеям.

Если вспомнить Русскую революцию, то в ней можно наблюдать те же тенденции: западную, и особенно связанную с идеей частной собственности на землю, и народно-социалистическую, которая шла по пути социализации земли и выведения ее из частной собственности. В итоге, несмотря на то что российские правительства стремились модернизировать общество по западным образцам в течение долгого времени, неожиданно победила вторая тенденция. Она и привела к созданию в России (СССР) невиданного доселе общества. Это также было долгое время загадкой (и сегодня является предметом острых дискуссий). Несомненно, социализм стал альтернативой западной модернизации.

Точно так же и в исламских странах имелись разные тенденции модернизации, но в итоге неожиданно возобладала исламистская. И прежде всего потому, что она имела огромную поддержку населения. Такая «народная» тенденция может победить особенно в тех обществах, в которых неприятие западной идеологии имеет прочные корни (и православие, и ислам были именно такими идеологиями)⁶.

⁶ Разумеется, тенденции могут переплетаться и складываться в довольно причудливые комбинации. Так, развитие гражданского общества идет в ряде исламских стран. В частности, число зарегистрированных волонтерских организаций в арабских государствах выросло в 1995–2007 гг. со 120 тыс. до 250 тыс. (Kandil 2011). Однако такая работа была связана далеко не только со светскими волонтерскими организациями, а во многом определялась деятельностью исламистских групп (Кузнецов, Салем 2016: 78).

К этому следует добавить и причину, о которой говорят реже, – рост образованности в исламских странах (см.: Коротаев, Юрьев 2018). В 1970–1990-е гг. ее уровень дошел до такой отметки, когда стало довольно много образованных людей, но еще больше было малограмотных и значимое число – неграмотных. А это благоприятный уровень именно для религиозной реформации, когда большое количество верующих людей перестает просто слушать проповеди официальных служителей культа и пытается самостоятельно читать и толковать священные тексты. При этом у людей открываются глаза на расхождения между тем, что там написано, и реальностью, что ведет к изменению их сознания и поведения. Промежуточный уровень образования, как это ни странно на первый взгляд, ведет к росту радикализма и терроризма как одного из его выражений (см.: Акаев и др. 2017; Васькин и др. 2018). Увеличение количества студентов, как мы видели выше, также способствовало подъему исламизма. В дореволюционной России в отношении образования была похожая ситуация: наряду со значимым количеством европейски образованных людей многие были полуграмотными, а огромное число – вовсе неграмотными. Но среди молодежи людей с начальным уровнем образования было большинство.

Наконец, очень удачно для развития исламизма наступил нефтяной кризис, увеличилось богатство исламских обществ, которое и стимулировало рост исламизма и радикализма.

Рост богатства нефтедобывающих стран. При вышеуказанной борьбе тенденций исторические случайности играют очень значимую роль. Поэтому наиболее важной причиной, которая позволила исламизму стать столь сильным, по нашему мнению, является скачок нефтяных цен, способствовавший росту скорее исламистских, чем демократических тенденций в мусульманском мире (Хантингтон 2003: 167). Как ни странно, именно об этой причине пишут реже, чем о других. Повышение цен на нефть имело многочисленные последствия. Во-первых, ослабело желание осуществить модернизацию по западной схеме у нефтедобывающих стран, в которых считали, что, имея деньги, можно решить все проблемы. Во-вторых, это словно идеологически подкрепляло исламизм – именно Аллах мог подарить правоверным такую благодать. В-третьих, часть этих денег доставалась и не имеющим нефти странам через различные каналы, что усиливало ориентир не на за-

падные страны, а на не самые развитые арабские. В-четвертых, часть денег пошла на поддержку борьбы против Израиля (и против СССР в Афганистане), что вызывало распространение радикального исламизма и терроризма, в частности, среди палестинцев и афганцев. В-пятых, усилению исламистских настроений в 1970-е гг. способствовало резкое увеличение потока трудовых мигрантов из исламских стран в нефтяные исламистские аравийские монархии. Увиденное там экономическое процветание в сочетании с исламистскими порядками порождало у многих уверенность в том, что установление подобных порядков и у себя дома должно привести их страны к такому же процветанию. В-шестых, резкий рост объема финансовых ресурсов, оказавшихся в руках исламистских монархий (и прежде всего Саудовской Аравии), позволил им значительно увеличить финансирование и усилить целенаправленную деятельность по распространению исламизма в мире.

В семидесятые – восьмидесятые годы двадцатого века Саудовская Аравия была важнейшей силой ислама. Она потратила миллиарды долларов на поддержку мусульманских начинаний по всему миру, от строительства мечетей и издания книг до создания и поддержки политических партий, исламистских организаций и террористических движений, причем была довольно неразборчива в своей помощи (Хантингтон 2003).

По некоторым данным, Саудовская Аравия через каналы своих благотворительных фондов израсходовала за 1980–1990-е гг. примерно 70 млрд долларов на строительство подконтрольных ваххабитам мечетей, медресе, исламских центров, а также на поддержку и обучение радикальных воинствующих исламистов (включая создание тренировочных лагерей, закупки оружия, рекрутирование наемников) примерно в 20 странах мира (см.: Kaplan 2003; см. также: Pipes 2003; Игнатенко 2009: 177–178).

В целом, если уместно такое сравнение, без нефтяных денег исламизм все равно рос бы, но как растение на скудной почве; нефтяные деньги настолько удобрили почву для него, что он расцвел пышным цветом. Возможности тех, кто ратовал за западный путь развития, без нефтяных денег усилились бы, поскольку нужда – лучший аргумент; в условиях же нефтедолларового богатства аргументы адептов западного пути модернизации были слабыми.

Геополитические причины. Имело значение и геополитическое положение Ближневосточного региона, во-первых, как нефтеносного; во-вторых – как арены столкновения социализма и капитализма, СССР и США, при этом близость региона к границам СССР усиливала желание Соединенных Штатов господствовать в нем; в-третьих – в связи с арабо-израильским противостоянием. В итоге, как мы уже говорили, США для достижения своих внешнеполитических задач активно использовали исламизм, пестовали и вооружали его (в частности, в Афганистане), а также разжигали войны между исламскими странами (например, между Ираком и Ираном), что косвенно также способствовало усилению антиамериканизма, антизападничества и радикализма.

Наконец, очень важной причиной роста радикализма было вмешательство в жизнь исламских обществ. Всякого рода вмешательство в деятельность государства, свержение политических режимов, падение государственного порядка (равно как и случай с палестинцами, которых лишили выделенной им территории) – все это способствует резкому росту радикализма, экстремизма и терроризма. Вторжения в Афганистан в итоге привели к тому, что это государство стало гнездом радикализма и террора (не говоря уже о наркоторговле), и в конечном счете там возникла «Ал-Каида». Интервенция в Ирак в итоге вывела терроризм в этой стране на невиданный уровень, а вмешательство в дела Сирии вместе с уходом американцев из Ирака открыло двери для ИГ. Разгул исламистского террора наблюдается и в лишенной устойчивой власти Ливии. Таким образом, очевидно, что путь военной интервенции только разжигает радикализм.

Напомним: при ослаблении государственной власти исламизм, в том числе радикальный, очень быстро организует «бесхозные» территории на свой лад.

Таким образом, подъем исламизма смог произойти в условиях складывания для этого довольно благоприятной обстановки, но, несомненно, победа этой тенденции не была случайностью, а опиралась на мощную поддержку внутри обществ. Страны с мусульманским большинством должны найти способы поддержки наиболее приемлемых тенденций в исламе.

Глава 7. Противостояние со светскими режимами. Исламизм как оппозиционное течение и как государственная идеология

7.1. Исламизм в оппозиции. Борьба между исламизмом и светскими режимами

Исламизм как оппозиционное течение. Как отмечал С. Хантингтон (2003: 169), в исламских странах «исламизм стал функциональной заменой демократической оппозиции авторитаризму в христианских странах». В 1980-е и 1990-е гг. исламистские движения преобладали среди оппозиционных в мусульманских странах и часто монополизировали их. Их сила была отчасти следствием слабости альтернативных источников оппозиции (Там же: 169–170). Нахождение в оппозиции позволяло использовать недовольство населения в целях укрепления собственного авторитета. Однако после прихода к власти исламистов привлекательность их пропаганды нередко начинает ослабевать. Последние события в Египте и Тунисе, когда исламисты пришли к власти относительно легко и мирно, но власть удержать не смогли, доказывают этот тезис. Сказанное не случайно. Доктрины исламистов, требующие соблюдения норм шариата и жизни по священным книгам, могут приходить в жесткое противоречие с современными реалиями, при их претворении на практике наносят большой ущерб экономике, например, туристической отрасли и т. д. Примером здесь являются афганские исламисты. Они возглавляли вооруженную борьбу с внешними силами, поэтому здесь доктрина джихада, борьбы с неверными, стояла во главе угла. Впрочем, на самом деле никто не ожидал каких-либо экономических и социальных успехов от «Талибана».

С. Хантингтон также писал: «...кто или что придет на смену, по выражению Клемента Генри Мура, “бункерным режимам” – репрессивным, коррумпированным, оторванным от нужд и чаяний своего народа. Такие режимы могут держаться довольно долго, их не обязательно ждет крах, но вероятность их изменения или крушения довольно высока. Поэтому в середине 90-х центральным вопросом становится: кто или что придет им на смену. Почти во всех

странах середины 1990-х наиболее вероятный преемник – режим исламистского толка» (Хантингтон 2003: 169).

Исследователь, как водится, угадал только в малой части. Во-первых, крах наступил не скоро, только через 15 лет, к тому же в некоторых случаях (как в Ливии) ему активно способствовал союз стран Залива и Запада. Во-вторых, приход «преемника» – исламистских сил – оказался очень кратковременным и в Египте, и в Тунисе (превратившись в междоусобицу в Ливии). Исламистские режимы тем более не могли прийти к власти в других странах (мы не учитываем в данном случае ИГИЛ). Это дополнительно показывает, что исламизм наиболее адекватен как оппозиционное движение: даже там, где он побеждает (как в Иране), он через некоторое время так или иначе начинает разделять религиозную и светскую власть (см. об этом в последнем параграфе главы).

Таким образом, сделаем вывод: исламизм особенно силен либо как оппозиционное массовое движение, либо как умеренный, проводящий разумную политику, адаптированную к современным условиям, либо как тоталитарное движение революционного типа, требующее полного переустройства общества (как это было в первый период после исламской революции или сегодня на территории, контролируемой ИГИЛ)¹. Хотя последнее представляет (точнее, представляло) собой государство, по уровню организации соответствующее типу архаического (или раннего) государства (см. подробнее: Korotayev, Grinin 2017: 329; о ранних государствах см.: Grinin *et al.* 2004; Grinin 2003; 2004; 2008a; 2008b; 2011a; 2011b; 2017), тем не менее определенный уровень управления в нем был. В частности, там выделялись провинции, действовала полиция, на каком-то уровне были организованы медицина и образование (см., например: Быстрицкий 2016: 38).

Умеренному исламизму в некоторых исламских обществах сложнее проявлять себя во власти, начинаются его колебания, появляются угроза раскола, попытки радикализации и прочего, что может вести к его политическому поражению; это мы и наблюдали

¹ Стоит упомянуть и палестинские исламистские организации, также возникшие как мобилизационные, в особых условиях вынужденной эмиграции и проживания в лагерях. Приход их к власти в Палестинской автономии – результат усилий мирового сообщества, в общем-то, особый случай. Кроме того, движение палестинцев не только исламистское, но и националистическое (соответственно, ФАТХ ближе к светскому националистическому движению, а ХАМАС – к исламистскому).

в Египте и Тунисе в последние несколько лет. Впрочем, в других обществах умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности (об этом см. ниже).

Борьба между исламистами и светскими режимами. Хотя на заре формирования исламизма «были периоды, когда светские и исламистские мыслители совместно разрабатывали формы секуляризма, которые учитывали бы важнейшее значение ислама для разных культур всего Ближнего Востока, а также формы исламизма, которые ограничивали бы присутствие религии в публичной сфере» (Osman 2016: x), сегодня в целом это не так. Размежевание между светским направлением и исламизмом очень сильно. Правда, в ряде стран, где так или иначе действуют демократические процедуры и умеренные исламисты участвуют в политической жизни, поле для сотрудничества между светскими и исламистскими партиями весьма велико. Но в целом можно говорить о постоянной то затухающей, то усиливающейся борьбе между светскими направлениями (в первую очередь это национализм, этатизм, секуляризм) и исламизмом. Вполне понятно, почему, будучи оппозиционным и популярным течением, а также имея тенденцию к радикализации в условиях ухудшения ситуации или обострения международного положения, исламизм не может не вызывать тревогу у автократов, правящих режимов и элиты. По этой причине, а также потому, что исламисты принижают ценность государства и патриотизма, а радикальные исламисты постоянно «раскачивают» ситуацию, между правительствами и исламистами идет борьба, временами обостряясь до предела. И даже такие вполне ортодоксальные правительства, как в КСА, активно стремятся уменьшить влияние «Братьев-мусульман» и других низовых исламистских организаций. Не менее важно, что в случае противостояния официального саудовского исламизма и неофициального исламизма саудовских «Братьев-мусульман» речь идет о противостоянии разных течений внутри исламизма (а противостояние внутри одной идеологии может даже превосходить по накалу межрелигиозное противостояние – вспомним жесточайший конфликт внутри ленинизма между сталинистами и троцкистами в СССР или между маоистами и советскими коммунистами).

Противостояние между светским государством и исламизмом существовало, как мы видели, с самого начала. В арабских странах светские режимы активно, иногда беспощадно боролись со стрем-

лением исламистов прийти к власти (мирным или военным путем), и хотя борьба шла с переменным успехом, в целом победа оставалась за светскими режимами. Самый яркий пример – ожесточенные столкновения в Алжире в 1990-х – начале 2000-х гг.

Наиболее острая фаза пришлось на 1992–2002 гг., это десятилетие получило мрачные названия – «десятилетие террора», «черное десятилетие», «годы огня» (Васецова 2017). Жертвами стали около 200 тыс. человек, как алжирских, так и иностранных граждан (Долгов 2015: 232). В целом порядок в стране был восстановлен и общество вернулось к мирной жизни, однако исламистские террористические организации полностью не уничтожены, продолжают устраивать террористические акты и акции устрашения и остаются большой угрозой, которая может стать катастрофической в случае дестабилизации ситуации (Васецова 2017; Долгов 2015). А с учетом высокого конфликтотенного потенциала в стране (что связано, во-первых, с состоянием здоровья президента страны Абделя Азиза Бутефлики, борьбой за то, кто станет его преемником, столкновением группировок в верхнем эшелоне, которая перерастает в аресты и репрессии, во-вторых, с остротой так называемого «берберского вопроса»: берберы в Алжире составляют примерно 25–30 % населения и протестуют против их «арабизации») и ухудшения экономического положения, в связи с падением цен на нефть возможен новый всплеск активности радикалов (Васецова 2017).

Военный переворот в Египте в 2013 г. также показал, что светские (военно-полицейские) режимы находят в себе силы, чтобы оттеснить исламистов от власти (при этом последние способны себя дискредитировать, находясь в правительстве [см., например: Когутев, Issaev, Shishkina 2016]). Борьбу с радикальными исламскими направлениями ведет и правительство Сирии.

Интересный пример соотношения светской власти и исламистских тенденций можно наблюдать в Ираке. В 2005 г. там была принята новая конституция, которая стала результатом компромисса между воздействием американской администрации и желаниями местных правоведов. В частности, ст. 2.1 Конституции гласит: «Ислам – официальная религия государства; он является основным источником законодательства». Странный симбиоз являют пункты 1А–1С ст. 2. Конституции. Пункт 1А ст. 2 утверждает: «Не разрешается принятие закона, который противоречит принципиальным установлениям ислама». В то же время в пункте 1В записано:

«Не разрешается принятие закона, который противоречит принципам демократии». Наконец, в пункте 1С сказано: «Не разрешается принятие закона, который нарушает права и основные свободы, декларируемые настоящей Конституцией» (см. подробнее: Хайруллин, Коротаев 2017а). Таким образом, здесь очевидна внутренняя сила исламизма, которую сложно сломить даже оккупационной администрации.

Уместно будет сказать, что в прочных светских, хотя и авторитарных, режимах на такие уступки обычно не идут. В частности, в соседней Сирии в Конституции 1973 и 2012 гг. шариату и исламу не было отведено никакого существенного места (см.: Они же 2016: 40–46). То же касается и Йемена, где в Конституции 1991 г. (принятой в период правления Али Абдаллы Салеха) шариату и исламу было отведено достаточно скромное место по сравнению с предыдущими конституциями Северного и Южного Йемена (см.: Хайруллин, Коротаев 2017а).

Нельзя, конечно, не упомянуть и крупный (хотя, похоже, и временный) успех радикальных исламистов в «Исламском государстве» в Сирии и Ираке в 2014 г. Но это абсолютно тоталитарный и крайний исламистский режим, который, возможно, нанес идеям исламизма огромный ущерб, подходы которого отвергаются большинством мусульман. С одной стороны, это был шумный (правда, временный) успех ультрарадикального ислама, но с другой – он вызвал активизацию вооруженной борьбы с ним со стороны правительств Ирака, Сирии, светских сил Курдистана, а также ряда внешних акторов (прежде всего России, Ирана и США).

7.2. Исламизм в роли государственной идеологии

Монархизм и исламизм. Есть режимы (монархические), в которых, по определению С. Хантингтона, попытались установить некую форму исламской законности. Он, в частности, говорил о Саудовской Аравии и Марокко (Huntington 1996: 113–114, 169), но называть их исламистскими можно только с определенными оговорками. Мало того, о Марокко, по нашему мнению, нельзя говорить как об исламистском режиме, это страна, где умеренные исламисты присутствуют как политическая сила и участвуют в выборах. Крайне важно учитывать, что это легитимные режимы, при этом их легитимность проистекает от самой идеи монаршей власти, санкционированной Аллахом и в случае Марокко освященной принадлежностью королевской династии к роду Мухаммада (см., напри-

мер: Орлов 2015), а в случае Саудов – к роду сподвижника религиозного реформатора и основателя ваххабистского движения, заложившего основы современной саудовской исламистской идеологии (см. об этом: Васильев 1967) (власть саудовских королей к тому же освящается и их статусом «Хранитель двух святынь»). Дополнительных оснований легитимности своей власти таким режимам не нужно, поэтому они не любят несистемных исламистов из низов не меньше светских авторитарных режимов. Тем не менее саудовский режим все-таки имеет смысл назвать исламистским хотя бы потому, что он является главным государственным спонсором распространения исламизма (в его салафитской форме) в современном мире. Этот процесс особенно активно пошел с 1970-х гг., не случайно совпав с ростом богатства Саудитов, целью которых было установление ислама в качестве ведущей силы в арабском регионе (Kerel 1987: 10–11). Отметим, что умеренный исламизм существует, по сути, и в других странах Залива. Однако Катар, где собственный исламистский режим вполне умеренный, в геополитических целях поддерживает исламистов, в том числе и радикальных, в других странах. Современный саудовско-катарский конфликт оказался во многом столкновением этих версий государственного исламизма (причем интересно, что обе стороны обвиняли друг друга в «поддержке терроризма», то есть, по сути, радикального исламизма).

Что касается Марокко, то марокканский король вследствие определенной демократии в стране и периодических выборов вынужден временами привлекать исламистов к управлению, но основной легитимностью, подчеркнем, все-таки обладает именно королевская власть. В Марокко по конституции (2011 г.) король является духовным главой мусульман этой страны, а также символом единства нации, что укрепляет легитимность его власти в отношении мусульман. Отметим также, что традиции государственности и монархизма в Марокко сильнее, чем во многих других странах Ближнего Востока. Королевская власть наследуется по прямой мужской линии в роду Алауитов (правят с 30-х гг. XVII в.), являющихся потомками пророка Мухаммада. Все это служит дополнительными факторами, удерживающими общество от дестабилизации. В целом исламизм в Марокко не получил развития в радикально-экстремистской форме. Среди верующих мусульман здесь всегда был высок авторитет монарха, считающегося прямым потомком пророка Мухаммада и обладающего титулом *амир ал-му'минин* (повелитель правоверных) (Ланда, Саватеев 2015: 162; Орлов 2015).

Есть смысл кое-что сказать о том, как исламизм развивался в Марокко и какая ситуация сложилась там с радикальным исламизмом. В Марокко исламистская мысль возникла во многом под влиянием египетской школы реформаторов (Джамал ад-Дин ал-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Риды – см. выше) (Орлов 2015: 287). Однако в отличие от Египта, где развитие исламизма пошло в сторону радикализма, в Марокко реформаторы изначально стремились приспособить исламские догматы и ценности к динамичному развитию окружающего мира, утвердить в сознании верующих ценность свободного суждения, демократических принципов и хозяйственной инициативы. Одновременно начался процесс синтеза религиозно-реформаторского и националистического мировоззрений (Абу Шу‘айб ад-Дуккали, Мухаммад ибн ал-Араби ал-Алауи, Аллаль ал-Фаси). В дальнейшем лидеры националистов использовали религиозные понятия и ценности, поддерживая монархию Алауитов для восстановления погрязших в ходе франко-испанского протектората (1912–1956) устоев и традиций марокканского общества (Там же). Отметим, что в арабском политическом контексте соединить исламизм с национализмом не получилось практически нигде. Были и другие особенности развития марокканского исламизма. В частности, в отличие от Египта, где богословы играли сравнительно небольшую роль в развитии исламистского движения, аудитория реформаторов состояла из студентов богословских учебных заведений (Там же). Наконец, исламизм в Марокко не был движением, оппозиционным власти, а напротив, после обретения независимости воздействие ислама на массовое сознание всемерно поддерживалось марокканскими королями Мухаммадом V (1927–1961) и Хасаном II (1961–1999). Правящие круги Марокко рассматривали ислам как надежное средство национальной консолидации арабо-берберского населения, фактор массовой политической мобилизации, укрепления авторитета монархии (Там же). Таким образом, ислам в этих условиях становился политическим учением и политической идеологией. При этом королевская администрация активно регламентировала работу духовных лиц и учреждений через специальное министерство и ставило ему задачу воспитания у молодежи преданности национальным и религиозным традициям, верности королю как «повелителю правоверных» (*амир ал-му‘минин*), критического отношения к западной культуре и политическим теориям (Там же). Таким образом, исламизм стал в Марокко средством политической идеологизации

сверху. Неудивительно, что умеренная исламистская Партия справедливости и развития имеет большинство в марокканском парламенте.

Сказанное, разумеется, ни в коей мере не означает, что в Марокко нет радикального исламизма. Так или иначе он неизменно появляется, тем более что некоторое время сама власть поддерживала радикалов. Но как только радикалы проявили нелояльность к престолу, на них в 1970-е гг. обрушились репрессии (Орлов 2015: 289). Однако наблюдаются колебания в отношении власти к радикалам, в частности, под влиянием негативных событий в Алжире в начале 1990-х гг. началась новая волна либерализации отношений алауитского престола с исламистами (Там же: 298). В целом исламистские группы в Марокко на протяжении 1980–2000-х гг. были слишком малочисленны, чтобы оказывать давление на двор и правительство (Там же: 310). Тем не менее правительство Марокко пошло дальше, пытаясь расколоть исламистов, создать политические исламистские партии, лояльные к власти, и легализовать умеренную Партию справедливости и развития. В итоге появление легальной и настроенной на конструктивную политическую работу исламистской партии резко осложнило взаимоотношения в исламистской среде (Там же: 305).

Исламизм как победившая идеология. В целом исламизм нечасто становится официальной государственной идеологией в явном виде, хотя несколько случаев имеется и есть смысл сказать о них подробнее. Выше мы говорили: исламизм как идеология победил в Пакистане, что и было провозглашено при создании этого государства. Исламизм продолжал играть там важную роль и после обретения независимости (особенно для мобилизации населения против Индии, а также помощи афганским моджахедам). В частности, за время правления М. Зия-уль-Хака многочисленное сословие богословов также существенно улучшило свое положение (Чекризова 2013: 110). Но, как видим, исламизм здесь носил традиционно государственный характер. Однако в настоящее время он уже не имеет такого значения в жизни этой страны, как раньше, хотя, по-видимому, интегрировался в политическую жизнь как один из ее существенных элементов². Дальше мы увидим, что он в той или

² Однако имеется исламский Совет, один из совещательных органов при правительстве Пакистана (выносит решения о соответствии норм и законов исламскому вероучению) (Чекризова 2013).

иной степени трансформировался в постислаимизм. Радикальный исламизм в Пакистане носит очаговый и дискретный характер (см., например: Чекризова 2013).

Что касается победы исламизма в Иране, то позволим себе высказать следующие идеи. Хотя в Иране победила исламская революция, по сути, в стране был иной исламизм, нежели в суннитских и особенно арабских странах: в Иране он был тесно связан с национализмом и почти эквивалентен последнему, в арабских странах – враждебен ему. Вот почему исламских революций в арабских странах не случилось (хотя аятолла Хомейни активно стремился к этому), там исламизм не мог опереться на нацию. Стоит еще иметь в виду важное различие, о котором пишет А. М. Васильев (2017: 42): в Иране шиитское духовенство исторически находилось в оппозиции к светской власти, считая ее незаконной, а в суннитских странах большая часть духовенства является частью государственного аппарата. Главное же, что в Иране победил шиитский исламизм, поэтому Хомейни пытался распространить его только на мусульманские страны с заметным шиитским населением (прежде всего на Ирак). На суннитов же, составляющих около 90 % от всех мусульман мира (см., например: Pew Research Center 2011), иранская исламская шиитская революция не могла распространиться практически по определению – в силу именно ее выраженно шиитского характера.

Исламисты добились успеха и в Судане. Впрочем, здесь следует иметь в виду два момента. Во-первых, исламизм лежал у самых истоков современной суданской государственности в период махдистского национально-освободительного восстания (1881–1898). По сути, в эти годы суданцы впервые сами создали и поддерживали свое государство. Оно было названо Махдией и представляло собой «теократическое государство джихада», первоначально управляемое как военный лагерь (Серегичев 2015: 368). Редко какие государства в Новое время возникали подобным образом. С учетом отсутствия у суданцев такого опыта построения государственности опора на исламизм была вполне естественным вариантом.

Во-вторых, в период образования современного Судана в 1950-е гг. огромное влияние на укрепление исламизма в стране оказали египетские «Братья-мусульмане», создавшие в Судане (который в первой половине XX в. был тесно интегрирован с Египтом) свою весьма сильную организацию, в итоге добившуюся власти

(Серегичев 2015: 370 и далее). В Судане особенно наглядно проявились две альтернативы политического развития стран третьего мира и колебания страны между ними – военная диктатура и политический исламизм. При этом приход к власти исламистов в конце 1980-х гг. осуществился благодаря их союзу с военными (Там же: 383; Fuller 2004: 108). 1994–1996 годы можно назвать временем наивысшего расцвета влияния исламистов и лично Хасана ат-Тураби на все процессы, протекавшие в стране (Серегичев 2015: 390). Исламистский проект был изменен в 2000 г. в связи с усилением борьбы между военными и исламистами, в результате чего так называемая Исламо-арабская народная конференция была закрыта, а лидер исламистов ат-Тураби был уволен с поста генерального секретаря НКС (Там же: 393–394). Но в целом исламизм, исламистский фундаментализм, но в умеренной версии, продолжает выступать надежной опорой для правящего в Хартуме режима. Он в основном стабилизирует ситуацию в стране и устраивает большинство жителей Судана (Там же: 397). Некоторые исследователи считают, что консолидирующая роль суданского исламофундаментализма еще долгие годы будет выступать одним из ключевых факторов поддержания внутривластной стабильности Республики Судан (Там же).

Умеренный исламизм во власти. Иран (и тем более Судан) не самый показательный случай, так как заимствовать такой успех сложно. Более интересны и важны для будущего развития примеры, когда умеренные исламистские партии вписываются в политический ландшафт конкретных государств и институализируются. Именно такой путь наиболее перспективен и приемлем для всех, включая западные страны. Это касается, впрочем, и Ирана, в котором радикальный исламизм Хомейни (существенно подорвавший экономику страны) достаточно быстро перерос в умеренный исламизм/постисламизм его преемников, сумевших добиться значительных успехов в стабилизации развития этой страны и, что важно, на поле исламизма создать достаточно прочную и эффективную демократическую систему (см. об этом в § 8.3).

Как мы уже сказали, умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности. Есть примеры, когда они, оказавшись у власти, проводят достаточно взвешенную и эффективную политику (Турция, Марокко, Малайзия). Есть также несколько стран, в которых

исламистские партии периодами приходят к власти самостоятельно либо в коалиции, как в Малайзии. Это возможно потому, что они так или иначе интегрировались в политическую систему, признают правила игры и соответствующую внешнеполитическую ситуацию. Стоит также добавить, что в этих странах есть определенные противовесы исламу. Так, в Малайзии сильны национализм и националистические партии, в Марокко стабилизационным фактором выступает королевская власть. В Турции существует подвижное равновесие между светским и исламистским течениями. Можно согласиться с тем, что Турция, даже несмотря на последние события, связанные с усилением политических репрессий, все-таки представляет собой в определенной степени образец для всего остального Ближнего Востока и в целом исламского мира в плане сосуществования ислама, секуляризма и демократии (Fuller 2014; Kirisci 2013).

Сказанное о жесткой борьбе светских режимов и исламистов, а также об успехах в ряде стран умеренных исламистов на политическом конституционном поле вновь позволяет нам сделать вывод, что *только политика привлечения к политической работе умеренных исламистов, готовых соблюдать конституцию и работать легально, способствует ослаблению радикального исламизма и в итоге дает возможность исламским обществам развиваться с меньшими потрясениями*. Попытки же вытеснить исламистов ведут к постоянной конфронтации. Поэтому мы вполне согласны с нижеприведенным мнением. Опыт мусульманского мира, по крайней мере с начала 2000-х гг., демонстрирует провал крайнего секуляризма в таких странах, как Египет, Ирак, Иран, Тунис и Турция. Напротив, Индонезия и Малайзия являют позитивный пример вклада, который ислам может внести во внутригосударственные дела в рамках демократического строя, объединяющего различные религиозные, культурные и этнические идентичности (Weiss 2010; Rahim 2011; Hossain 2016; Ugur Etga 2017).

Таким образом, сказанное демонстрирует, что умеренный исламизм может стать позитивной и перспективной частью политического спектра исламских стран. Но любой радикализм, а также отказ признавать верховенство государства и закона ведут к тому, что в подобной ситуации и в такой окраске исламизм оказывается в более благоприятных условиях в оппозиции. Словом, это сложный путь, в котором главный курс, обещающий успех для всего мира, – разделить умеренных (и легитимных) исламистов и радикалов.

Глава 8. Многоликость исламизма

8.1. О типологиях исламистских направлений

Многоликость исламизма. Итак, исламизм многолик. При этом многоликость не появилась относительно недавно, но во многом происходила от разных трактовок роли ислама в обществе в трудах исламских мыслителей в XIX и начале XX столетия. Эти трактовки часто были взаимоисключающими¹. Действительно, очень сложно в условиях сосуществования множества направлений определить, что такое истинный ислам, что он включает в себя, его суть и природу, а самое важное, может ли кто-то утверждать, что он олицетворяет ислам. Неудивительно, что интеллектуальные войны усилились (Osman 2016: xi). Однако важно отметить, что, несмотря на указанную борьбу идей, отторжение радикального исламизма в духе ИГ наблюдается у многих умеренных исламистов, которые пытаются отмежеваться от его эксцессов. Так или иначе, в рамках исламизма сосуществует множество враждующих между собой направлений. Поэтому нередко худшие враги исламистов – это другие исламисты. И именно в создании условий для их раскола, на наш взгляд, можно видеть наиболее прагматичную и обещающую успех политику.

Умеренный исламизм в ряду других видов исламизма. Невозможно сколько-нибудь полно сказать в одной главе о разных направлениях даже умеренного исламизма. Поэтому мы ограничимся только некоторыми замечаниями.

Во-первых, важно понимать: из-за того, что все внимание СМИ приковано к террористическому исламизму, умеренный исламизм часто остается в тени. «Ваххабитский ислам приковал к себе внимание мировой общественности через страх и террор. Напротив, ту-

¹ В частности, Тарек Осман (Osman 2016: ix) пишет: «Результатом стал широкий спектр подходов к исламу: одни активно призывают к применению определенных толкований ислама в политической и социальной жизни, другие выбрали более упрощенный подход. Одни учения обратились к ранней истории ислама... Другие что-то изобрели, пытаясь по-новому определить возможности приложения ислама к своим обществам и деликатно утверждая, что все принятые в мире интерпретации ислама (доминировавшие в мусульманском мышлении в последние столетия) не могут направить и тем более регулировать современные общества. Некоторые мыслители пошли еще дальше и попытались дать новое определение самому исламу».

рецкий и индонезийский ислам, удачно сочетающий религиозность с современными демократическими и светскими императивами глобальности, не получает должного внимания», – справедливо замечает Невзат Согук (Soguk 2010: 3). В начале данной части мы уже обсуждали различия между умеренным и радикальным исламом.

Во-вторых, помимо деления на умеренный и радикальный исламизм, также встречается и деление на государственников и негосударственников. Первые (главным образом представители исламистских партий) взаимодействуют с другими социальными и политическими силами, что способствует достижению консенсуса в национальной политике. Вторые (от самых спокойных салафитов до вооруженных джихадистов) ставят религиозное сообщество превыше национальной политики и напрямую зависят от взаимодействия между исламистами-государственниками и государством; им выгодны провалы в демократическом построении консенсуса в национальной политике (Volpi, Stein 2015). В целом очевидно, что исламисты-государственники – в основном умеренные исламисты, которые должны принимать правила игры на политическом поле и действовать легально. Исламисты-негосударственники – это те, кто не желает участвовать в политических выборах или делах официально и по правилам, оппозиционеры ближе к радикалам. Кроме того, первые способны рассматривать возможность сближения национализма и исламизма, а вторые – с трудом. Хотя нам не кажется, что такое деление продуктивно, но, во-первых, важно, что авторы объединяют и тех и других под общим термином «исламисты», а во-вторых, они показывают, что умеренные исламисты (государственники) могут внести вклад в стабилизацию и развитие обществ, когда взаимодействуют с другими политическими силами, и напротив – когда конфликтуют с ними, это ведет к негативным последствиям. Исламисты-государственники (главным образом представители исламистских партий) могут способствовать стабилизации и демократизации государства, наладив взаимодействие с другими социальными и политическими акторами. С другой стороны, если это взаимодействие построено на конфликте, то оно оказывает разрушительное воздействие как на исламистов-государственников, так и на возможность проведения демократической национальной политики (*Ibid.*)².

² Когда исламистские партии работают в рамках многопартийной системы, что сопровождается ростом гражданских свобод, как происходит в Тунисе, это мо-

Иногда типологию исламистов усложняют. В частности, Камран Бокари и Фарид Сензай (Bokhari, Senzai 2013) делят их на «соучастников», «отвергающих» и «кондиционалистов». Кроме того, турецкая Партия справедливости и развития является «светской партией» и рассматривается с точки зрения особой категории «постисламизма». Трудно сказать, насколько продуктивно такое деление. Однако мы согласны с заключительными выводами авторов, что «исламисты сыграли и продолжают играть решающую роль в ближайшие годы и десятилетия, пока в регионе происходят процессы демократизации» (Там же: 185).

8.2. Радикализм и терроризм

Несомненно, террор и терроризм ужасны и не имеют оправдания. Очевидно также, что стремление некоторых исламистских фанатиков в буквальном смысле сокрушить Запад и вернуться к обычаям, существовавшим более тысячи лет назад, уничтожая всех, кто сомневается в необходимости этого, многих особенно страшит. Поэтому «многочисленные социальные слои по всему Ближнему Востоку часто категорически отвергают исламизм» (Osman 2016: xix). Однако об исламском терроризме написано так много, что сложно сказать что-то новое, и мы не видим смысла повторяться. Поэтому в данной главе, напомним, мы не будем сколько-нибудь подробно касаться проблемы терроризма (некоторые сведения о нем даны в Части II), ограничимся только некоторыми замечаниями на эту тему, кажушимися нам важными.

Несколько замечаний о терроризме. Прежде всего отметим, что не существует общепризнанного определения терроризма. В частности, Паоло Касака в своей статье пишет: в докладе Комитета экспертов по радикализации Европейской комиссии говорится, что «существуют сотни определений терроризма» (Casaca 2017a: 31). Поэтому мы не собираемся углубляться в нюансы данной формулировки. Достаточно использовать формулировку из *Глобальной базы данных о террористических актах*, которая представляется вполне уместной в рамках настоящей монографии: «...угрожающее или фактическое использование незаконной силы и насилия

жет способствовать демократической консолидации и стабильности, а также укреплению государственного управления. Насильственное устранение исламистских партий, как это случилось в Египте после переворота 2013 г. и запрета «Братьев-мусульман», приводит к обратным результатам (Volpi, Stein 2015: 290).

со стороны негосударственного субъекта для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» (Global... 2016: 9).

Далее. Рассматривая терроризм как общемировой феномен, нельзя не отметить, что это орудие слабых против сильных, меньшинства против большинства. Важно понимать, что радикалы – все же меньшинство в любом обществе, даже если им удастся вести его за собой. Между тем современные средства массовой информации являются в целом невольными союзниками террористов.

Второе. Исламизм имеет тенденцию к радикализации при изменении ситуации. Всегда можно ожидать такого рецидива. (Osman 2016: xix). Иногда исламизм (как и любое другое течение) видоизменяется на новой почве, в частности в Европе. Общеизвестно, что здесь он порой получает новые идеи и становится особенно радикальным (*Ibid.*: 245). Однако мало кто знает, что в Европе же исламизм начинает довольно часто модернизироваться в устраивающем всех направлении (см. об этом ниже).

Третье. Рассмотрим теперь вопрос о социальной базе радикального, террористического исламизма. Среди приверженцев объяснений психологической обусловленности терроризма есть базирующиеся в своих выводах на суммарных сведениях, из которых становится очевидным, что большинство участников террористических актов отличались невежеством, малограмотностью, глупостью или подверглись «промыванию мозгов» (см. об этом: Джанаби 2015: 54–55; Vyman 2005; 2007; 2011).

По оценке Аль-Кардави, главной причиной экстремизма и нетерпимости является отсутствие образования (см.: Achilov, Sen 2017: 618). Мы полагаем, что это все-таки упрощение. Разумеется, «промывание мозгов» всегда присутствует в тоталитарных группах и идеологиях. И среди последователей имеется определенное число малограмотных и недалеких людей, готовых поддаться внушению. Однако, во-первых, имеются данные и о том, что для членов террористических группировок в некоторых странах характерен более высокий уровень образования, чем наблюдается в среднем для этих стран. Во-вторых, можно упомянуть, например, социально-демографический анализ, представленный Ч. Расселом и Б. Миллером (Russell, Miller 1977), которые сделали вывод о том, что среди руководителей исламистских, в том числе и радикальных, групп много молодых и образованных (нередко по-западному

образованных) людей. А. Крюгер и Ж. Малечкова (Krueger, Malecкова 2003) также отмечают, что члены военного крыла «Хезболлы», а также палестинских террористических групп довольно высокообразованны. Исследователи, проанализировав 350 биографий террористов из различных организаций по всему миру в период между 1966–1976 гг., пришли к выводу, что они имеют достаточно высокий уровень образования. Есть несколько других исследований такого рода. В частности, Клод Берреби (Berrebi 2007), анализируя биографии членов «Хезболлы» с 1980 по 2002 г., обнаружил, что более высокий уровень образования увеличивает вероятность стать террористом (однако события последних лет ставят под сомнение роль «Хезболлы» как определенной террористической организации). В-третьих, мы уже говорили, что часть умеренных исламистов могут перейти на сторону радикалов при некоторых условиях, как это случилось среди египетских «Братьев-мусульман» после свержения президента М. Мурси (а среди них было много хорошо образованных людей). В-четвертых, согласно этой логике, наибольший подъем терроризма должен был приходиться на 1960–1970-е гг., когда неграмотность в исламских обществах (равно как и бедность) была существенно более распространена, чем сегодня, однако это не так.

Напротив, рост терроризма связан с ростом грамотности и образованности, поскольку такие движения не могут существовать и развиваться в малограмотных обществах. Они поднимаются в модернизирующихся обществах, где уровень грамотности растет, но в целом общества еще остаются недостаточно образованными, с большой разницей в этом плане между различными группами населения. Иначе говоря, терроризм связан с ситуацией промежуточной грамотности социума, тогда как дальнейшее развитие школьного образования связано со значительной тенденцией к снижению террористической активности (см.: Акаев и др. 2017; Васькин и др. 2018). Д. Ачилов и С. Сен провели сравнительное исследование умеренного и радикального исламизма, в том числе и в отношении различий в социальных характеристиках их приверженцев. И мы согласны с их выводом, что политически умеренные мусульмане чаще имеют более высокий уровень образования и более активны в гражданском обществе и что более высокий уровень образования, социального статуса, соответствующего социального капитала и вовлечение в политическую деятельность также коррелируют с

поддержкой умеренных взглядов (Achilov, Sen 2017: 618). Все это дает некоторую надежду, что постепенно с ростом образованности и благосостояния терроризм все же пойдет на убыль, хотя полной уверенности в этом нет. Например, грамотность в Ирландии была высокой, но это не помешало терроризму свирепствовать там десятилетиями. Вспомним, что и среди русских народников-террористов преобладали именно образованные люди. Поэтому, на наш взгляд, главным союзником в борьбе с террором может быть умеренный исламизм при правильной политике в отношении него.

Четвертое. С развитием жизни, технологий, средств информации, а также уровня образования очевидно, что меняется и сам терроризм. Нет смысла подробно исследовать это в настоящей работе, но и забывать об этом тоже не стоит. Соответственно, с подъемом исламизма в 1990-е гг. стало укрепляться представление о появлении террора нового вида³.

Факторы, способствующие и препятствующие росту терроризма. Наконец, в заключение данного параграфа стоит кое-что сказать о месте радикального исламизма в общем течении исламизма и жизни исламских обществ.

Есть мнение, что исламистский радикализм подобен злокачественному образованию, которое возникло в силу несистемного по отношению к мусульманскому миру воздействия, а именно – детонации кризисной ситуации, сложившейся вследствие сочетания уникальных экономических и политических обстоятельств в одном месте (Ближний и Средний Восток) в одно время с феноменальной спецификой ислама (Левин 2014: 108). Разумеется, стечение обстоятельств имело известное влияние (и выше мы об этом уже говорили). В частности, обретение нефтяного богатства во многом «оплодотворило» и радикальный ислам. Однако правильнее рассматривать феномен радикального исламизма шире.

³ Паоло Касака (Casaca 2017b: 33) указывает, что об этом заговорили начиная с 1990-х гг. Среди тех, кто занимался этой проблемой, У. Лакёр (Laqueur 1999) ввел термин «новый терроризм», Б. Хоффман (Hoffman 1998) использовал два понятия: «современный терроризм» и «новый терроризм», а Ж. Кепель (Kerel 2000) одним из первых употребил термин «джихад» для обозначения нового вида терроризма. Дж. Гирсон (Gearson 2002), возможно, был наиболее продуктивным в этом плане, поскольку он установил различия между современным терроризмом (1970–1980-е гг.), супертерроризмом (1990–2000-й гг.) и постсовременным терроризмом (после событий 11 сентября 2001 г.), он также предсказывал начало «новой эпохи терроризма».

Радикализм, по нашему мнению, — это неотъемлемая часть широкого течения, неприятное и опасное, но естественное ответвление в развитии исламизма. Любое учение имеет радикальное крыло. Поэтому задача состоит в том, чтобы создавать как можно меньше условий для роста радикализма. Между тем разрушение прочных (пусть и авторитарных) режимов под флагом установления демократии является одним из важнейших условий для роста радикализма и терроризма. Таким образом, необходимо выбирать союзников в борьбе с радикализмом. Именно такими союзниками, пусть временными, и могут стать авторитарные режимы. Попытки установления демократии в странах с неокрепшей государственностью (каковой была, например, Ливия) путем вооруженной революции, интервенции и свержения правительства однозначно ведут к разгулу терроризма, равно как и попытки установить социальную республику в таких странах, как Афганистан (что пытался сделать Советский Союз). Вторжение в Ирак породило ИГИЛ. Другим фактором, способствующим росту терроризма, является стремление использовать такие организации в геополитических целях. Как уже было сказано, «Ал-Каида» стала продуктом опоры американских спецслужб на террористические группы в борьбе с советским присутствием в Афганистане.

Т. Осман (Osman 2016) рассматривает в качестве главного в исламских обществах секуляристско-исламистский конфликт. В общем плане это верно. Однако, на наш взгляд, переход к секуляризму и его победе гораздо более вероятен через умеренный исламизм, то есть через сотрудничество с ним. И если считать, что радикальный исламизм — это результат нарушения порядка в обществах, то надо любой ценой этот порядок удерживать. Следовательно, проблема состоит в выборе не между авторитарностью и демократией, а между светским авторитарным режимом и радикальным исламизмом. Поэтому крайне важно понимать, что радикальный исламизм можно победить (ослабить) в настоящих условиях только на поле собственно исламизма, поддерживая умеренную и законопослушную его версию и сотрудничая с ней там, где это возможно.

Относительно демократии в арабском мире в целом превалирует идея о необходимости ее внедрения. События Арабской весны, правда, несколько отрезвили тех, кто стремился к скорейшему установлению демократии, поэтому раздаются более разумные голоса. С одной стороны, нельзя стать жертвой западной одержимо-

сти демократией, а с другой – нельзя допустить, чтобы ближневосточная демократия «не имела никакого значения» или значила бы меньше, чем в других частях мира (Dalacouga 2015: 420). Однако, ни в коем случае не говоря, что ближневосточная демократия «не имеет значения», мы подчеркиваем, что путь к ней лежит в первую очередь через сотрудничество с умеренным исламом, даже если какое-то время его представители могут получать большинство голосов. А если в таком случае существует опасность проникновения во власть более радикальных исламистов, то, на наш взгляд, авторитарные режимы предпочтительнее этой опасности. Из двух зол это все-таки меньшее.

И в заключение можно задаться вопросом: в чем историческое значение исламистского радикализма? Очевидно, что он не может стать победоносной идеологией на широком фронте, поскольку, как и любое радикальное учение, не приспособлен к практическим потребностям. По нашему мнению, его историческая роль негативна. Он отторгает от себя (постепенно, хотя и медленно) большинство мусульман терроризмом и отрицанием множества важных вещей, вынуждает Запад более осторожно общаться с исламом, постепенно заставляет искать особые пути интеграции исламских стран в мировое развитие.

8.3. Эволюция исламизма. Постисламизм

Обострение противоречий в исламских обществах. Как уже было сказано, существует много различных трактовок основных принципов исламизма даже среди умеренных исламистов. Мы также видели, что в целом ряде стран он представлен в разных вариантах, например, в виде государственного исламизма Саудовской Аравии и других стран. В Иране, Пакистане, Бангладеш исламизм трансформируется в постисламизм. В отношении Турции и Марокко можно говорить об умеренном «демократическом исламизме» Партии справедливости и развития обеих стран, в этом ряду стоит упомянуть и тунисскую «Ан-Нахда» (о «Братьях-мусульманах» в Египте см. ниже).

Многие умеренные исламисты признают плюрализм и необходимость приспосабливаться к изменениям. Среди широко мыслящих деятелей в среде умеренных можно упомянуть, в частности, модернистов – представителей рационалистического религиозно-этического и политического направления в современной исламской

мысли, которые пытаются найти баланс между традицией и реальностью жизни уммы. Так называемые «обновленцы» стремятся к преодолению отсталости мусульманских стран с помощью Запада, но с сохранением исламских традиций. В частности, они полагают необходимым адаптировать шариат к требованиям современного мира и готовы на компромиссы (см. об этих и других направлениях в исламизме: Левин 2014: 78–82).

Но в целом такие группы не являются достаточно influential. Главный водораздел проходит между умеренными исламистами и радикалами, которые могут сосуществовать в рамках одних и тех же движений, например «Братьев-мусульман». Это размежевание соответствует во многом и внутреннему разделению исламских обществ. Отмечалось, что в ряде исламских обществ, в частности, в иранском, турецком, египетском, существует ярко выраженный культурный дуализм (который даже можно назвать дуализмом цивилизаций). Он несет в себе элементы неустойчивости для общества (Васильев 2017: 42; Саватеев 2006: 229–248). Действительно, налицо противоречивость компонентов общества в исламских странах, когда рядом с традиционными (или псевдотрадиционными) компонентами находятся современные (и псевдосовременные) тенденции. Как и в других (исторических) случаях модернизации, это создает напряжение в обществе и нередко приводит к его расколу. Похожая ситуация, как мы уже указывали выше, была, например, в России накануне 1917 г., когда возникло противоречие между европейскими и народными идеями.

Арабская весна стала новым всплеском такой борьбы между разными направлениями в обществе, между представителями светских течений и исламистов, равно как и среди самих исламистов. В итоге, по мнению Т. Османа (Osman 2016: xiv), возник небывалый за последние 70 лет раскол исламского общества. Победа, а затем отстранение исламистов от власти, уход последних в полуподполье и подполье показали, что возникла и существует своего рода патовая ситуация, когда исламизм и светские направления (вместе со светской властью) противоборствуют, но ни одна из сторон не может оказаться полным победителем, тем более что эти стороны занимают и разные социальные ниши. В данном противостоянии обнаруживается нечто от единства и борьбы противоположностей, составляющих единое целое. В таком единстве противоположностей, возможно, и кроется источник развития исламских обществ, но, ко-

нечно, источник противоречивый и опасный. Время от времени происходит крен то в жесткую автократию, то в радикализм.

Эволюция исламизма в разных обществах. Как мы уже неоднократно говорили, исламисты не всегда оказываются враждебно настроенными по отношению к современности, напротив, многие из них (особенно среди умеренных исламистов) являются ее сторонниками (см., например: Esposito, Burgat 2003). Если говорить об эволюции исламизма, то исследователи отмечают существенные перемены в нем за последние десятилетия (см., например: Osman 2016: 239). Прежде всего, конечно, это стремление многих групп вписаться в политический ландшафт и участвовать в выборах. При этом в ряде стран (например, в Иране или Тунисе) женщины активно участвуют в выборах и некоторые становятся депутатами парламентов. В целом, несмотря на усиление строгости в отношении одежды женщин почти во всех исламских обществах и во многих общинах вне исламских обществ, роль женщин в жизни социума повышается, а их положение постепенно улучшается. При этом важно понимать, что чем больше женщины участвуют в политической жизни, тем больше шансов на дрейф от радикального ислама к умеренному. Дело в том, что в целом исламские женщины более склонны поддерживать политически умеренный ислам, чем мужчины, даже если учитывать другие социальные параметры (например, социальную группу, образование, политическую активность) (Achilov, Sen 2017: 618).

Что касается ситуации в мусульманских общинах немусульманских обществ, то «наблюдаются интересные изменения в религиозном мышлении и практиках мусульманских женщин в США, Индонезии и Южной Африке», – пишет Т. Осман (Osman 2016: 251) и добавляет важное замечание: «...это показывает, что, освободившись от определенного культурного влияния, мусульманское мышление может обеспечить значительные успехи в сферах, которые десятилетиями и даже веками отставали» (*Ibid.*). Действительно, можно ожидать, что в странах Запада возникнут новые модернистские направления развития исламских общин и исламизма, особенно в отношении роли женщин в обществе. В любом случае эти изменения идут довольно активно. Можно отметить роль организации «Женщины, живущие по законам ислама», которая работает во многих странах с мусульманским большинством, а также особое внимание к равноправию полов (Walzer 2015: 116–117).

Как уже было сказано, хотя на слуху террористические исламистские организации и акции в Европе, но на практике там весьма заметны и движения за модернизацию ислама, которая проходит в русле приспособления мусульманской религии к западным условиям жизни путем отказа от наиболее архаичных форм исламской традиции. Социологические исследования показывают, что для европейских стран характерен более низкий уровень религиозности мусульманского населения, чем для развивающихся стран Азии и Африки (например, в Косово и России очень важна религия для 44 % приверженцев ислама, в Боснии и Герцеговине – для 36 %, а в Албании – лишь для 15 % [Горохов 2015: 37]⁴).

Примером модернизации ислама может служить реформистское движение «евроислама», получившее в последнее время большую известность. Его лидер Тарик Рамадан призывает своих сторонников активно участвовать в политической и экономической жизни Европы (Ramadan 1999). В связи с этим многие исследователи указывают на необходимость реформации в исламе (Горохов 2015: 37). Эта реформация должна приблизить мусульманскую традицию к нуждам современного мира и при этом одновременно «вновь утвердить исламские ценности, возродить веру путем обновления исламской философии и создания новой школы фикха, т. е. мусульманской юриспруденции и комплекса социальных норм» (Мирский 2003).

Таким образом, незаметно для внешнего мира наблюдается модернизация ислама в сторону западного образа жизни в общинах западноевропейских стран. Зато исследователи этих общин в Западной Европе отмечают, что исламские организации сталкиваются там с совершенно другими проблемами в плане участия в общественных дебатах... Впрочем, взгляды на интеграцию мусульман в западное общество и варианты развития ислама в европейских странах в значительной степени отличаются у разных организаций (Klausen 2007; Roy 1994), большинство из которых хорошо интегрированы в западные социальные и политические институты,

⁴ Впрочем, такая индифферентность к религии в Албании (понятная для постсоциалистической страны) вполне сочетается с ростом там террористического исламизма, а также с тем, что Албания становится центром джихада 2.0 – против славян в Македонии, против Тегерана, а также против Анкары (Escobar 2017). Разные течения исламизма могут присутствовать в одном и том же обществе и находить своих сторонников.

а некоторые даже стали официальными посредниками для их правительств (Campana, Jourde 2017: 2). Таким образом, большинство мусульманских организаций так или иначе вписываются в европейский ландшафт.

Но изменение положения женщин и даже своего рода феминизация политического ландшафта может происходить не только в связи с курсом на западную модель, а также в странах, где господствует исламизм, однако подчеркнем – только умеренный исламизм или постисламизм (как идеология общества, уже пережившего радикальные эксцессы). Например, Гузия Мир и ее соавтор (Mir, Khaki 2015: 74) утверждают, что «в иранском контексте существуют два феминистских течения – светский феминизм и исламский феминизм». Эти авторы отмечают, что «мусульманских женщин можно узнать по одежде, а именно хиджабу. Некоторые, возможно, предпочтут чадру, но одновременно будут протестовать против статуса женщин как граждан второго сорта. Они настаивают на более лояльной трактовке правил шариата относительно женщин, которые, по их мнению, были истолкованы много веков назад в условиях общества с доминированием мужчин» (*Ibid.*: 89).

В целом путь к равноправию женщин в арабских и исламских странах, вероятно, не является прямым. Он, скорее, пойдет не по дороге секуляризма, а будет связан с эволюцией исламизма⁵. Например, авторы статьи «Islamism, Secularism and the Woman Question in the Aftermath of the Arab Spring: Evidence from the Arab Barometer» (Fox *et al.* 2016) провели исследования в период после Арабской весны в разных странах (Египет, Йемен, Тунис, Алжир, Ливан, Судан, Иордания, Ирак, Палестина). Они обнаружили возросшую поддержку «исламского феминизма» (равноправия полов на основе ислама) в указанный период и особенно в странах, затронутых Арабской весной, в то время как светский феминизм получает все меньшую поддержку. В большинстве исследуемых стран относительно высокий уровень поддержки равноправия полов сосуществует с предпочтительно исламской трактовкой норм гражданского состояния (*Ibid.*; о понятии и практиках исламского, а также постисламистского феминизма см. также: Holdo 2017).

⁵ Можно испытывать недовольство по поводу появления феминистских лидеров в фундаменталистских партиях (Mernissi 2002), но если события развиваются именно таким путем, нужно пытаться его использовать.

Постисламизм. В странах победившего исламизма, таких как Иран, Пакистан или Бангладеш (которая была частью Пакистана), исламизм, естественно, отличается от такового в Саудовской Аравии или Судане. Дело в том, что он постепенно перерождается в *постисламизм*.

Термин «постисламизм» стал популярен среди ученых, занимающихся исследованием целей исламистских движений, их социальных условий и структурных возможностей (Holdo 2017: 1800), и сегодня он уже не нов (Shahibzadeh 2016). О нем заговорили в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Естественно, что нет единого определения, но все они подчеркивают умеренность постисламизма, его мягкость по сравнению с исламизмом, его связь с правами, не столь жесткую увязку с религией и в той или иной степени связь с демократией. Например, ученый иранского происхождения Азеф Байат (Bayat 2007: 19) дал следующее определение постисламизму: «...это не антиисламизм или светский *неисламизм*. Скорее, он представляет собой стремление соединить религию и право, веру и свободу, ислам и свободу выбора... Говоря кратко, если исламизм – это сплав религии и обязанностей, то постисламизм подчеркивает религиозность и право». А. Байат также указывает, что развивающаяся демократическая политическая культура и практика в этих странах рассматриваются как более мягкий вариант исламизма или постисламизм (Bayat 2007; 2013). На практике это означает, что зарождающаяся политическая система включает в себя демократические и светские идеалы и принципы в рамках «исламской системы этнических, моральных и культурных ценностей» (Hossain 2016: 214). По мнению Байата, постисламизм не может быть антиисламским или светским, но связан с секуляризацией общества/государства. Постисламизм предлагает общие принципы, объединяющие политическую реформу с религиозной. Исламистские партии смещают приоритеты в сторону вопросов меньшинств, молодежных и гендерных проблем, а также перенимают подход, основанный на правах, – вот реальные проявления постисламизма (Rana 2017; анализ постисламизма в Бангладеш см.: Hossain 2016, в Пакистане: Amin 2017). С одной стороны, несмотря на видимый интеллектуальный вклад, постисламистские движения все же не смогли трансформировать свои идеи в пользующееся успехом общественное движение (Shahibzadeh 2016), но с другой – идеи постисламизма находят вполне практическое применение в поли-

тической и повседневной жизни ряда исламских обществ, как мы видели выше.

На наш взгляд, наиболее интересный случай – это Иран. Модернизация, как и исламская реакция на светскую модернизацию, в Иране началась давно. Например, еще в 1896 г. иранский шах-реформатор Насер ад-Дин был убит последователем ал-Афгани (как мы помним, духовного отца исламизма) Мирзой Рези Кермани. Таким образом, в Иране сменилось несколько поколений исламистов. Ф. Раджайи в своей книге «Ислам и модернизм: изменяющийся дискурс в Иране» утверждает, что ориентированные на ислам иранцы демонстрируют четыре типа ответной реакции на модернизм, соотносящиеся с четырьмя поколениями в эволюции исламоцентристского дискурса в Иране. Взгляды и деятельность только одного поколения, а именно третьего, могут быть охарактеризованы как исламистские. Но с конца 1990-х гг. появляется четвертое поколение, которое уже нельзя определять термином «исламизм», это скорее постисламизм. Это поколение прислушивается к голосу разума (Rajaei 2007).

Йадуллах Шахибзадех (Shahibzadeh 2016: vii) считает, что постисламизм в Иране есть результат критического толкования исламизма и его последствий. Особое значение он придает тому, что новое толкование иранским лидером избирательных прав людей как нерушимых усиливает аргументы постисламистов и продемократически настроенных сторонников конституционной формы правления в Иране (*Ibid.*: 235). Разумеется, это противоречит суждениям консерваторов у власти, которые уверяют, что, во-первых, конституция не может ослаблять позиции лидера как верховного арбитра в политических конфликтах внутри страны, во-вторых, эта же конституция утвердила Совет стражей конституции – единственный орган, имеющий толковательные функции (*Ibid.*). Но ведь и речь идет не о западной демократии, а об исламской.

Таким образом, в постисламизме мы видим заметную эволюцию исламизма в целом в магистральном (в общечеловеческом понимании) направлении, хотя и со значительной исламской спецификой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные тенденции

Военный переворот в Египте 2013 г. и отстранение «Братьев-мусульман» от власти, к которой они пришли законным путем, значительно изменили настроения среди исламистов, подорвали у многих из них веру в мирный путь «врастания» в политическую жизнь. В итоге многими исламистами сделаны неверные выводы из последних событий. Тарек Осман считает это очень серьезным переломом и, возможно, поворотным пунктом. Он пишет о том, что исламисты возвращаются к жертвенности, то есть террору, рискуют попасть в тюрьму, тогда как им необходимо перестраиваться. Они возвращаются к идее влиять на мораль общества вместо участия в политической жизни. Вследствие этого ситуация «откатывается» назад, к началу политической эволюции исламистов, нарастает опасность новой радикализации ислама. Это умаляет значение их недавнего политического успеха (в 2011–2013 гг.) и сокращает надежды на политический успех в дальнейшем (см.: Osman 2016: 244–248).

В этой связи Т. Осман говорит о дилемме, которая стоит перед исламистами. Те из них, которые возвращаются к строгим нормам ислама, консерватизму, могут не найти понимания у молодежи, которая начинает мыслить и жить по-другому. По мнению Османа, исламская молодежь уже не готова к слепому подчинению, как раньше. Напротив, большие группы молодежи склонны к инновационному пониманию ислама (*Ibid.*: 245–246).

И действительно, то, что является силой исламистов, может стать их слабостью в случае, если часть молодежи потеряет к ним интерес. Кроме того, тот факт, что молодежь является опорой исламистов, дает шанс надеяться, что по мере взросления и тем более старения этих молодых когорт социальная опора исламизма будет сокращаться*. Поэтому можно согласиться, что исламизм – явление

* Существует значимая, хотя и не столь сильная, корреляция между возрастом сторонников исламизма и их принадлежностью к умеренному или радикальному исламизму. Политически радикальные мусульмане немного моложе умеренных. Примерно 21 % политически умеренных и 26 % политических радикалов моложе 24 лет (от 18 до 24 лет) (Achilov, Sen 2017: 618).

переходного периода (Yapp 2004: 181). Но необходимо ясно понимать, что по времени этот переход все же довольно длительный. Малкольм Япп пишет, что исламизм является феноменом переходного периода по двум причинам: во-первых, он связан с модернизацией и его позиции могут ослабеть, как только мобилизованные мужчины и женщины приспособятся к новой ситуации; во-вторых, он характерен для молодых, а молодость проходит. Пик рождаемости на мусульманских территориях прогнозируется на 2025 г., а затем, по прогнозам исследователя, мусульманское население, как и во всем остальном мире, начнет стареть (*Ibid.*). Япп не рассматривает процесс старения как такой, который все решит естественным путем, но полагает, что благодаря ему проблемы смягчения радикализма можно будет решать более успешно (*Ibid.*). В сроках М. Япп несколько ошибся, старение населения на мусульманских территориях уже началось (UN Population Division 2017), но мы согласны, что исламизм не вечен и его база будет так или иначе таять.

В любом случае борьба за молодежь – важнейший фронт в исламизме, на котором государство и светские организации должны делать многое. А умеренным исламистам необходимо по возможности еще более смягчить строгость идеологических догматов, чтобы успешнее вписаться в современный политический ландшафт. Таким образом, исламизм стоит на пороге изменений, хотя опасность его радикализации по-прежнему актуальна. Но мы надеемся, что по мере развития общества исламизм начнет все активнее трансформироваться в постисламизм. Этому должны способствовать и процессы глобализации (см.: Гринин 2019в).

Библиография

- Агаев С. Л. 1981. *Иран в прошлом и настоящем*. М.: Наука.
- Акаев А. А., Васькин И. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017. Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 8: 5–38.
- Алаев Л. Б. 2007. Политическая система и политическая культура Индии. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский, с. 484–507. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад.
- Алаев Л. Б. 2008. Индусско-мусульманский конфликт в Индии. *Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные* / Ред. А. Д. Воскресенский, с. 347–371. М.: Аспект Пресс.
- Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. 2010. *История Индии*. М.: Дрофа.
- Арманиян Н. 2015. Роль Индии в противостоянии США, России и Китая. *ИноСМИ* 9 февраля. URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>.
- Арриги Дж. 2009. *Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Ахмедов В. 2009. Светское и религиозное направление в арабском национальном движении. *Россия и мусульманский мир* 1(199): 146–155.
- Ацамба Ф. М. 1987. Господствующий класс в социальной структуре египетского города (конец XVIII – начало XIX в.). *Государство в докапиталистических обществах Азии* / Ред. Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян, с. 203–219. М.: Главная ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука».
- Белокреницкий В. Я. 2008. Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане. *Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные* / Ред. А. Д. Воскресенский, с. 326–346. М.: Аспект Пресс.
- Большаков О. Г. 1984. *Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.* М.: Наука.
- Быстрицкий А. 2016. Мрак по расчету. *Коммерсант* 7 августа.
- Васецова Е. С. 2017. Алжир в контексте региональной безопасности на Ближнем Востоке. *Век глобализации* 4: 82–91.
- Васильев А. М. 1967. *Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818)*. М.: Наука.
- Васильев А. М. 2017. Исламский экстремизм: опасности реальные и мнимые. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ / Ред. А. Д. Саватеев, Н. А. Нефляшева, Э. Ф. Кисриев, с. 33–54. М.: Ин-т Африки РАН.

- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В. 2018. Экономический рост, об-разование и терроризм: Опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 3: 28–65.
- Вишневский А., Денисенко М. 2016. *Миграции в глобальном контексте*. Пленарный доклад на XVII апрельской конференции ВШЭ. URL: <https://conf.hse.ru/2016/reports>.
- Воскресенский А. Д. (Ред.) 2007. *Политические системы и политические культуры Востока*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад.
- Воскресенский А. Д. (Ред.) 2011. *Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы*. М.: Аспект Пресс.
- Гоббс Т. 1965. *Левиафан. Избранные произведения*: в 2 т. Т. 2. М.: Наука.
- Голдстоун Д. 2014. *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Горохов С. А. 2011. Религиозный фактор в политической жизни современной Индии. *Вестник Адыгейского гос. ун-та* 2: 104–110.
- Горохов С. А. 2015. География ислама в современном мире. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 14–39. М.: Ин-т Африки РАН.
- Гринин Л. Е. 2009. *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010. *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2012а. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 188–223. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2012б. Опасность социально-политического кризиса в процессе модернизации. *Вестник КИГИТ* 6: 39–63.
- Гринин Л. Е. 2013. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2014а. Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 98–127. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2014б. Риски модернизации и нестабильности в Афроевразии: история и современность. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин, с. 95–127. Волгоград: Учитель.

- Гринин Л. Е. 2015. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 2–17.
- Гринин Л. Е. 2016а. Модернизация и социально-политические кризисы. *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Р. С. Гринберг, с. 233–258. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е. 2016б. Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.
- Гринин Л. Е. 2017а. Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. Изд. стер. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2017б. Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования* 4: 138–155.
- Гринин Л. Е. 2017в. Модернизация и социально-политические кризисы. Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. *Взгляд из современности* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко, с. 309–334. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е. 2017г. Российская революция в свете теории модернизации. *История и современность* 2: 22–57.
- Гринин Л. Е. 2017д. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–42.
- Гринин Л. Е. 2017е. Революции и исторический процесс. *Философия и общество* 3: 5–29.
- Гринин Л. Е. 2017ж. Размышления о трансформациях мирового порядка. Ч. 1. Мировой порядок в прошлом и настоящем. *Credo New* 1(89). URL: <http://credo-new.ru/archives/983>.
- Гринин Л. Е. 2018а. Модернизация и социально-политические кризисы. *Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 86–115. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2018б. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Эволюция: паттерны эволюции* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 260–291. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2019а. Исламизм: история и современность. *История и современность* 2 (в печати).
- Гринин Л. Е. 2019б. Исламизм как историко-цивилизационный и социально-политический феномен. *Философия и общество* 2 (в печати).
- Гринин Л. Е. 2019в. Исламизм и глобализация. *Век глобализации* 1: 18–34.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2007. Политическое развитие Мир-Системы: формальный и количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 49–101. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009а. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2009б. Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов. *Полис* 4: 34–52.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016а. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016б. Революции как особая стадия развития общества и Арабская весна. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина, с. 157–190. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2018. Исламизм и его роль в исламском обществе: общие характеристики, функции и социальная база. *Исламистские движения на политической карте современного мира*. Вып. 3. *Афразийская зона нестабильности* / Ред. А. Д. Саватеев, Л. Е. Гринин, с. 29–73. М.: Ин-т Африки РАН.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019. Современный исламизм: Анализ основных функций и характеристик. *Восток* 2: 92–114.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 368–427. М.: ЛКИ/URSS.
- Давыдов С., Каширских О., Логунова О., Пронкина Е., Савин Н. 2016. Образ ИГИЛ в зарубежных СМИ и произведениях массовой культуры. *Гроза с Востока. Как ответит мир на вызов ИГИЛ?* / Сост. Ф. А. Лукьянов, с. 52–72. М.: Эксмо.
- Десилвер Д., Мэсслив Д. 2017. Ислам в мире распространен шире, чем вы думаете. *ИноСМИ* 2 февраля. URL: <https://inosmi.ru/social/20170202/238650227.html>.
- Джанаби М. М. 2015. Политическая идея современного исламоцентризма (Философско-культурологический анализ). *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 42–96. М.: Ленанд.
- Долгов Б. В. 2015. Радикальный исламизм в Алжире. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 229–259. М.: Ленанд.

- Донцов В. Е., Чурилина Т. А. 2007. Политические системы монархий Аравийского полуострова. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский, с. 185–231. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад.
- Дорошенко Е. А. 1998. *Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг.* М.: ИВ РАН.
- Дьяконов И. М. 1971. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии). *Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока* / Ред. Г. Ф. Ким, с. 127–146. М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры.
- Ергин Д. 1999. *Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть.* М.: ДеНово.
- Ефимова Л. М. 2007. Особенности политической культуры современного Востока. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский, с. 118–136. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад.
- Иванов Н. А., Орешкова С. Ф. 2000. Османская империя в XVI–XVII вв. *История Востока: в 6 т. Т. III. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени. XVI–XVIII вв.* / Ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов, с. 67–98. М.: Вост. лит-ра.
- Игнатенко А. 2004. *Ислам и политика.* М.: Ин-т религии и политики.
- Игнатенко А. 2009. Эпистемология исламского радикализма. *Религия и глобализация на просторах Евразии* / Ред. А. Малащенко, С. Филатов, с. 175–221. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Моск. центр Карнеги.
- Йылдызоглу Э. 2014. Когда рушится порядок на Ближнем Востоке. *ИноСМИ* 25 ноября. URL: <https://inosmi.ru/asia/20141125/224493037.html>.
- Казн Л., Метен А. 1939. Турция. *История XIX века: в 8 т. Т. 8* / Ред. Э. Лависс, А. Рамбо, с. 5–13. М.: ОГиз, Гос. соц.-эконом. изд-во.
- Кей Д. 2011. *История Индии.* М.: АСТ: Астрель.
- Кепель Ж. 2004. *Джихад. Экспансия и закат исламизма.* М.: Ладомир.
- Кисриев Э. Ф. 2017. Зарождение радикальных исламских движений в Дагестане. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ* / Ред. А. Д. Саватеев, Н. А. Нефляшева, Э. Ф. Кисриев, с. 203–251. М.: Ин-т Африки РАН.
- Кисриев Э. Ф., Саватеев А. Д., Следзевский И. В., Нефляшева Н. А. 2015. Введение. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 5–13. М.: Ин-т Африки РАН.
- Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия.* М.: Ладомир.
- Клюев Б. И. 2002. *Религия и конфликт в Индии.* М.: ИВ РАН.

- Коктыш К. Е. 2002.** Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы общественного развития. *Полис* 4: 6–17; 5: 20–33.
- Комар У. И. 2007.** Исламский фундаментализм как политико-культурный феномен. *Социальные и гуманитарные науки* 1: 25–37.
- Коротаев А. В. 1996.** Возникновение ислама: социально-экологический и социально-политический контекст. *Человек и природа: проблемы социоестественной истории* 8: 48–50.
- Коротаев А. В. 2003.** Возникновение ислама: политико-антропологический контекст. *Сборник Русского исторического общества* 7(155): 14–24.
- Коротаев А. В. 2005.** Мировые религии как фактор социальной эволюции цивилизаций Старого Света. *История и синергетика: Методология исследования* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 119–138. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В. 2006.** Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко, с. 1483–1489. М.: РСО.
- Коротаев А. В. 2013.** Структура современной глобальной конвергенции: количественный анализ. *Эконометрические методы в исследовании глобальных процессов* / Ред. А. А. Петров, с. 101–111. М.: Анкил.
- Коротаев А. В. 2014.** Великая дивергенция, Великая конвергенция и глобальный демографический переход. *Мировая экономика ближайшего будущего: откуда ждать инновационного рывка?* / Ред. В. М. Бондаренко, с. 39–51. М.; Волгоград: Международный фонд Н. Д. Кондратьева; Учитель.
- Коротаев А. В. 2015а.** Глобальный демографический переход и фазы дивергенции – конвергенции центра и периферии Мир-Системы. *Вестник Института экономики Российской академии наук* 1: 149–162.
- Коротаев А. В. 2015б.** Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции. *Социофизика и социоинженерия* / Ред. Ю. Л. Словохотов, с. 16–17. М.: МГУ.
- Коротаев А. В. 2015в.** Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 44: 97–102.
- Коротаев А. В. 2016.** Великая дивергенция и великая конвергенция как фазы процесса модернизации. *География мирового развития: сб. науч. тр. Вып. 3* / Ред. Л. М. Синцеров, с. 49–60. М.: Тов-во научных изданий КМК.
- Коротаев А. В., Андреев А. И., Зинькина Ю. В., Фоломеева Д. А. 2014.** О структуре глобальной конвергенции. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика* 3–4: 74–82.

- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2016.** Дивергенция и конвергенция в мировой экономике. *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Р. С. Гринберг, с. 175–225. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2017.** Дивергенция и конвергенция в мировой экономике. *Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко, с. 252–308. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. *Логические и математические модели. Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 138–164. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп* 459–460. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011г.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (Ред.) 2012.** *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. М.: URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев, с. 206–227. М.: Ленанд/URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин, с. 180–207. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 2: 88–99.
- Коротаев А. В., Клименко В. В., Прусаков Д. Б. 2007.** *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст*. М.: ОГИ.

- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 43–98. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005а.** *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов (Демография. Экономика. Войны).* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005б.** Компактная математическая макро модель технико-экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 гг.). *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 6–48. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2008.** Компактная математическая модель экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 гг.). *Экономика и математические методы* 44(4): 90–101.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 210–276. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Мешерина К. В., Исаев Л. М., Искосков А. С., Херн У. Д., Куликова Е. Д. 2016.** Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна в глобальном контексте* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мешерина, с. 22–126. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Столярова Т. И., Халтурина Д. А. 2012.** Религиозность в странах современного мира: сравнительный анализ. *Историческая психология и социология истории* 5(2): 18–27.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-

демографической динамики модернизирующихся систем. *Логические и математические модели. Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 138–164. М.: Красанд/URSS.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010. *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития.* 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.

Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012. К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток *versus* Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 337–386. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. 2014. Щит ислама? Исламский фактор распространения ВИЧ в Африке. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 184–193. Волгоград: Учитель.

Коротаев А. В., Юрьев С. Е. 2018. К системному анализу количественных показателей развития образовательных систем арабских стран. *Восток* 1: 65–79.

Кузнецов В., Салем В. 2016. Безальтернативная хрупкость: судьба государства – нацизм в арабском мире. *Гроза с Востока. Как ответит мир на вызов ИГИЛ?* / Сост. Ф. А. Лукьянов. М.: Эксмо.

Ланда Р. Г., Саватеев А. Д. 2015. Политический ислам в странах Северной Африки. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира.* Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 126–180. М.: Ленанд.

Левин З. И. 2014. *Очерки природы исламизма.* М.: ИВ РАН.

Лунев С. И. 2010. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. *Вестник МГИМО-Университета* 1: 189–201.

Малашенко А. 2006. *Исламская альтернатива и исламистский проект.* М.: Весь мир.

Малашенко А. В. 2015. Исламизм как долгосрочный фактор глобальной политики. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира.* Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 97–126. М.: Ленанд.

Мейер М. С. 1986. Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII – XVIII в. *Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы* / Ред. С. Ф. Орешкова, с. 155–185. М.: Наука.

Мельвиль А. Ю. (Ред.) 2002. *Категории политической науки.* М.: МГИМО.

- Мирский Г. И. 2003.** Цивилизация бедных. *Отечественные записки* 5(14). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/civilizaciya-bednyh> (дата обращения: 18.12.2012).
- Мирский Г. И. 2009.** Глобальная угроза, о которой нельзя забывать. *Мировая экономика и международные отношения* 2: 109–111.
- Мирский Г. И. 2015.** Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество. *Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, июль 2015*. URL: <https://ru.valdaiclub.com>.
- Мирский Г. И. 2016.** Радикальный исламизм: сила идеи. *Гроза с Востока. Как ответит мир на вызов ИГИЛ?* / Сост. Ф. А. Лукьянов. М.: Эксмо.
- Орлов В. В. 2015.** Марокко: шерифская монархия как оппонент радикализма. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 285–324. М.: Ленанд.
- Пластун В. Н. 2003.** *Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока (последняя треть XX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук*. М.
- Полонская Л. Р. 1991.** Религия в политической культуре Индии. *Индия: религия в политике и общественном сознании* / Отв. ред. Б. И. Клюев, А. Д. Литман, с. 5–42. М.: Наука.
- Примаков Е. М. 2006.** *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)*. М.: Российская газета.
- Саватеев А. Д. 2006.** *Исламская цивилизация в Тропической Африке*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Саватеев А. Д., Кисриев Э. Ф. (Отв. ред.) 2015.** *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. М.: URSS/Ленанд.
- Саватеев А. Д., Нефляшева Н. А., Кисриев Э. Ф. (Ред.) 2017.** *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 2. *Северный и Южный Кавказ*. М.: Ин-т Африки РАН, Рос. ин-т дружбы народов.
- Сапронова М. А. 2007.** Основные черты и особенности функционирования политических систем арабских стран. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский, с. 138–184. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад.
- Серегичев С. Ю. 2015.** Политический ислам в Судане: история, идеи, практика. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 367–404. М.: Ленанд.
- Станкевич Г. В. 2011.** Религия как актор политического процесса традиционного востока (на примере Индии и Шри-Ланки). *Власть* 10: 160–163.

- Степанов Р. Н. 1981.** Некоторые наблюдения относительно современных процессов в исламе (на примере Египта). *Ислам в истории народов Востока* / Отв. ред. И. М. Смилянская, С. Х. Кямилев. М.: Наука.
- Стоклицкий С. Л., Фридман Л. А., Андрукович П. Ф. 1985.** *Экономические структуры арабских стран*. М.: Наука.
- Стрежнева М. В. 2007.** Политическая культура: абстрактное представление о неясной реальности. *Политические системы и политические культуры Востока* / Ред. А. Д. Воскресенский, с. 45–54. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад.
- Тойнби А. Дж. 1995.** Ислам и Запад. В: Тойнби Дж., *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. СПб.: Ювента.
- Фергюсон Н. 2014.** *Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира*. М.: АСТ: CORPUS.
- Франк А. Г. 2002.** Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации*. Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Ред. А. О. Чубарьян, с. 192–203. М.: Наука.
- Хайруллин Т. Р. 2018.** *Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе*: дис. ... канд. полит. наук. М.: Ин-т Африки РАН. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/hayrullin-diss.pdf (дата обращения: 12.03.2019).
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2016.** Ислам, Партия арабского социального возрождения и сирийские конституции 1973 и 2012 гг. *Право и управление. XXI век* 2(39): 40–46.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017а.** Ислам и йеменские конституции: опыт сопоставительного анализа. *Азия и Африка сегодня* 5: 43–48.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017б.** К периодизации политических процессов интеграции на арабском Востоке во второй половине XX в. *Общество: политика, экономика, право* 11: 32–36.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017в.** Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама. *Ислам в современном мире* 13(2): 139–152.
- Хантингтон С. 2003.** *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012.** Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов, с. 463–507. М.: URSS.
- Царегородцева И. А. 2017.** Исламский активизм: основные этапы развития идеологии. *Исламские радикальные движения на политической карте со-*

временного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ / Ред. А. Д. Саватеев, Н. А. Нефляшева, Э. Ф. Кисриев, с. 93–111. М.: Ин-т Африки РАН.

Чекризова О. П. 2013. Особенности эволюции исламского радикализма в Пакистане. *Вестник МГИМО-Университета. Серия Политология* 5(32)201: 108–117. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/politologiya/osobennosti-evolyucii-islamskogo-radikalizma-v-pakistanе>.

Эйзенштадт Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций.* М.: Аспект Пресс.

Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. 2010. *История Индии. XX век.* М.: ИВ РАН.

Юрлова Е. С. 2007. Индия: мусульмане и мусульманки. Проблемы религиозного меньшинства в многоконфессиональном обществе. *Азия и Африка сегодня* 10: 124–131.

Яковлев А. И. 2015. *Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного.* М.: Ин-т стран Востока.

Abboud S. N. 2016. *Syria.* Malden: Polity Press.

Achilov D. 2015. When Actions Speak Louder than Words: Examining Collective Political Protests in Central Asia. *Democratization* 23(4): 699–722.

Achilov D. 2016. Revisiting Political Islam: Explaining the Nexus between Political Islam and Contentious Politics in the Arab World. *Social Science Quarterly* 97(2): 252–270.

Achilov D., Sen S. 2017. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? *International Political Science Review* 38(5): 608–624.

Addleton J. 1991. The Impact of the Gulf War on Migration and Remittances in Asia and the Middle East. *International Migration* 29(4): 509–526.

Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. 2012. On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial-economic Crises Forecasts. *The European Physical Journal* 205: 355–373.

Algar H. 1969. *Religion and State in Iran (1785–1906). The Role of the Ulema in Qajar Period.* Berkeley; Los Angeles.

Amin H. 2017. *Post Islamism: Pakistan in the Era of Neoliberal Globalization.* Lahore: International Islamic University.

Ansari A. A. 2001. *Syed Ahmad Khan: A Centenary Tribute.* New Delhi: Adam Publishers.

Arrighi G. 2007. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century.* London: Verso.

Ayoob M. 2009. *The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

al-Azm S. J. 2004. Islam, Terrorism and the West Today. *Welt des Islams* 44(1): 114–128.

- Bayat A. 2007.** *Islam and Democracy: What is the Real Question?* ISIM Paper 8. Leiden: Amsterdam University Press.
- Bayat A. 2013.** *Post-Islamism: the Changing Face of Political Islam.* New York, NY: Oxford University Press.
- Berrebi C. 2007.** Evidence about the Link between Education, Poverty and Terrorism among Palestinians. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 13(1): 1–36.
- Berman S. 2003.** Islamism, Revolution, and Civil Society. *Perspectives on Politics* 1(2): 257–272.
- Bisk T. 2015.** The War on Islamism. *Lone Actors – An Emerging Security Threat* / Ed. by A. Richman, Y. Sharan, pp. 132–145. Amsterdam: IOS Press.
- Black A. 2011.** *The History of Islamic Political Thought: From the Prophet to the Present.* 2nd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Bokhari K., Senzai F. 2013.** *Political Islam in the Age of Democratization.* New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Brems E. 2001.** Islamic Declarations of Human Rights. *Human Rights: Universality and Diversity.* Vol. 66 of International Studies in Human Rights. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers.
- Byman D. 2005.** *Deadly Connections: States that Sponsor Terrorism.* Cambridge.
- Byman D. 2007.** *The Five Front War: The Better Way to Fight Global Jihad.* Wiley.
- Byman D. 2011.** *The Triumphs and Failures of Israeli Counterterrorism.* Oxford.
- Calvert J. 2010.** *Sayyid Qutb and the Origins of Radical Islamism.* New York, NY: Columbia University Press.
- Campana A., Jourde C. 2017.** Islamism and Social Movements in North Africa, the Sahel and Beyond: Transregional and Local Perspectives. *Mediterranean Politics* 22(1): 1–15. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13629395.2016.1230945>.
- Casaca P. 2017a.** The Conceptual Discussion on Terrorism. *Terrorism Revisited Islamism, Political Violence and State-Sponsorship* / Ed. by P. Casaca, S. O. Wolf, pp. 3–32. N. p.: Springer International Publishing AG.
- Casaca P. 2017b.** New Terrorism. The Idea that there is a New, Modern, Contemporary or Post-modern Terrorism. *Terrorism Revisited Islamism, Political Violence and State-Sponsorship* / Ed. by P. Casaca, S. O. Wolf, pp. 33–55. N. p.: Springer International Publishing AG.
- Chumley C. K. 2013.** Muslim Brotherhood: We're 'Willing to Die' for Morsi. *The Washington Times* July 19. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/jul/19/muslim-brotherhood-were-willing-die-morsi/>.
- Dalacoura K. 2015.** Islamism, Democracy and Democratization and the 2011 Arab Uprisings. *Mediterranean Politics* 20(3): 420–426. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13629395.2015.1042712>.

- Daly M. W. (Ed.) 1998.** *The Cambridge History of Egypt. Vol. 2. Modern Egypt from 1517 to the End of the Twentieth Century.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Dawisha A. 2016.** *Arab Nationalism in the Twentieth Century: from Triumph to Despair.* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dennis A. J. 1996.** *The Rise of the Islamic Empire and the Threat to the West.* Ohio: Wyndham Hall Press.
- Denoeux G. 2002.** The Forgotten Swamp: Navigating Political Islam. *Middle East Policy* 9(2): 56–81.
- Devlin J. F. 1991.** The Baath Party: Rise and Metamorphosis. *The American Historical Review* 96(5): 1396–1407.
- Escobar P. 2017.** Jihad 2.0: the Making of the Next Nightmare. URL: <https://sputniknews.com/columnists/201705311054159721-jihad-balkans-next-nightmare>.
- Esposito J. L., Burgat F. (Eds.) 2003.** *Modernizing Islam: Religion in the Public Sphere in Europe and the Middle East.* London: Hurst & Co.
- Fargues P. 1993.** Demography and Politics in the Arab World. *Population: An English Selection* 5: 1–20.
- Flower R. 1972.** *Napoleon to Nasser. The Story of Modern Egypt.* London: Tom Stacey.
- Fox A. M., Alzwawi S. A., Refki D. 2016.** Islamism, Secularism and the Woman Question in the Aftermath of the Arab Spring: Evidence from the Arab Barometer. *Politics and Governance* 4(4): 40–57. DOI: 10.17645/pag.v4i4.767.
- Frank A. G. 1997.** Asia Comes Full Circle – with China as the ‘Middle Kingdom’. *Humboldt Journal of Social Relations* 76(2): 7–20.
- Frank A. G. 1998.** *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Fromkin D. 1989.** *A Peace to End All Peace. Creating the Modern Middle East (1914–1922).* New York, NY: Henry Holt & Company.
- Fuller G. E. 2004.** *The Future of Political Islam.* New York, NY: Macmillan.
- Fuller G. 2014.** *Turkey and the Arab Spring: Leadership in the Middle East.* Squamish, BC: Bozorg Press.
- Gearson J. 2002.** The Nature of Modern Terrorism. *The Political Quarterly* 73 (August): 7–24.
- Geertz C. 1971.** *Islam Observed. Religious Development in Morocco and Indonesia.* Chicago, IL: The University of Chicago Press, Phoenix Edition.
- Gelvin J. L. 2008.** *The Modern Middle East: A History.* Oxford: Oxford University Press.
- Global Terrorism Database. N. d.** URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/>.

- Global Terrorism Database Codebook. 2016.** URL: <http://www.start.umd.edu/gtd/downloads/Code-book.pdf>.
- Goldschmidt A. 2004.** *Modern Egypt. The Formation of a Nation-State*. Boulder, CO: Westview.
- Graham G. F. I. 1974.** *The Life and Work of Sir Saiyyid Ahmad Khan*. London: Oxford University Press.
- Grinin L. E. 2003.** The Early State and Its Analogues. *Social Evolution & History* 2(1): 131–176.
- Grinin L. E. 2004.** Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.
- Grinin L. E. 2008a.** Early State, Developed State, Mature State: Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2008b.** Early State in the Classical World: Statehood and Ancient Democracy. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Ancient and Medieval Cultures* / Ed. by L. E. Grinin, D. D. Beliaev, A. V. Korotayev, pp. 31–84. Moscow: KomKniga/URSS.
- Grinin L. E. 2011a.** Early State Analogues and the Models of Early State Formation. *Europejczycy Afrykanie Inni*. Studia ofiarowane Profesorowi Michalowi Tymowskiemu / Ed. by B. Nowak, M. Nagielski, J. Pysiak, pp. 45–60. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Grinin L. E. 2011b.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Clodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 124–157.
- Grinin L. E. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Grinin L. E. 2017.** Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue. *Chiefdoms. Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 195–232. New York, NY: Eliot Werner Publications.
- Grinin L. E. 2018.** Revolutions: An Insight into a Five Centuries' Trend. *Social Evolution & History* 17(2): 171–204.
- Grinin L. E., Carneiro R. L., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. (Eds.). 2004.** *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Grinin L. E., Ilyin I. V., Andreev A. I. 2016.** World Order in the Past, Present, and Future. *Social Evolution and History* 15(1): 58–84.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** The Afroeurasian World-System: Genesis, Transformations, Characteristics *Routledge Handbook of World-Systems Analysis* / Ed. by S. J. Babones, Ch. Chase-Dunn, pp. 30–41. London; New York, NY: Routledge.

- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013a.** Globalization and the World System Evolution. *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 30–68. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013b.** The Origins of Globalization. *Globalization. Yesterday, Today, and Tomorrow* / Ed. by J. Sheffield, A. Korotayev, L. Grinin, pp. 1–29. Litchfield Park, AZ: Emergent Publications.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, A. Kiadó, pp. 184–207. Budapest: Publisher-house Arostotelész.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* New York, NY: Springer.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2018.** *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives.* Dordrecht; Heidelberg; New York, NY: Springer.
- Hodgson M. G. S. 2009.** *The Venture of Islam.* Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Hoffman B. 1998.** *Inside Terrorism.* New York, NY: Columbia University Press.
- Holdo M. 2017.** Post-Islamism and Fields of Contention after the Arab Spring: Feminism, Salafism and the Revolutionary Youth. *Third World Quarterly* 38(8): 1800–1815. URL: <https://doi.org/10.1080/01436597.2016.1233492>.
- Hooper I. 2015.** *CAIR Welcomes AP Stylebook Revision of 'Islamist'.* Council on American-Islamic Relations Press Release (March 11). Washington, DC: CAIR. URL: <https://www.cair.com/press-center/press-releases/11808-cair-welcomes-ap-stylebook-revision-of-islamist.html>.
- Hossain A. A. 2016.** Islamism, Secularism and Post-Islamism: the Muslim World and the Case of Bangladesh. *Asian Journal of Political Science* 24(2): 214–236.
- Huntington S. P. 1996.** *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* New York, NY: Simon & Schuster.
- Husaini I. M. 1956.** *The Moslem Brethren.* Beirut: Khayat's College Book Cooperative.
- Ismail S. 2006.** *Rethinking Islamist Politics: Culture, the State and Islamism.* London; New York, NY: I. B. Tauris.
- Jalal A. 1994.** *The Sole Spokesman: Jinnah, the Muslim League, and the Demand for Pakistan.* Cambridge, New York: Cambridge University Press.

- Kandil A. 2011.** An Attempt to Evaluate the Development of Arab Civil Society. *The Changing Middle East. A New Look at Regional Dynamics*. Cairo: The American University in Cairo Press.
- Kaplan D. E. 2003.** The Saudi Connection: How Billions in Oil Money Spawned a Global Terror Network. *U.S. News and World Report* December 15.
- Keddie N. R. 1972.** *Sayyid Jamal ad-Din al-Afghani: A Political Biography*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Keddie N. R. 1980.** *Religion, Politics and Society*. London; New York, NY.
- Kelsay J. 2007.** *Arguing the Just War in Islam*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kepel G. 1987.** *Les banlieues de l'Islam: naissance d'une religion en France*. Seuil; Paris.
- Kepel G. 2000.** *Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme*. Paris: Gallimard.
- Ketchley N. 2017.** *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Khalidi R. (Ed.). 1991.** *The Origins of Arab Nationalism*. New York, NY: Columbia University Press.
- Khan A. R. 2007.** All-India Muhammadan Educational Conference and the Foundation of the All-India Muslim League. *Journal of the Pakistan Historical Society* 55(1/2): 65–83.
- Khosrokhavar F. 2006.** *Quand Al-Qaida parle. Temoignages derriere les barreaux*. Paris.
- Kirisci K. 2013.** The Rise and Fall of Turkey as a Model for the Arab World. *Brookings Institute* August 15. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2013/08/15-rise-and-fall-turkey-model-middle-east>.
- Klausen J. 2007.** *The Islamic Challenge*. Oxford: Oxford University Press.
- Korotayev A. 2000.** Parallel Cousin (FBD) Marriage, Islamization, and Arabization. *Ethnology* 39(4): 395–407.
- Korotayev A. 2003.** Religion and Society in Southern Arabia and among the Arabs. *Arabia* 1: 65–76.
- Korotayev A. 2004.** *World Religions and Social Evolution of the Old World Oikumene Civilizations: A Cross-cultural Perspective*. Lewiston, NY: The Edwin Mellen Press.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina, pp. 113–134. New Delhi: Narosa Publishing House.
- Korotayev A., Goldstone J., Zinkina J. 2015.** Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change* 95: 163–169.

- Korotayev A. V., Grinin L. E. 2017.** *Chiefdoms: Beyond Time? Chiefdoms. Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 327–332. New York, NY: Eliot Werner Publications.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2013.** Women in the Islamic Economy: a Cross-Cultural Perspective. *St. Petersburg Annual of Asian and African Studies* 2: 105–116.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2015.** Female Labor Force Participation Rate, Islam, and Arab Culture in Cross-Cultural Perspective. *Cross-Cultural Research* 49(1): 3–19.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2016.** Egyptian Coup of 2013: an ‘Econometric’ Analysis. *The Journal of North African Studies* 21(3): 341–356.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M. A., Ivanov E. A. 2016.** Afrasian Instability Zone and its Historical Background. *Social Evolution and History* 15(2): 120–140.
- Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 1999.** Origins of Islam: Political-anthropological and Environmental Context. *Acta Orientalia Hung* 53(3–4): 243–276.
- Korotayev A., Klimenko V., Proussakov D. 2003.** Globalizing Trends in the Pre-Modern Islamic World and Modern Globalization. *Globalization and the Dialogue of Civilizations* / Ed. by M. `Ouda et. al., pp. 41–70. Cairo: Ain Shams University.
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014.** A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics: Trends and Cycles* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 201–267. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House.
- Korotayev A., Zinkina J. 2014.** On the Structure of the Present-day Convergence. *Campus-Wide Information Systems* 31(2): 41–57.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2011a.** Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Journal of Globalization Studies* 2(2): 25–62.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2011b.** Unconditional Convergence among Larger Economies. *Great Powers, World Order and International Society: History and Future* / Ed. by D. Liu, pp. 70–107. Changchun: The Institute of International Studies – Jilin University.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. 2012.** Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Globalistics and Globalization Studies* 1: 246–280.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Clidynamics* 2(2): 276–303.

- Krueger A. B., Maleckova J. 2003.** Education, Poverty and Terrorism: Is there a Casual Connection? *Journal of Economic Perspectives* 17(4): 119–144.
- Kurzman C. 1998.** *Liberal Islam: A Source Book*. New York, NY: Oxford University Press.
- Laqueur W. 1978.** *The Terrorism Reader: A Historical Anthology*. Philadelphia: Temple University Press.
- Laqueur W. 1987.** *The Age of Terrorism*. Boston, MA: Little, Brown.
- Laqueur W. 1998.** *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Washington: Woodrow Wilson Center Press.
- Laqueur W. 1999.** *The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction*. London; New York, NY: Oxford University Press.
- Laqueur W. 2001.** *A History of Terrorism*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
- Laqueur W. 2004.** *No End to War: Terrorism in the Twenty-first Century*. New York, NY: Continuum International Publishing Group.
- League of Arab States. 2004.** *Arab Charter on Human Rights* May 22. Reprinted in *12 Int'l Hum. Rts. Rep.* 893 (2005), entered into force March 15, 2008.
- Levtzion N., Pouwels R. L. 2000.** *History of Islam in Africa*. Athens, OH: Ohio University Press.
- Lewis B. 1990.** *The Roots of Muslim Rage*. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/print/1990/09/the-roots-of-islamic-rage/304643>.
- Lia B. 2006.** *The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement 1928–1942*. Reading: Ithaca Press.
- Linjakumpu A. 2008.** *Political Islam in the Global World*. Reading: Ithaca Press.
- Maddison A. 2010.** *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2008*. URL: www.ggd.net/maddison.
- March A. F. 2015.** Political Islam: Theory. *Annual Review of Political Science* 18: 103–123.
- Marsot A. 2004.** *A Short History of Modern Egypt*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mernissi F. 2002.** *Islam and Democracy: Fear of the Modern World*. 2nd ed. Cambridge, MA: Perseus Publishing.
- Mir G., Khaki G. N. 2015.** Globalization and Post-Islamic Revolution. *Journal of Globalization Studies* 6(1): 74–90.
- Mitchell R. P. 1993.** *The Society of the Muslim Brothers*. New York, NY: Oxford University Press.
- Muddassir Quamar. 2017.** The Turkish Referendum, 2017. *Contemporary Review of the Middle East* 4(3): 319–327.
- Mura A. 2012.** A Genealogical Inquiry into Early Islamism: the Discourse of Hassan al-Banna. *Journal of Political Ideologies* 17(1): 61–85.

- Mustansir M. 2006.** *Iqbal*. London; New York, NY: I. B. Tauris.
- Norris P., Kern M., Just M. 2003.** Framing Terrorism. *Framing Terrorism: The News Media, the Government, and the Public* / Ed. by P. Norris, M. Kern, M. Just, pp. 3–26. New York, NY: Routledge.
- Organization of the Islamic Conference. 1990.** The Cairo Declaration on Human Rights in Islam. Organization of the Islamic Conference. Cairo. URL: http://www.oic-iphrc.org/en/data/docs/legal_instruments/.
- Osman T. 2016.** *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Pape R. 2005.** *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*. New York, NY: Random House.
- Pape R., Feldman J. K. 2010.** *Cutting the Fuse: The Explosion of Global Suicide Terrorism and How to Stop It*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Pew Research Center. 2011.** *Future of the Global Muslim Population*. Washington, DC: Pews Research Center. URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/future-of-the-global-muslim-population-sunni-and-shia/>.
- Pew Research Center. 2012.** *Faith on the Move. The Religious Affiliation of International Migrants*. *Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life*. Washington, D.C.: Pew Research Center.
- Phillips C. 2016.** *The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Pipes D. 1995.** The Western Mind of Radical Islam. *First Things* December. URL: <http://www.danielpipes.org/273/the-western-mind-of-radical-islam>.
- Pipes D. 2001–2002.** God and Mammon: Does Poverty Cause Militant Islam? *The National Interest* 66 (Winter): 14–21.
- Pipes D. 2003.** The Saudi Connection: How Billions in Oil Money Spawned a Global Terror Network. URL: <http://www.danielpipes.org/blog/2003/12/the-saudi-connection-how-billions-in-oil>.
- Poljarevic E. 2015.** Islamism. *The Oxford Encyclopedia of Islam and Politics* / Ed. by E. El-Din Shahin. Oxford: Oxford Islamic Studies. URL: <http://0-www.oxfordislamicstudies.com.mylibrary.qu.edu.qa/article/opr/t342/e0252>.
- Qutb S. 1990.** *Milestones*. Indianapolis: American Trust Publications.
- Rahim L. Z. 2011.** *Towards a Post-Islamist Secular Democracy in the Muslim World*. Paper presented at the Contemporary Challenges of Politics Research Workshop, Crowne Plaza Hotel, Coogee Beach, NSW, Australia, 31 October.
- Rajace F. 2007.** *Islamism and Modernism: the Changing Discourse in Iran*. Austin: University of Texas Press.
- Ramadan T. 1999.** *To Be a European Muslim: A Study of Islamic Sources in the European Context*. Leicester: Islamic Foundation.
- Rana M. A. 2017.** Non-Fiction: The Failed Rationalist. Updated July 23. URL: <https://www.dawn.com/news/1347016>.

- Roy O. 1994.** *The Failure of Political Islam*. Cambridge: Harvard University Press.
- Russell Ch. A., Miller B. H. 1977.** Profile of a Terrorist. *Terrorism* 1(1): 17–34.
- Sayyid B. S. 1997.** *A Fundamental Fear: Eurocentrism and Emergence of Islamism*. London; New York, NY: Zed Books Ltd.
- Scheuer M. 2004.** *Imperial Hubris: Why the West is Losing the War on Terror*. Washington, DC: Brassey's Inc.
- Scheuer M. 2008.** *Towards Hell: America and Islam after Iraq*. New York, NY: Free Press, Simon & Schuster.
- Scheuer M. 2011.** *Osama Bin Laden*. Oxford: Oxford University Press.
- Schwedler J. 2011.** Can Islamists Become Moderates? Rethinking the Inclusion-Moderation Hypothesis. *World Politics* 63(2): 347–376.
- Shafique Khurram Ali. 2014.** *Iqbal: His Life and Our Times*. L. Lahorii: ECO Cultural Institute & Iqbal Academy Pakistan.
- Shahibzadeh Y. 2016.** *Islamism and Post-Islamism in Iran. An Intellectual History*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Shishkina A. R., Issaev L. M., Truevtsev K. M., Korotayev A. 2014.** The Shield of Islam? Islamic Factor of HIV Prevalence in Africa. *History & Mathematics: Trends and Cycles* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 314–321. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Sidahmed A. S. 1997.** *Politics and Islam in Contemporary Sudan*. Richmond: Curzon Press.
- Soage A. B. 2008.** Rashid Rida's Legacy. *The Muslim World* 98(1): 1–23.
- Soguk N. 2010.** *Globalization and Islamism beyond Fundamentalism*. Lanham; Boulder, CO: Rowman & Littlefield Publishers.
- Strindberg A., Warn M. 2011.** *Islamism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tibi B. 1988.** *The Crisis of Modern Islam*. Salt Lake City, UT: University of Utah Press.
- Tibi B. 1997.** *Arab Nationalism: between Islam and the Nation-state*. New York, NY: Springer.
- Tibi B. 2012.** *Islamism and Islam*. New Haven, CT; London: Yale University Press.
- Tibi B. 2013.** The Islamist Venture of the Politicization of Islam to an Ideology of Islamism: A Critique of the Dominating Narrative in Western Islamic Studies. *Soundings: An Interdisciplinary Journal* 96(4): 431–449.
- Ugur Etga. 2017.** Islamists and the Politics of Democratization: Evidence from Turkey. *Contemporary Islam* 11: 137–155. DOI: 10.1007/s11562-017-0380-z.
- UN Population Division. 2017.** *UN Population Division Database*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- UN Population Division. 2018.** *UN Population Division Database*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.

- Vatikiotis P. J. 1992.** *The History of Modern Egypt*. 4th ed. Baltimore: Johns Hopkins University.
- Volpi F., Stein E. 2015.** Islamism and the State after the Arab Uprisings: Between People Power and State Power. *Democratization* 22(2): 276–293.
- Walzer M. 2015.** Islamism and the Left. *Dissent* 62(1): 107–117.
- Weiss M. 2010.** Southeast Asia's Muslim Majority Democracies: Elections and Islamism Outside the MENA Region. *Taiwan Journal of Democracy* 6(1): 81–106.
- Wolpert S. 2013.** *Jinnah of Pakistan*. Karachi.
- Woltering R. A. F. L. 2002.** The Roots of Islamist Popularity. *Third World Quarterly* 23(6): 1133–1143.
- World Bank. 2019.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.
- Yapp M. E. 2004.** Islam and Islamism. *Middle Eastern Studies* 40(2): 161–182.